

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

1 (19)

2019

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 1 декабря 2015 г.).

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель журнала – публикация материалов по специальностям: «Исторические науки и археология», «Экономические науки», «Политология».

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в «Объединенном каталоге. Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2019 г. – 94182

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Аникин В.И. – д-р экон. наук

Гаврилова С.М. – канд. ист. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Каширина Т.В. – д-р ист. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Рудов Г.А. – д-р полит. наук

Сидорова Н.П. – канд. полит. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнением авторов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Неймарк М.А.</i> Национальная безопасность России: от концепции к стратегии	6
<i>Гарбузарова Е.Г.</i> Роль России и Китая в формировании нового мирового порядка	22

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Руднева А.О.</i> Специфика санкционного давления на экономику России в контексте сложившейся энергосырьевой ориентации экспорта страны	31
<i>Троянский М.Г.</i> О внутривнутриполитических процессах в ведущих странах Латинской Америки	42
<i>Орловский Н.С., Зонн И.С., Костяной А.Г., Жильцов С.С.</i> Изменение климата и водные ресурсы Центральной Азии	56
<i>Макилова А.М.</i> Водно-энергетическая безопасность Центральной Азии	79
<i>Шишкина О.В.</i> Проблемы безопасности и обороны в Вышеградской группе	89
<i>Левицкий В.Б.</i> Опыт франкофонии как инструмента сохранения и усиления влияния Франции в мире	103
<i>Черникина В.Н.</i> Модели нейтралитета европейских стран	115
<i>Дорошенко И.С.</i> Кооперация стран Северной Европы по обеспечению военной безопасности в Арктическом регионе в рамках НАТО и ЕС	127

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Карпова В.В.</i> Политические предпосылки общественной трансформации Чехословакии	139
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Тимакова О.А., Мурашко М.М., Маркова Е.А.</i> Будущее Большой Европы	148
---	-----

К сведению авторов	156
------------------------------	-----

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on December 1, 2015. The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The mission of the journal is to publish materials on the specialties: “Historic sciences and archeology”, “Economic sciences”, “Political science”, as well as to hold “round tables”

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in “The Consolidated Catalogue. Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2019 – 94182

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vladimir Anikin, DSc (Economics)

Svetlana Gavrilova, PhD (History)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Tatiana Kashirina, DSc (History)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Georgy Rudov, DSc (Political Science)

Nadezhda Sidorova, PhD (History)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. The position of the editorial staff does not necessarily coincide with the authors' opinion. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Mark Neimark. National Security of Russia: from Concept to Strategy. 6

Elena Garbuzarova. The Role of Russia and China in the Creating of a New World Order. 22

REGIONAL PROBLEMS

Anastasiya Rudneva. Specificity of the Sanctions Pressure on the Russian Economy in the Context of the Current Fuel and Energy Raw Materials Orientation of the Country's Exports. 31

Mikhail Troyansky. About Internal Political Processes in the Leading Countries of Latin America. 42

Nicolai Orlovsky, Igor Zonn, Andrey Kostianoy, Sergey Zhiltsov. Climate Change and Water Resources in Central Asia. 56

Aidana Makilova. Water and Energy Security of Central Asia. 79

Olga Shishkina. Problems of Security and Defence in V4. 89

Valery Levitskiy. Experience of the Francophonie As the Instrument of Preservation and Strengthening of the French Influence in the World. 103

Veronika Chernikina. European Countries Neutrality Models. 115

Igor Doroshenko. Cooperation of the Nordic Countries on Ensuring Military Security in the Arctic Region Within the Framework of NATO and the EU. 127

HISTORY AND RELIGION

Vera Karpova. Political Preconditions for the Social Transformation of Czechoslovakia. 139

ACADEMIC LIFE

Olga Timakova, Marina Murashko, Elena Markova. Future of the Greater Europe. 148

Notice to the authors. 156

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Неймарк Марк Афроимович,

доктор исторических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: mark.neimark@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ: ОТ КОНЦЕПЦИИ К СТРАТЕГИИ NATIONAL SECURITY OF RUSSIA: FROM CONCEPT TO STRATEGY

Аннотация: в статье прослеживается эволюция политико-методологических подходов и концептуальных основ национальной безопасности России, особенности их развития с учетом глубоких трансформационных процессов в стране и мире. Анализируются новые вызовы национальной безопасности и основные направления нейтрализации как внешних, так и внутренних угроз. Рассматривается совокупность факторов, влияющих на формирование новых императивов национальной безопасности в условиях преодоления последствий системного политического и социально-экономического кризиса конца XX в., укрепления геополитических позиций страны и ее возрождения в качестве одного из ключевых субъектов мировой политики и международных отношений. Показаны ресурсы, новые возможности и адаптационный потенциал обеспечения национальной безопасности в контексте глобализации всех сфер международной жизни, с одной стороны, и развития контртенденций глобализации – с другой. В фокусе авторского анализа – те концептуальные новации, которые обусловлены стремлением США решать международные проблемы на основе односторонних подходов, абстрагируясь в одних случаях от интересов других акторов мировой политики, в других – попросту игнорируя их, а в третьих, когда это касается России, активно им противодействуя. Особое внимание уделено установкам и положениям, которые внесены в Стратегию национальной безопасности в ответ на санкционное давление Запада на Россию.

Ключевые слова: Россия, принципы и приоритеты национальной безопасности, новые риски и угрозы, международный терроризм, перспективы обеспечения безопасности.

Abstract: the article traces the evolution of politico-methodological approaches and conceptual foundations of the national security of Russia, the peculiarities of its development, taking into account the profound transformation processes in the country and the world over the last quarter of a century. New challenges to national security and the main areas of neutralization of both external and internal threats are analyzed. A set of factors affecting the formation of new imperatives of national security

in the face of overcoming the consequences of a systemic political and socio-economic crisis of the late 20th century, strengthening the country's geopolitical positions and reviving it as one of the key actors in world politics and international relations is considered. The resources, new opportunities and adaptation potential of ensuring national security in the context of the globalization of all spheres of international life, on the one hand, and the development of counter-trends of globalization, on the other, are shown. The author's analysis focuses on those conceptual innovations that are caused by the US attempt to solve international problems on the basis of unilateral approaches, abstracting in some cases from the interests of other actors of world politics, in others simply ignoring them, and to oppose them when it comes to Russia. Particular attention is paid to the attitudes and provisions that are included in the National Security Strategy in response to Western sanctions' pressure on Russia.

Key words: Russia, principles and priorities of national security, new risks and threats, international terrorism, security prospects.

Разработка первой концептуальной модели национальной безопасности России велась с учетом особенностей ее тяжелейшего кризисного развития в 1990-х гг.: кризис государственной субъектности, системно-формационная трансформация государственного строя, глубочайший социально-экономический кризис, ускоренное наслоение и смешение противоречивых внутренних и внешних событийных рядов и, как следствие, кризис адаптации к беспрецедентным изменениям внутри страны и на международной арене, вызванным распадом СССР. Исчезновение СССР было юридически зафиксировано в Беловежских соглашениях в поистине драматической формулировке, что Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование.

Принятие Концепции национальной безопасности (КНБ) России в 1997 г. (с последующими изменениями в редакции 2000 г.) фактически положило начало новому этапу в аналитической проработке основополагающих доктринально-установочных документов страны. Переосмысливались многие ошибочные выводы и положения первой Концепции внешней политики 1993 г., оптимистично ориентировавшей прежде всего на одностороннюю стратегическую конвергенцию России с Западом, в основе которой лежал американоцентризм. К моменту утверждения КНБ-97/2000, когда доминирование США стало глобально наступательным, цена геополитических издержек такой установки в условиях резко ослабившегося государственного потенциала России оказывалась чрезвычайно высокой. Это обстоятельство было учтено в максимально возможной для того времени степени. Однако не полностью.

Исходную политико-методологическую особенность первой Концепции национальной безопасности России 1997 г. определял подход, согласно которому она рассматривалась всего лишь как *совокупность* официальных взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера. Причем, как оговаривалось, «с учетом имеющихся ресурсов и возможностей» [5]. Этот концептуальный минимализм, отражавший всю остроту кризисного развития страны в 1990-е

годы, конкретизировался в широкой гамме тезисов и положений документа. На его качестве не могла не сказаться структурная концептуально-логическая и, соответственно, содержательная нестыковка отдельных формулировок. Так, тезис о целенаправленном сознательном вмешательстве иностранных государств и международных организаций во внутреннюю жизнь народов России был почему-то увязан в одном пассаже, через запятую, с ослаблением роли русского языка как государственного языка страны.

Если оценивать КНБ-97 в целом, то это была первая серьезная попытка осмыслить и переосмыслить крайне противоречивую динамику новых ни кем не ожидаемых явлений, тенденций и событий первой половины 1990-х гг.: до аналитической разработки целостной концептуальной модели национальной безопасности страны было еще далеко.

Тем не менее многое удалось сделать в этом направлении. Были сформулированы национальные интересы Российской Федерации с учетом изменений в стране и мире и тех несостоявшихся надежд, которые питали разработчики первой Концепции внешней политики России 1993 г., считавшие геополитически «рентабельными» западные, прежде всего американоцентричные, представления о будущем постсоветской России. Наглядное тому подтверждение – выделение в качестве необходимого условия реализации национальных интересов России «возможность самостоятельно решать внутренние политические, экономические и социальные задачи независимо от намерений и позиций иностранных государств и их сообществ» [5].

В документе давалась обобщенная критическая оценка внешнеполитической обстановки, фиксировались рецидивы попыток создания структуры международных отношений, основанной на односторонних, в том числе военно-силовых, решениях ключевых проблем мировой политики. Резким контрастом с эйфорией начала 1990-х гг. стал вывод о растущем стремлении западных стран к ослаблению позиций России в политической, экономической и военной областях. Неприемлемая для России перспектива расширения НАТО на Восток стала рассматриваться как угроза ее национальной безопасности.

Ключевую особенность данного этапа характеризовало честное признание того факта, что «влияние России на решение кардинальных вопросов международной жизни, затрагивающих интересы нашего государства, значительно снизилось». Как отмечалось в КНБ-97, интеграция России в мировой рынок происходила зачастую на условиях, не выгодных для нее. Более того, Россия оказалась в определенной изоляции от интеграционных процессов, идущих в Азиатско-Тихоокеанском регионе [5].

Критически оценивались тенденции и проявления кризисного развития ситуации внутри страны. Фиксировались рост внешнего и внутреннего долга страны, сокращение экономического, научного и демографического потенциала, нарастание научно-технического отставания России от развитых стран, усиление зависимости от импорта продовольствия и потребитель-

ских товаров, оборудования и технологий, усиление имущественного расслоения общества, снижение уровня жизни большей части населения.

Отдельные изъяны и недоработки КНБ-97, объективно неизбежные в тот период, были устранены в обновленной редакции этого документа 2000 г. Внесенными изменениями и дополнениями, по сути, подводилась определенная черта под результатами развития тенденций и контртенденций тяжелейшей эпохи 1990-х гг. (именно эпохи, а не очередного десятилетия), спрессованной в исторически кратчайший период распада огромной страны и формирования новой российской государственности. В отличие от КНБ-97 обновленный документ был четко и логически внятно структурирован по приоритетным интересам России.

Новой политико-методологической особенностью явился пересмотр базового положения Концепции национальной безопасности, которая вместо *совокупности* стала *системой* взглядов на обеспечение безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз во всех сферах жизнедеятельности. Замена всего лишь одного слова означала многозначную попытку придать системный характер полноценной отработке столь важного для страны программно-установочного документа.

В динамичной трансформации системы международных отношений были выделены две взаимоисключающие тенденции: первая – укрепление экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, совершенствование механизмов многостороннего управления международными процессами; вторая – попытки создания структуры международных отношений, основанной на доминировании в международном сообществе развитых западных стран при лидерстве США и рассчитанной на односторонние, прежде всего военно-силовые, решения ключевых проблем мировой политики в обход основополагающих норм международного права.

Обновленный документ отличала более глубокая аналитическая проработка основных угроз, прежде всего для внутреннего социально-экономического и политического развития страны. В систематизированном виде они были представлены следующим образом: глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан; увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности; рост безработицы; кризис систем здравоохранения и социальной защиты населения; рост потребления алкоголя и наркотических веществ; резкое сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни в стране; деформация демографического и социального состава общества; подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства; ослабление фундаментальной ячейки общества – семьи; снижение духовного, нравственного и творческого потенциала населения. С учетом этих угроз выражалось опасение, что углубление кризиса во внутривнутриполитической, социальной и духовной сферах может привести к утрате демократических завоеваний.

Угрозы национальной безопасности в сфере экономики стали оцениваться комплексно, с совокупным обобщением наиболее значимых из них. Большая часть этих угроз если и фигурировала в начальной редакции документа, то вразброс, без систематизированного учета стратегических последствий для страны. Прежде всего фиксировались: существенное сокращение ВВП; снижение инвестиционной, инновационной активности и научно-технического потенциала; стагнация аграрного сектора; разбалансирование банковской системы; рост внешнего и внутреннего долга; преобладание в экспортных поставках топливно-сырьевой и энергетической составляющих, а в импортных поставках – продовольствия и предметов потребления. Было признано, что ослабление научно-технического и технологического потенциала страны, сокращение исследований на стратегически важных направлениях научно-технического развития, отток за рубеж специалистов и интеллектуальной собственности угрожают России утратой передовых позиций в мире, деградацией наукоемких производств, усилением внешней технологической зависимости и падением обороноспособности.

Принципиальные изменения претерпела оценка негативных процессов в экономике, которые увязывались с сепаратистскими устремлениями ряда субъектов Российской Федерации. Документ предупреждал: это ведет к усилению политической нестабильности, ослаблению единого экономического пространства страны и его важнейших составляющих – производственно-технологических и транспортных связей, финансово-банковской, кредитной и налоговой систем.

Тем самым признавалась ошибочность положения Концепции внешней политики 1993 г., которое объективно создавало предпосылки для развития опасных центробежных тенденций в государственном устройстве новой России: в соответствии с ним субъекты Федерации являлись «самостоятельными участниками международных и внешнеэкономических отношений», правда, с оговоркой: если это не противоречит Конституции РФ и федеральным законам (выделено мной. – М.Н.) [3].

Поэтому столь принципиальное значение приобретал в КНБ-2000 вывод о том, что единое правовое пространство размывается вследствие несоблюдения принципа приоритета федеральных правовых норм над нормами субъектов Федерации.

Повышенное внимание стало уделяться угрозам национальной безопасности России в информационной сфере. Подчеркивалась серьезная опасность, которую стали представлять: стремление Запада к доминированию в мировом информационном пространстве, вытеснению России с внешнего и внутреннего информационного рынка; разработка рядом государств концепции информационных войн, предусматривающей создание средств опасного воздействия на информационные сферы других стран мира; нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуни-

кационных систем, а также сохранности информационных ресурсов, получение несанкционированного доступа к ним.

Жестко оценивалось положение дел в военной сфере страны: затянувшийся процесс ее реформирования, недостаточное финансирование национальной обороны, критически низкий уровень оперативной и боевой подготовки вооруженных сил, недопустимое снижение укомплектованности войск современным вооружением, военной и специальной техникой, крайняя острота социальных проблем, – что в совокупности приводит к ослаблению военной безопасности государства.

Рубежным этапом в развитии национальной безопасности страны стал 2009 г., когда была укрупнена доктринальная конструкция прежнего профильного документа, переформатированного в «Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» (СНБ). Принципиальное изменение претерпела внутренняя структура, соблюдена отсутствовавшая ранее соразмерность базовых приоритетов национальной безопасности. Существенно обогатилось содержательное наполнение документа, появились новые концептуальные блоки. Характеризуя отличие Концепции от Стратегии, Секретарь Совета Безопасности России Н.П. Патрушев разъяснял, что КНБ-97 «формулировала лишь вектор деятельности государства в различных сферах обеспечения национальной безопасности» и уточняла порядок выявления ее угроз. Стратегия же «кардинально изменяет принцип обеспечения национальной безопасности», определяя стратегические национальные приоритеты, и формирует новый механизм реализации консолидированных усилий государства и общества в этой области [2].

Исходным посылом, предопределившим перспективную направленность СНБ-2009, стала политико-методологическая формула – «Безопасность через развитие». В документе дана новая оценка внутренних и внешних угроз национальной безопасности и стратегических рисков, оказывающих сдерживающее влияние на устойчивое развитие государства.

Объективно назревший пересмотр параметров национальной безопасности стал возможным в результате преодоления последствий системного политического и социально-экономического кризиса: страна устояла над напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность, восстановила возможности по наращиванию своей конкурентоспособности и отстаиванию национальных интересов.

СНБ-2009 г. стала первым профильно-установочным документом, адекватно отвечающим внутренним и внешним условиям. Она обозначалась как «официально признанная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу» [4]. Именно поэтому подчеркивалась фун-

даментальная взаимосвязь и взаимозависимость Стратегии национальной безопасности и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. На уровень государственных практико-политических решений был выведен алгоритм действий, связанных с необходимостью обеспечить координируемое усиление всех компонентов экономики, социальной сферы, внешней политики и национальной безопасности для модернизационного и инновационного рывка страны. Это означало, что только их системная целостность образует полноценную основу стратегии динамичного развития России с учетом долгосрочных интересов ее национальной безопасности. Пришло понимание: что выделение, зачастую спонтанное, одной из этих сфер в качестве приоритетной, ее реформирование, даже разумное, без комплексной, стратегически продуманной увязки с другими, как это показывает жизненная практика, мало что дает; что отсутствие ранее сбалансированной сопряженности указанных ключевых компонентов было одновременно следствием и причиной опасного для национальной безопасности страны явления. Ведомственная разобщенность и обособленность, разрозненность действий нередко приводили к тому, что столь необходимые стыковочные сопряжения отдельных компонентов обеспечивались скорее формально, в силу существующих регламентов административного согласования, а в концептуальном плане фактически ничем не обеспечивались.

В результате многие инновационные идеи и наработки оставались благими пожеланиями. Д.А. Медведев в бытность президентом России, выступая 24 марта 2009 г. на заседании Совета безопасности по вопросу «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и комплексе мер по ее реализации», заявил, что в нашей стране часто доминируют ведомственные подходы, с которыми ведется борьба, хотя далеко не всегда успешно: «И вот как раз подобная раздробленность мешает двигаться вперед» [2]. Не потому ли среди прочих причин инновационная формула «5И» – развитие институтов, инвестиций, инфраструктуры, инноваций и интеллекта, – о которой так много говорилось в период его президентства, благополучно канула в Лету?

Впервые в формате прогнозных оценочных выкладок был сделан ряд обобщающих выводов геополитического характера, методологически, логически и содержательно-политически увязанных между собой системными представлениями о перспективах мирополитического развития. Отмечены вероятность рецидивов односторонних силовых подходов в международных отношениях, сохранение противоречий между основными участниками мировой политики, угрозы распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов.

Отличительной чертой СНБ-2009 стала ее прогностическая составляющая [4]. Документ фокусировал внимание на негативном воздействии, которое по-прежнему будут оказывать на международную обстановку си-

туация в Ираке и Афганистане, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в ряде стран Южной Азии и Африки, на Корейском полуострове. С уверенностью прогнозировалось, что в центре международной политики на долгосрочную перспективу будут поставлены проблемы обладания источниками энергоресурсов, в том числе на Ближнем Востоке, на шельфе Баренцева моря и в других районах Арктики, в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии. Выражалось опасение, что в условиях конкурентной борьбы за ресурсы не исключены решения возникающих проблем с применением военной силы и тогда может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ России и границ ее союзников. Предвиделись негативные последствия совершенствования форм противоправной деятельности в кибернетической и биологической областях, в сфере высоких технологий. Реалистично оценивались перспективы усиления глобального информационного противоборства, развития националистических настроений, ксенофобии, сепаратизма и насильственного экстремизма, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. Обоснованно рассматривались последствия обострения экологических проблем, возрастания угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией, наркоторговлей и торговлей людьми, другими формами транснациональной организованной преступности.

В комплексном охвате рассматривались такие источники угроз национальной безопасности, как кризисы мировой и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы, отставание в развитии передовых технологических укладов, повышающие стратегические риски зависимости от изменения внешних факторов. Важнейший момент: впервые со стратегического угла национальной безопасности был сделан прогнозный вывод о том, что последствия мировых финансово-экономических кризисов могут стать сопоставимыми по совокупному ущербу с масштабным применением военной силы.

Существенно менялся подход к обеспечению и совершенствованию национальной обороны, основу и параметры которого определяла концепция стратегического сдерживания, предполагающая разработку и системную реализацию комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства-агрессора или коалиции государств. Отдельным пунктом специально оговаривалось, что в обеспечении национальной обороны Россия исходит из принципа рациональной достаточности, в том числе за счет методов и средств невоенного реагирования, механизмов публичной дипломатии и миротворчества, международного военного сотрудничества.

В рамках обозначенного в СНБ-2009 системного подхода к проблемам национальной безопасности можно было бы, впрочем, ожидать аналитического отражения сущности российско-грузинского конфликта 2008 г.,

оценочной фиксации его причин и геополитических последствий. Примечательно, что учрежденная по решению Совета ЕС от 2 декабря 2008 г. Международная независимая Комиссия по установлению фактов по конфликту в Грузии (Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia), подводя итоги своей почти 10-месячной работы, констатировала, что «открытые боевые действия начались с крупномасштабной грузинской военной операции против города Цхинвала и его окрестностей в ночь с 7 по 8 августа 2008 года», а «военной атаки России до начала грузинской операции не было» [7].

Тем самым на европейском уровне признавалось, что именно тогдашнее грузинское руководство развязало агрессию в Цхинвале и Южной Осетии. Это принципиально важный вывод международной независимой Комиссии ЕС, не говоря уже о признании премьер-министра Грузии Б. Иванишвили о том, что именно М. Саакашвили инициировал военные действия 2008 г. Самого пристального внимания заслуживает оценка этой ситуации, данная одним из ярких представителей американской политической элиты Дж. Наем, который прямо заявил: «Российская военная сила победила, однако Россия оказалась не такой ловкой в применении мягкой силы для укрепления своей военной победы» [1, с. 176–177].

Утверждение СНБ-2009 означало переход к новой государственной политике в области национальной безопасности. Впервые концептуально-содержательный формат СНБ-2009 существенно расширился за счет включения двух пунктов, посвященных проблемам обеспечения национальной безопасности в пограничном пространстве. Основными угрозами в пограничной сфере названы наличие и возможная эскалация вооруженных конфликтов вблизи Государственной границы Российской Федерации, незавершенность международно-правового оформления Государственной границы РФ с отдельными сопредельными государствами. Выделены наиболее значимые угрозы – деятельность международных террористических и экстремистских организаций по переброске на российскую территорию своих эмиссаров, средств террора и организации диверсий, а также активизация трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через Государственную границу РФ наркотических средств, психотропных веществ, организации каналов незаконной миграции. Подтверждены и актуализированы задача обеспечения безопасности Государственной границы за счет создания высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, особенно на границах с Республикой Казахстан, Украиной, Грузией и Азербайджанской Республикой, а также задача повышения эффективности охраны Государственной границы, в частности в Арктической зоне Российской Федерации, на Дальнем Востоке и на Каспийском направлении.

Такой подход разительно отличался от первоначальных наивно-идиллических представлений, которые легли в основу опасной с точки зрения

обеспечения национальной безопасности России установки Концепции внешней политики 1993 г. на обеспечение только лишь «политическими средствами безопасности России во всех измерениях, включая суверенитет, независимость и территориальную целостность, укрепление стабильности по периметру российских границ, в близлежащих регионах и в мире в целом» (выделено мной. – М.Н.) [3].

В укрупненном доктринальном формате системный подход к рассмотренным выше проблемным узлам российской и мировой политики четко обозначился в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента от 31 декабря 2015 г. Она специфицировалась как базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России [6]. Впервые разработка СНБ-2015 четко регламентировалась положениями Закона об «Основах стратегического планирования», принятого годом ранее, которые определяют параметры и сроки обновления Стратегии национальной безопасности России.

Всё то новое, что появилось в СНБ-2015, стало возможным прежде всего потому, что страна доказала способность к обеспечению суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности. И – что особенно важно – проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала в условиях нестабильности мировой экономики и применения ограничительных экономических мер, введенных Западом против России.

Новые угрозы национальной безопасности анализируются в контексте глубоких геополитических изменений и формирования новой полицентричной модели мироустройства, которое сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности. Роль фактора силы в международных отношениях не снижается. Более того, как отмечается в СНБ-2015, стремление к наращиванию и модернизации наступательного вооружения, созданию и разворачиванию его новых видов ослабляет систему глобальной безопасности, включая систему договоров и соглашений в области контроля над вооружениями.

Среди особых угроз национальной безопасности России акцентировано выделяются наращивание силового потенциала блока НАТО и наделение его глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам.

В комплексной увязке с этими угрозами рассматриваются возможности поддержания глобальной и региональной стабильности, которые резко снижаются при размещении в Европе, Азиатско-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке компонентов системы противоракетной обороны США. Этот фактор приобретает стратегическое значение в условиях практической реализации концепции «глобального удара», разворачивания

стратегических неядерных систем высокоточного оружия, а также в случае размещения оружия в космосе.

Со всей остротой поставлен вопрос о необходимости учета изменений характера современных войн и вооруженных конфликтов, выработки повышенных требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы. Отсюда – задача своевременного обновления и поддержания на достаточном уровне военно-технического потенциала военной организации государства.

В отличие от ранее утвержденных документов национальной безопасности, где акцент делался в основном на опасность увеличения числа стран – обладателей ядерного оружия и угрозу распространения и использования химического оружия, в СНБ-2015 высказана также и неопределенность относительно фактов обладания иностранными государствами биологического оружия, наличия у них потенциала для его разработки и производства. Возникли объективные основания для констатации: на территории соседних с Россией государств расширяется сеть военно-биологических лабораторий США.

Впервые в доктринальном документе национальной безопасности критически обобщается деструктивная практика свержения легитимных политических режимов, провоцирование внутригосударственных конфликтов, подпитка очагов напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке, Южной Азии, на Корейском полуострове, где появляются новые «горячие точки», расширяются зоны, не контролируемые властями каких-либо государств. Всё это создает питательную среду для распространения международного терроризма, межнациональной розни, религиозной вражды, иных проявлений экстремизма. При этом подчеркивается, что появление террористической группировки «Исламского государства»¹ и укрепление его влияния «стали результатом политики двойных стандартов, которой некоторые государства придерживаются в борьбе с терроризмом» [6].

Приоритетное внимание в СНБ-2015 уделено событиям на Украине, интернационализации украинского кризиса, оценочно-аналитическому осмыслению которого посвящен отдельный проблемный блок. Анализ фокусируется прежде всего на позиции Запада, рассматриваемой с точки зрения противодействия интеграционным процессам и создания очагов напряженности в Евразийском регионе, что в конечном счете оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов. Четко зафиксировано, что Запад, прежде всего США, поддержал антиконституционный государственный переворот на Украине, что привело к глубокому расколу в украинском обществе и возникновению вооруженного конфликта. Прогностическая оценка в документе перспектив развития ситуации на Украине и вокруг нее малоутешительна. Укрепление крайне правой националистической идеологии, целенаправленное формирование у украинского населе-

¹ Запрещенная в Российской Федерации.

ния образа врага в лице России, неприкрытая ставка на силовое решение внутригосударственных противоречий, глубокий социально-экономический кризис «превращают Украину в долгосрочный очаг нестабильности в Европе и непосредственно у границ России» [6].

С учетом особенностей подхода к региональной безопасности в СНБ-2015 прослеживается развитие миграционного кризиса в Европе. Активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу, как указано в документе, показала несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Евросоюза.

Концептуальный формат СНБ-2015 обновлен и расширен также за счет включения в нее пункта, который специфицирует деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, направленную на нарушение единства и территориальной целостности России, включая инспирирование «цветных революций».

В центре озабоченностей, связанных с обеспечением национальной безопасности страны, – усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением ряда стран Запада использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификацией истории.

Существенно расширен, концептуально обогащен и переформатирован раздел экологической безопасности СНБ-2015, о чем наглядно свидетельствует его измененное название: «Экология живых систем и рациональное природопользование». Среди проблем, оказывающих негативное влияние на состояние экологической безопасности, в приоритетном порядке выделены: истощение запасов минерально-сырьевых, водных и биологических ресурсов, в том числе в результате неэффективного и «хищнического» природопользования, преобладание в экономике добывающих и ресурсоемких отраслей, большой удельный вес теневой экономики в сфере использования природных ресурсов, наличие экологически неблагоприятных территорий, характеризующихся высокой степенью загрязнения и деградации природных комплексов. Критически оценивается обострение экологической ситуации: наличие значительного количества экологически опасных производств, нехватка мощностей по очистке атмосферных выбросов, промышленных и городских сточных вод, по обработке, обезвреживанию, утилизации, размещению и переработке твердых отходов производства и потребления, а также загрязнение окружающей среды, вызванное трансграничным переносом токсичных веществ, возбудителей инфекционных заболеваний и радиоактивных веществ с территорий других государств.

Подчеркивается императивная необходимость принятия мер, направленных, в частности: на стимулирование внедрения инновационных технологий и развития экологически безопасных производств; повышение технического потенциала и оснащенности сил, участвующих в мероприятиях по предотвращению и ликвидации негативных экологических последствий техногенных катастроф и иных чрезвычайных ситуаций; ликвидацию вредных последствий антропогенного воздействия на окружающую среду, а также на реабилитацию территорий и акваторий, загрязненных в результате такого воздействия, в том числе при осуществлении военной деятельности; развитие системы особо охраняемых природных территорий, в том числе морских, сохранение редких и исчезающих видов растений и животных, уникальных природных ландшафтов и живых систем; развитие международного сотрудничества в области охраны окружающей среды, в том числе в целях снижения экологических рисков на приграничных территориях Российской Федерации.

Существенно усилена в документе экономическая составляющая национальной безопасности. Если с СНБ-2009 она непосредственно увязывалась с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», то в СНБ-2015 экономическая безопасность укрупненно профилировалась как один из опорных блоков национальной безопасности на долгосрочную стратегическую перспективу. Это – инновационное развитие экономики России, ее переход на новый уровень технологического уклада, повышение инвестиционной привлекательности страны, улучшение делового климата и создание благоприятной деловой среды, активные меры по борьбе с коррупцией, теневой и криминальной экономикой, вхождение в число стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта.

В условиях санкционного давления Запада на Россию особое значение придается рациональному импортозамещению, снижению критической зависимости от зарубежных технологий и промышленной продукции, ускоренному развитию агропромышленного комплекса и фармацевтической промышленности.

Делается ставка на развитие новых высокотехнологичных отраслей, укрепление позиций в области освоения космоса, ядерной энергетики, возвращение лидерства в традиционных промышленных отраслях (тяжелое машиностроение, авиа- и приборостроение), восстановление электронной и легкой промышленности, судостроения и станкостроения, а также – что чрезвычайно важно – системы статистической оценки уровня технологического состояния отраслей экономики.

Новая проблемно-стратегическая особенность – формирование единого транспортного пространства на базе сбалансированного опережающего развития эффективной транспортной инфраструктуры и роста уровня транспортной связности Российской Федерации, создание транспортных коридоров и мультимодальных транспортно-логистических узлов.

Поставлена задача расширенного использования инструментов государственно-частного партнерства для решения стратегических задач развития экономики, завершения формирования базовой транспортной, энергетической, информационной, военной инфраструктур, особенно в Арктике, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, развития Северного морского пути, Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей.

Одним из приоритетных направлений СНБ-2015 стало устранение угроз национальной безопасности, связанных с диспропорцией развития регионов России, путем стимулирования самостоятельного экономического развития субъектов Российской Федерации и их кооперации, повышения инвестиционной и предпринимательской активности, укрепления бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений, расширения количества центров экономического роста, в том числе территорий опережающего социально-экономического развития.

По-новому поставлен вопрос о комплексном развитии научного потенциала, восстановлении полного научно-производственного цикла – от фундаментальных научных исследований до внедрения достижений прикладной науки в производство в соответствии с приоритетами социально-экономического, научного и научно-технологического развития Российской Федерации. Особое внимание обращено на развитие перспективных высоких технологий (генная инженерия, робототехника, биологические, информационные и коммуникационные, когнитивные технологии, нанотехнологии, природоподобные конвергентные технологии).

Качественное обновление привнесено в миграционную политику государства. В приоритетном порядке ставится задача обеспечения баланса интересов коренного населения и трудовых мигрантов, в том числе иностранных граждан, принимая во внимание их этнические, языковые, культурные и конфессиональные различия, совершенствование миграционного учета; обосновано территориальное распределение трудовых мигрантов исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах.

Отмечая высокий уровень концептуальной проработки проблематики национальной безопасности в СНБ-2015, аналитическую продвинутость документа в сравнении с его предыдущими версиями, политическую сбалансированность тезисов и положений и их логическую в целом выстроенность, вместе с тем нельзя не обратить внимание на неоправданную, на наш взгляд, структурную перебивку в международном блоке, а именно оторванность его важнейшего раздела «Стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство», вынесенного в самый конец СНБ-2015 (п. 87–107), от базового международного раздела II «Россия в современном мире» (п. 7–29).

Речь идет об основополагающих международно-политических принципах и компонентах национальной безопасности, взаимосвязанность которых – стержневой посыл документа, причем неоднократно подчеркнутый

в нем. Соединение их в единый проблемный комплекс придаст еще большую убедительность приведенным оценочным позициям, аналитическим выводам и установкам. Дополнительным аргументом в пользу такой корректировки служит п. 28 базового раздела: «Цель Российской Федерации заключается в приобретении как можно большего числа равноправных партнеров в различных частях мира».

Таким образом, эволюция концептуальных основ национальной безопасности России, обновление и расширение формата ее базовых составляющих убедительно свидетельствуют о преодолении тяжелого наследия 1990-х гг., об усилении геополитических позиций страны, о подтверждении ее ресурсных возможностей в качестве одного из ведущих акторов мировой политики и международных отношений.

Ценнейший опыт, включая и негативный, накопленный в течение четверти века, позволил сформировать в СНБ-2015 целостную систему национальных интересов и стратегических приоритетов, отвечающую ключевым задачам развития России на долгосрочную перспективу.

СНБ-2015 отличают адаптированные к современным реалиям политико-методологические подходы, доктринальная глубина и концептуальная новизна. Аналитически отработана и программно выстроена активная позиция, не допускающая деструктивного воздействия внешних и внутренних сил на государственную суверенность России.

Целостная совокупность установок и мер в сфере экономической безопасности способствует накоплению столь востребованного сегодня опыта противодействия западным антироссийским санкциям и выработке системы адекватного реагирования на них.

В обновленном виде современная стратегия национальной безопасности России приобрела важнейшую практико-политическую черту – адапционную гибкость, позволяющую ей развиваться дальше не по упрощенно-конъюнктурным лекалам, а на стратегически принципиальной основе, учитывать то новое, что привносит реальная жизнь с ее коллизиями и противоречиями, особенности отнюдь не линейно протекающих процессов в глобально трансформирующемся мире.

Список литературы

1. *Най Дж. С.* Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014. 444 с.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года и комплексе мер по ее реализации // Роскомреформ. Официальный сайт. – Режим доступа: <http://comreform.ru/docs/o-strategii-nacionalnoj-bezopasnosti-rossijskoi-federacii-do-2020-goda-i-komplekse-mer-po-eje-realizatsii/> (дата обращения: 26.09.2018).
3. Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации утверждены распоряжением Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 23 апреля 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России 1991–2002: хрестоматия. Т. 4. Документы / сост. Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО, 2002. С. 19–50.

4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Президент России. 2009. 13 мая. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 10.10.2018).
5. Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/11782> (дата обращения: 10.10.2018).
6. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2015. 31 дек. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 10.10.2018).
7. Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia // EU Official Website. 2009. – Access mode: <http://www.consilium.europa.eu/> (date of treatment: 29.09.2018).

Гарбузарова Елена Геннадьевна,

кандидат исторических наук,
Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек.
E-mail: play_elenag@mail.ru

Elena G. Garbuzarova,

PhD in History,
Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek.
E-mail: play_elenag@mail.ru

РОЛЬ РОССИИ И КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

THE ROLE OF RUSSIA AND CHINA IN THE CREATING OF A NEW WORLD ORDER

Аннотация: в статье проведен анализ внешней политики России и Китая через призму концепции «резкой силы». Данный термин был введен американскими учеными для оценки внешнеполитических стратегий авторитарных государств. Делается вывод о неоправданности применения понятия «резкая сила» в отношении действий России и Китая на международной арене. Доказано, что Россия и Китай, продвигая модель полицентричного мира и отстаивая принцип невмешательства в дела суверенных государств, становятся привлекательными центрами мировой политики, что, в свою очередь, доставляет беспокойство политической элите США и вынуждает их использовать механизм информационной пропаганды.

Ключевые слова: «мягкая сила», «резкая сила», Россия, Китай, США, мировая политика.

Abstract: the foreign policy of Russia and China through the prism of the concept of «sharp force» is analyzed. This term was introduced by American scientists to assess the foreign policy strategies of authoritarian states. The use of the concept of «sharp force» in relation to the actions of Russia and China in the international arena is unjustified. The author has proved that Russia and China, promoting the model of a polycentric world and defending the principle of non-interference in the Affairs of sovereign States, become attractive centers of world politics, which in turn causes concern to the political elite of the United States and forces them to use the mechanism of information propaganda.

Key words: «soft power», «sharp power», Russia, China, USA, world politics.

Введение

Современные международные отношения, трансформирующиеся под воздействием информационных технологий, предопределили поиск новых методов и ресурсов достижения политического влияния, усовершенствования имиджа на международной арене, укрепления международных позиций государств. Первенство по укреплению международного авторитета государств постепенно переходит от использования «жесткой силы» (hard power) к применению «мягкой силы» (soft power). «Жесткая сила» основывается на использовании государствами военной мощи во внешней политике.

В основу «жесткой силы» заложены основные принципы классического политического реализма: фактор силы, стремление государств к могуществу, отсутствие международного регулятора отношений между государствами. Американский политолог Зб. Бжезинский отмечал, что войны «сегодня воспринимаются как отклонение от нормального поведения, сравнимое чуть ли не с уголовными преступлениями» [3, с. 29]. «Мягкая сила» опирается на неагрессивные средства убеждения, такие как дипломатия, экономическая помощь и культурная пропаганда. В 1990 г. этот термин ввел в оборот американский политолог Дж. Най в своей книге «Bound to Lead». В условиях упадка американской мощи Дж. Най предложил новые приемы «мягкой силы». В то время Дж. Най писал: «Посмотрев на ресурсы американской военной и экономической мощи, я почувствовал, что чего-то не хватает – способности влиять на других путем привлечения и убеждения, нежели чем подкупом или принуждением» [19]. Инструменты «мягкой силы» позволяют улучшить образ и имидж государства на международной арене, закрепить его значимое место и геополитический статус в мировой политике. Британский специалист по брендингу С. Анхольт предложил шесть главных сфер для формирования эффективной имиджевой стратегии. Шестиугольник Анхольта включает в себя такие составляющие, как народ, культуру и традиции, инвестиции и иммиграционное законодательство, внешнюю и внутреннюю политику, торговые марки экспорта, туризм. С. Анхольт уверен, что «страны способны в значительной степени влиять на восприятие собственного бренда, если у них есть действенная, ясная, внушающая доверие идея о некоей высшей их цели и если послания на эту тему поступают четко и бесперебойно через некоторые или все вершины шестиугольника» [2, с. 20].

Анаморфическое представление США о «мягкой силе» России и Китая

Россия и Китай значительно преуспели в применении «мягкой силы» в своей внешней политике, предлагая миру новый мировой порядок, основанный на принципах равенства и гармоничного сотрудничества. В соответствии с рейтингом «Мягкая сила–2017» Россия занимает 26 позицию, а Китай – 25 место. Рейтинг составлялся в соответствии с шестью основными характеристиками международной привлекательности: предпринимательская деятельность, государственное управление, культура, образование, цифровые технологии и глобальное влияние. В то же время, несмотря на такие позиции России и Китая в международном рейтинге, глобальное влияние этих государств стремительно растет и укрепляется. Китай усиливает свою мощь в экономической и военной сферах. В 2016 г. роль России в современном мире определил В.В. Путин, подчеркнув, что лидерство России основывается не на выдумке эфемерных угроз и спекуляции на них, а на том, «чтобы видеть реальные проблемы, содействовать объединению усилий государств в их решении» [4].

Американские исследователи уже успели окрестить «мягкую силу» России и Китая как «резкую силу», или «острую силу» (sharp power), требующую, по мнению изобретателей этого термина Кристофера Уокера и Джессики Людвиг из Национального фонда за демократию, адекватного ответа со стороны политического истеблишмента США [18]. Термин «резкая сила» был введен в оборот исключительно для характеристики якобы агрессивных действий России и Китая на мировой арене. Американские ученые увидели со стороны авторитарных государств угрозу государствам с демократическими политическими режимами. Парадокс заключается в том, что в 1990-е гг. после распада биполярной системы невозможно было представить, что авторитарные режимы могут составить конкуренцию либерально-демократическим государствам. К. Уокер и Дж. Людвиг заявляют, что государства с демократическими режимами должны больше стремиться к использованию своей «мягкой силы» и воздерживаться от сверхкомплексного реагирования на «резкую силу» [18]. Называя действия России и Китая во внешней политике «резкой силой», американские исследователи пытаются оперировать неподтвержденной информацией, однако, сами того не замечая, показывают особую роль развивающихся государств в современном мире, значительный рост их влияния на мировые политические процессы.

Размышляя над «резкой силой» как разновидностью «жесткой силы», Дж. Най имеет в виду манипуляцию идеями через использование информационно-компьютерных технологий. Американский международник подчеркивает, что авторитарные режимы используют «фейковые новости», проникая в общественное сознание граждан демократических государств. Поводом к подобному рода рассуждениям послужили события 2016 г., когда США обвинили Россию в попытке вмешательства в выборы президента США. Об отрицательных настроениях в отношении Китая в Белом доме дает представление антикитайская речь вице-президента США Майкла Пенса, произнесенная им 4 октября 2018 г. в Вашингтоне в Институте Хадсона. Он обвинил Китай в использовании «политических, экономических и военных инструментов пропаганды для продвижения своего влияния в Соединенных Штатах» и во «вмешательстве во внутреннюю политику» США [1]. Официальных доказательств подобного рода заявлений о вмешательстве как России, так и Китая не было представлено. В данном случае уместно вспомнить заявление Президента РФ В.В. Путина во время интервью с О. Стоуном. Российский Президент на вопрос о российском вмешательстве в выборы президента в США заявил, что «мы не занимались никакими хакерскими атаками. И трудно себе представить, что какая-то другая страна, включая Россию, могла серьезным образом повлиять на ход избирательной кампании и на ее результаты. Неустановленные хакеры вскрыли проблемы внутри демократической партии. Этим людям, которые пытались манипулировать общественным мнением, следовало бы не создавать образ врага в лице России, а извиниться перед избирателями, но они этого не сделали» [15,

с. 252–254]. Судя по всему, американские политики опасаются, что «фейковые новости» могут погубить западную демократию, эталонную форму политического устройства общества. Тем самым отрицается системный кризис демократии и возникает необходимость выработки новых действенных подходов для ликвидации существующих сбоев в современных политических устройствах развитых государств.

Понятие «резкая сила» появилось на фоне усиливающейся информационной войны между США и Россией. В условиях формирования новой модели мирового порядка, украинского кризиса, трансформации геополитического статуса России на Ближнем Востоке активное распространение получили «фейковые новости», т.е. использование заведомо ложной информации в СМИ одних государств против других. Термин был введен американским президентом Д. Трампом для обозначения недостоверной информации, публикуемой в СМИ. Геополитический имидж России в мире укрепляется, что порождает отрицательную рефлексию на подобные процессы у геополитических и идеологических противников Москвы. Используя механизмы информационной пропаганды, США пытаются ограничить влияние России на ход развития мировых событий и подорвать ее значимость в современном мире.

Манипуляция сознанием американских граждан, в использовании которой обвиняют Россию и Китай, на протяжении многих лет применялась самой политической элитой США и другими западными странами в отношении своего населения. «Приверженность таким методам объясняется тем, что элита полагает население наивными, простодушными созданиями» [16, с. 114]. Американский социолог Р. Лахманн считает, что «общественность в большинстве стран всё меньше уверена в честности и компетентности избранных ею руководителей» [10]. Современный кризис демократии обусловлен неэффективностью неолиберальной политики. Непрофессионализм выборных должностных лиц, их неумение скорректировать работу внутренней экономики, защитить работников от периодических финансовых потрясений нанесли колоссальный удар по доверию населения к правительству. Резкое падение уровня жизни заставило американских и европейских граждан критично относиться к западной демократии, в которой отчетливо стали прослеживаться коррумпированные элиты и их неспособность обеспечить благополучие народа. О манипуляции сознанием американских граждан можно говорить на примере военных действий США в Ираке (2003 г.) и в Афганистане (2001 г.). В свое время США пережили затяжную войну во Вьетнаме, которая стала для американского народа «темным пятном» в национальной истории. Вьетнамскую войну сравнивают с войной американцев в Ираке, которая также приняла затяжной характер и унесла более 4 тыс. жизней американских солдат. Когда СССР ввел свои войска в Афганистан в 1979 г., правящие круги США поспешили объявить СССР агрессором и принялись вставлять палки в колеса в военно-политическую

деятельность СССР в Афганистане. Однако трагические события в истории быстро забываются, о чем свидетельствуют события 2001 г. Тогда США получили в Афганистане «карт-бланш» и начали свою военную авантюру под названием «война с международным терроризмом» [14, с. 511–512]. Война США в Афганистане стала ярким примером манипуляции общественным сознанием, когда максимально убедительно доказывалась необходимость: 1) находиться в состоянии войны; 2) использовать любые средства в обход принципам международного права. При этом объявлялось, что «враг вездесущ и может прятаться где угодно, в любой точке мира и в любой стране» [14, с. 512]. В декабре 2017 г. была обнародована Стратегия национальной безопасности США, в которой Россия и Китай названы «ревизионистскими державами», несущими угрозу национальной безопасности США. В условиях кризиса либерального мирового порядка и американской демократии США нуждается во «внешнем враге», борьба с которым должна сплотить всё более поляризующееся американское общество. Американский политолог С. Хофман во времена «холодной войны», исследуя менталитет американцев, пришел к выводу, что они воспринимали антагонизм между СССР и США в «противоборствующем, почти шизофреническом свете», действия противной стороны рассматривали как «часть хорошо продуманного и широкого плана» и при этом подчеркивали свою исключительность, заявляя, что «мы, американцы, в действительности не ставили под сомнение наше моральное и материальное превосходство» [5, с. 8]. В 2013 г. Центром исследования общественного мнения в США был проведен опрос, в результате которого выявлено, что только 33% опрошенных считают, что приоритетная задача внешней политики США – это защита прав человека за рубежом, 18% считают, что США должны продвигать ценности демократии по всему миру [8, с. 122]. Таким образом, единая поддержка американским народом проводимого американским политическим истеблишментом внешнеполитического курса отсутствует. Если раньше США имели мощные рычаги воздействия на общественное мнение и пропаганду своих внешнеполитических предпочтений, то в современном открытом мире прежние инструменты показывают свою несостоятельность.

На современном этапе мировое лидерство США ставится под сомнение, либеральный порядок, отстаиваемый западными государствами, теряет свою привлекательность. Американские эксперты пребывают в поисках механизмов усовершенствования «способностей Вашингтона позиционировать себя как лучшую из всех альтернатив» [13]. В таких условиях запрос идет на «преимущественно горизонтальную взаимозависимость стран, диверсификацию их внешнеполитического курса и соответствующие ей открытость и гибкость» [6, с. 81].

Многие американские аналитики считают, что тесное сотрудничество России и Китая подрывает основы мирового порядка, возглавляемого США [17]. Чрезмерное беспокойство у американской элиты вызывают ча-

стые встречи лидеров России и Китая, сотрудничество двух стран в рамках международных организаций (ШОС, БРИКС, сопряжение ЕАЭС и ОПОП). Например, в июле 2017 г. на очередной официальной встрече в Москве с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным председатель КНР Си Цзиньпин заявил, что с марта 2013 г. встречался с российским Президентом уже 22 раза. В очередной раз о доверительных отношениях двух держав в сфере политики, безопасности и обороны было заявлено в сентябре 2018 г. во время встречи двух лидеров на Восточно-экономическом форуме во Владивостоке. Военно-политическое взаимодействие двух государств также является предметом острых дискуссий в США и усиливает чувство подозрительности к России и Китаю. В 2016 г. российско-китайские учения «Морское взаимодействие» проводились в Южно-Китайском море, где США имеют свои стратегические интересы и поэтому используют механизм вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Подтверждением этому служат санкции, примененные в отношении Китая за контракты на покупку российских самолетов и ракетных систем С-400. Следует отметить, что в районе Южно-Китайского моря проходит морской торговый путь, связывающий Новый Свет и Ближний Восток, а также Китай с торговыми рынками Европейского союза. Южно-Китайское море – это не единственное геополитическое пространство, где сталкиваются интересы США и Китая. В научно-экспертных кругах США с волнением отмечают растущее влияние культурного аспекта «мягкой силы» Китая в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, в Центральной и Восточной Европе [21].

Конвергенция России и Китая в контексте использования «резкой силы» во внешней политике не удивительна. Это результат не столько сходства политических режимов, как полагают американские специалисты, сколько результат стратегического партнерства глобальных держав. Россия и Китай становятся ключевыми факторами мировой политики, что вызывает недовольство со стороны американских правящих кругов. Их сотрудничество имеет под собой прочную основу совпадающих интересов и близости взглядов на мировую политику. Оба государства исходят из того, что мир нуждается в полицентричной структуре без глобальных доминант в лице США и с опорой на принципы международного права.

В Концепции внешней политики России, утвержденной 30 ноября 2016 г. Президентом РФ В.В. Путиным, четко обозначено, что Россия будет стремиться к реализации ключевых задач в целях защиты своих национальных интересов и к осуществлению стратегических национальных приоритетов. В документе отмечается, что Россией взят курс на «укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего на положениях Устава Организации Объединенных Наций (Устав ООН), а также на равно-

правных и партнерских отношениях между государствами при центральной координирующей роли Организации Объединенных Наций (ООН) как основной организации, регулирующей международные отношения». Россия будет стремиться к установлению «добрососедства с сопредельными государствами», содействовать «устранению имеющихся очагов напряженности и конфликтов на их территориях и предотвращению возникновения таких очагов и конфликтов». Большое внимание руководством страны будет уделяться «развитию двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, межгосударственными объединениями, международными организациями и в рамках форумов на основе уважения принципов независимости и суверенитета, прагматизма, транспарентности, многовекторности, предсказуемости, неконфронтационного отстаивания национальных приоритетов» [9].

Действия России по урегулированию сирийского кризиса повышают ее авторитет на международной арене и вместе с тем «привносят в формирование имиджа России за рубежом новые элементы» [12, с. 118]. Во-первых, имидж определенных стран постепенно становится эффективным идейно-политическим инструментом. Во-вторых, в условиях кризиса информационное пространство трансформируется в «поле боя», где есть свои «победители» и «побежденные». В-третьих, прослеживается жесткое деление на «друзей» и «врагов». В-четвертых, возникают сложности в идентификации правды и вымысла в силу нехватки достоверной информации. Однако сложно опровергнуть решающую роль России в Сирии, благодаря которой удается сохранить сирийскую государственность. Американская аналитическая компания Stratfor отмечает, что военная, дипломатическая и финансовая поддержка России сыграла огромную роль в победе лоялистов, т.е. действующих сирийских властей [20]. В 2016 г. предложение Президента Российской Федерации В.В. Путина продолжить переговоры по урегулированию конфликта в Сирии на новой площадке в Астане подтвердили значительные дипломатические усилия руководства России в этом направлении. Готовность оказать содействие в выработке Соглашения между сирийским правительством и оппозицией выразили Иран и Турция. Благодаря первому раунду переговоров в январе 2017 г. удалось включить в переговорный процесс как членов оппозиции, так и представителей законных властей. По итогам переговоров Россия, Иран и Турция создали трехсторонний механизм контроля за режимом прекращения огня в Сирии.

Концептуальные основы внешней политики Китая, которая имеет антигегемонистический, антивоенный характер, отражают стремление китайского руководства к мирному сотрудничеству со всеми государствами. Современная внешнеполитическая доктрина Китая строится на пяти столпах: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование. Эти пять принципов были выра-

ботаны еще в XX в. и органично влились в современную доктрину внешней политики Китая [7, с. 118].

Китай активно развивает теорию и практическое применение «мягкой силы» в своей внешней политике. Еще в 2005 г. китайскими политическими лидерами была сформулирована концепция «гармоничного мира», которая «тесно сочетает житейское представление китайцев о том, что «мир – большая драгоценность» с современной международной обстановкой» [11, с. 152]. На международной арене Китай признает многообразие цивилизаций и содействует «созданию демократического миропорядка на основе признания и уважения множественности и самобытности ценностей».

Россия и Китай предлагают миру модель справедливого мирового порядка, гармоничного и равноправного сотрудничества. Россия и Китай отстаивают принцип культурного многообразия, существование разнообразных моделей развития. «Мягкая сила» России и Китая опирается на невмешательство во внутренние дела суверенных государств и на уважение их национальных интересов. Ранее, в 2014 г., в Шанхае лидеры двух стран приняли совместное заявление, в котором отмечается, что оба государства намерены противостоять вмешательству во внутренние дела других государств, призывают отказаться от применения односторонних санкций, от финансирования или поощрения деятельности, направленной на изменение конституционного строя другого государства.

Укрепляющееся стратегическое партнерство между Россией и Китаем дает США основание для беспокойства и навешивания ярлыков. Причисляя Россию и Китай к государствам, использующим «резкую силу», американские ученые не имеют достаточно оснований для того, чтобы подтвердить проявление этой силы во внешней политике России и Китая. Растущее влияние на мировое сообщество именно «мягкой силы» со стороны России и Китая, в основе которой лежит идея создания полицентричного мира, получает широкую мировую поддержку и расширяет круг сторонников. Идея создания справедливого мирового порядка обладает большей привлекательностью, нежели попытки насильственной демократизации авторитарных режимов, которые приводят к дестабилизации политической и социально-экономической ситуации, возвращают государства во времена тяжелых потрясений и кризисов. Приверженность России и Китая к признанию и уважению многообразия и единства современного мира повышает их международную популярность.

Заключение

В сложившихся геополитических условиях, когда влияние России и Китая на мировую политику пытаются ограничить, роль инструментов «мягкой силы» становится чрезвычайно востребованной. Концепция многополярного, полицентричного мира обладает потенциалом стабильности и устойчивости, широкими возможностями к установлению мирового равновесия

и сбалансированному развитию отношений между всеми акторами мировой политики.

Несмотря на скептическое отношение евроатлантических стран к осознанием влиятельной роли России в мировой политике, российский фактор постепенно становится решающим при разрешении серьезных глобальных проблем. Россия и Китай не претендуют на статус глобальных сверхдержав, но добиваются уважения и признания своих национальных интересов.

Список литературы

1. Американское сдерживание Китая выходит за рамки торгового конфликта. – Режим доступа: <https://www.fondsk.ru/news/2018/10/16/amerikanskoe-sderzhivanie-kitaja-vyhodit-za-ramki-torgovogo-konflikta-46958.html> (дата обращения: 18.09.2018).
2. Анхольт С., Хильдрет Д. Бренд Америка: мать всех брендов. М., 2010. 232 с.
3. Бжезинский Зб. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006. 288 с.
4. Выступая в Сочи, Владимир Путин оценил влияние западных СМИ. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3127295> (дата обращения: 20.09.2018).
5. Гаджиев К.С. О демонизации противника во внешнеполитической стратегии США // Власть. 2018. № 6. С. 7–16.
6. Гаджиев К.С. Сверхдержавность: уходящий феномен XXI века? // Международная жизнь. 2017. № 9. С. 72–90.
7. Голобоков А.С. Становление и развитие внешнеполитической доктрины Китая // Ойкумена. 2010. № 3. С. 117–124.
8. Кобаяси К. Либеральный порядок: что дальше? // Россия в глобальной политике. 2017. № 5. С. 121–128.
9. Концепция внешней политики РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 20.09.2018).
10. Лахманн Р. Политика неолиберализма и кризис демократии. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politika-neoliberalizma-i-krizis-demokratii/> (дата обращения: 25.09.2018).
11. Лю Ц. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149–155.
12. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М., 2017. 272 с.
13. Позен А. Постамериканская глобализация мировой экономики в эпоху Трампа. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Postamerikanskaya-globalizatsiya-mirovoi-ekonomiki-v-epokhu-Trampa-19661> (дата обращения: 25.09.2018).
14. Смирнов С.В. Манипуляция сознанием. 2-е изд. М., 2015. 528 с.
15. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным. М., 2017. 350 с.
16. Шляпентох Д. Гибель постмодернизма: фальшивые новости и будущее Запада // Россия в глобальной политике. 2017. № 5. С. 109–120.
17. Kendall-Taylor A., Shullman D. How Russia and China Undermine Democracy. – Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-10-02/how-russia-and-china-undermine-democracy?cid=int-rec&pgtype=art> (date of treatment: 25.09.2018).
18. Nye J.Jr. How Sharp Power Threatens Soft Power. – Access mode: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (date of treatment: 25.09.2018).
19. Nye J.Jr. Soft power: the origins and political progress of a concept. – Access mode: <https://www.nature.com/articles/palcomms20178> (date of treatment: 25.09.2018).
20. Russia Looks for an Exit in Syria. – Access mode: <https://worldview.stratfor.com/article/russia-looks-exit-syria> (date of treatment: 25.09.2018).
21. Sharp Power. Rising Authoritarian Influence. – Access mode: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (date of treatment: 25.09.2018).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Руднева Анастасия Олеговна,

кандидат экономических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: aoru@mail.ru

Anastasiya O. Rudneva,

PhD in Economics,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: aoru@mail.ru

СПЕЦИФИКА САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА ЭКОНОМИКУ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СЛОЖИВШЕЙСЯ ЭНЕРГОСЫРЬЕВОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЭКСПОРТА СТРАНЫ

SPECIFICITY OF THE SANCTIONS PRESSURE ON THE RUSSIAN ECONOMY IN THE CONTEXT OF THE CURRENT FUEL AND ENERGY RAW MATERIALS ORIENTATION OF THE COUNTRY'S EXPORTS

Аннотация: в статье определены ключевые направления санкционного давления на крупнейшие российские нефтегазовые компании. Их международная конкурентоспособность во многом определяет бюджетную сбалансированность и степень конъюнктурозависимости экономики, а также напрямую влияет на сальдо торгового баланса. Особый акцент делается на исследование взаимного влияния экономической, социальной и политической составляющих санкций, которые в конечном итоге призваны повлиять на устойчивость хозяйственного механизма России и сложившуюся в стране политическую архитектуру. Санкции западных стран были и остаются инструментом геополитического и экономического влияния. Однако их эффективность ограничена собственным потенциалом экономики, а также невозможностью изоляции таких значимых игроков, как Россия. Как следствие, в России предпринимают ответные шаги, направленные на развитие собственного конкурентного потенциала и на поиск точек опоры, что в немалой степени способствует формированию новых центров влияния.

Ключевые слова: внешняя торговля, нефть, газ, экономические риски, Китай, США, ЕС, санкции, экономика, внешние шоки.

Abstract: in the article the key directions of the sanctions' pressure on the largest Russian oil and gas companies. The budget balance, the market dependence of the economy and the trade balance depend on their international competitiveness. Particular emphasis in the article is placed

on mutual influence of the economic, social and political components of the sanctions. They are directed to impact on stability of the Russian economic mechanism ultimately and the current political situation. The sanctions of the western countries were and still are a tool of geopolitical and economic influence. But their effectiveness is limited by the own potential of the economy to which they are applied and by impossibility of isolating such significant players as Russia. In contrast, in Russia the steps are being taken to develop its own competitive potential and to look for the points of support which contributes forming the new centers of influence.

Key words: foreign trade, oil, gas, economic risks, China, USA, EU, sanctions, economy, external shocks.

Введение

Определяющая роль нефтегазовой промышленности в экономике Российской Федерации связана со сравнительными преимуществами отрасли, местом и ролью России в мировом экспорте топливно-энергетического сырья (далее – ТЭС). Так, удельный вес страны составляет 9% против 6% Саудовской Аравии, 6% США, 4% Канады, 4% Норвегии, 3% Катара и 3% ОАЭ [17]. Немаловажное значение имеет отрасль в формировании доходной части государственного бюджета (на нее приходится около 40% всех доходов в кризисных условиях и около половины – при благоприятной ценовой конъюнктуре), хотя доля всей добывающей промышленности в ВВП страны (по данным 2017 г.) не превышает 10,3% [11].

Позиционирование России как одного из ключевых энергопоставщиков для многих стран, в первую очередь Европейского Союза, предполагает поступательное развитие нефтегазовой промышленности в контексте разведки новых месторождений, роста добычи, развития транспортной инфраструктуры, товарной (производство и экспорт сжиженного природного газа) и географической (в том числе азиатский вектор) диверсификации.

При этом усиление энергосырьевой зависимости, когда доля ТЭС в экспорте в 1992 г. составляла 42,5% и постепенно увеличивалась, достигнув пиковых 71,6% в 2013 г. [19, с. 49]. Это не следует рассматривать как проявление деградиционных явлений в национальной экономике. Речь идет о стремлении страны усилить позиции на мировой арене, а также снизить воздействие внешнего влияния, в котором центральное место занимают санкции.

Цели и задачи санкционного давления на энергетические компании России

Политизация санкционного режима не позволяет корректно определить его причины, отделив экономическую составляющую от политической, что, соответственно, осложняет выработку эффективной адаптационной модели. Однако очевидно, что санкции следует рассматривать в первую очередь как ответную реакцию на изменение места и роли России в системе международных экономических отношений (МЭО). Данные изменения обусловлены повышением значимости страны в обеспечении энергетической безопасности ряда государств.

Нефть и газ стали ключевым элементом политики «мягкой силы» стран-энергопоставщиков, и этот тренд не остался незамеченным. В частности, инициатор санкций – Соединенные Штаты Америки – теперь ставит перед собой принципиально новые задачи в части трансформации структуры национальной экономики. Речь идет об ускоренном развитии нефте- и газодобычи. Уже в июне 2018 г. США вышли в лидеры по нефтедобыче (10,9 млн баррелей в сутки), обогнав Саудовскую Аравию (10,489 млн баррелей) и Россию (10,487 млн баррелей) [16]. Подобная ситуация еще раз подтверждает тезис о значимости крупнейших экспортеров ТЭС в современной системе мирохозяйственных связей в условиях взаимосвязанности экономик стран – экспортеров и потребителей нефти и газа.

США не рассматривают Россию в качестве соперника, если исходить из ее потенциала, однако опасаются дальнейшего усиления ее влияния, в том числе как энергопоставщика. Это усиливает вероятность разбалансировки сложившегося миропорядка, ключевые позиции в котором занимают США.

Оказывая давление на экономику России, США создают условия для форсирования собственного присутствия на мировом рынке ТЭС, в частности в контексте поставок сжиженного природного газа (СПГ) в Европу. При этом речь идет не просто об ослаблении российской экономики, а о создании новых рычагов давления на своих экономических партнеров – страны Европейского Союза – в рамках энергодиалога между США и ЕС.

Санкции направлены на ведущих участников российского рынка. Это в первую очередь компании «Роснефть», «Газпромнефть», «Лукойл», «Сургутнефтегаз», «Татнефть», «Русснефть».

Задачами санкционного давления выступают:

- сокращение спроса со стороны ведущих импортеров ТЭС;
- сворачивание международного сотрудничества в сфере добычи ТЭС и его переработки, а также в рамках проектов по расширению транспортной инфраструктуры;
- формирование устойчивых кредитных рисков;
- разбалансированность государственного бюджета;
- снижение качества жизни, рост социальной напряженности;
- политическая нестабильность в стране.

Сокращение спроса на российское энергосырье: предпосылки и возможности

Сокращение спроса на продукцию российской нефтегазовой промышленности обеспечивается средствами проведения информационных войн – формирования негативного имиджа страны в контексте акцентирования внимания на разных аспектах внешней политики России, которая позиционируется как агрессивная и захватническая. Помимо этого оказывается давление на ведущих энергопотребителей в части их переориентации в пользу

других поставщиков и, в первую очередь, США. Этому в немалой степени способствует фактор взаимозависимости стран и их зависимости от США, поскольку американская сторона располагает обширным инструментарием манипулирования данными о развитии ведущих экономик.

Усилия США по снижению спроса на российские углеводороды со стороны Польши и стран Прибалтики оказываются наиболее эффективными, поскольку политический истеблишмент этих стран придерживается проамериканского вектора внешней политики и в полной мере выражает согласие с официальной позицией США по вопросам санкционного давления и сворачивания двустороннего сотрудничества с Россией. Однако в целом формат принуждения к сотрудничеству в условиях отказа от более продуктивного взаимодействия с Россией имеет неустойчивый и временный характер. Более того, избыточное давление неминуемо приведет к регрессу в мирохозяйственных и политических отношениях.

Решающее значение имеют приоритеты внешнеполитического курса стран Европейского Союза и, в первую очередь, Германии. Тесное переплетение ее интересов с интересами России в части энергопоставок и в рамках торгово-инвестиционного сотрудничества в целом ограничивает возможности США по реализации мер санкционного давления.

Риски реализации энергетических проектов

В условиях ограниченного доступа для отечественного бизнеса к долгосрочному кредитованию и передовым технологиям разведки, добычи и транспортировки углеводородных ресурсов особую актуальность приобретает соинвестирование, т.е. привлечение иностранных компаний в крупные энергетические проекты.

США предпринимают попытки для их замораживания и сворачивания. Однако экономические интересы ведущих зарубежных нефтегазовых компаний не позволяют им отказаться даже под давлением США от объективно выгодного, причем в долгосрочной перспективе, сотрудничества в сфере добычи и последующей доставки ТЭС конечному потребителю.

Санкционное давление в отношении таких инфраструктурных проектов, как «Северный поток-2» (мощность двух ниток – 55 млрд куб. м в год [7]); целевые рынки – Германия, Великобритания, Нидерланды, Франция и Дания) и «Турецкий поток» (мощность двух ниток – 31,5 млрд куб. м; целевые рынки – Турция, Южная и Юго-Восточная Европа [8]), обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего, Россия стремится снизить существенные транзитные риски, связанные с поставками углеводородных ресурсов через территорию Украины. Речь в первую очередь идет о газопроводах:

- Оренбург – Ужгород (направление экспорта – Словакия, Чехия, Австрия, Германия, Франция, Швейцария, Словения, Италия);
- Уренгой – Ужгород (направление экспорта – Словакия, Чехия, Австрия, Германия, Франция, Швейцария, Словения, Италия);

- Ямбург – Ужгород (направление экспорта – Словакия, Чехия, Австрия, Германия, Франция, Швейцария, Словения, Италия);
- Долина – Ужгород – 2 нитки (направление экспорта – Словакия, Чехия, Австрия, Германия, Франция, Швейцария, Словения, Италия);
- Комарно – Дроздовичи – 2 нитки (направление экспорта – Польша);
- Ужгород – Берегово – 2 нитки (направление экспорта – Венгрия, Сербия, Босния);
- Хуст – Сату – Маре (направление экспорта – Румыния);
- Ананьев – Тирасполь – Измаил, Шебелинка – Измаил – 3 нитки (направление экспорта – Румыния, Болгария, Греция, Турция, Македония) [14].

В целом через украинскую газотранспортную систему осуществляется более 70% всех экспортных поставок российского природного газа в страны Европы, что составляет около 20% от их общего объема потребления [6].

Вовлечение Турции в торгово-экономическое сотрудничество с Россией обусловлено тем фактом, что страна является вторым по величине рынком сбыта российского газа после Германии.

Сохранение роли Украины как транзитера, на чем настаивают США, позволит в перспективе: дискредитировать Россию как эффективного энергопоставщика в условиях рисков нестабильности и недостаточности транзита через Украину; продолжить формирование имиджа России как мирового агрессора в условиях дальнейшего усиления российско-украинских противоречий; использовать Украину как инструмент давления на российское политическое руководство в контексте необходимости идти на определенные уступки, например в части энерготарифов и списания украинских долгов.

В то же время реализация проектов, связанных с прокладкой новых трубопроводов, позволит усилить присутствие России на европейском рынке и закрепить ее в качестве ведущего энергопоставщика. Это идет в разрез с интересами США в контексте реализации собственной стратегии расширения своего присутствия на европейском рынке, а также роста взаимовлияния российской и европейских экономик.

Кредитные риски

Кредитные риски, предопределенные санкциями, предполагают следующие ограничения и запреты:

- банки США вправе кредитовать российские банки на срок до 14 дней, а предприятия – до 60 дней;
- запрет на инвестиции в проекты России по экспорту энергоресурсов трубопроводом, предоставление товаров, услуг и технологий, стоимость каждой из которых превышает 1 млн долл. или агрегированная стоимость которых превышает 5 млн долл. в течение года;
- запрет на участие в приватизации российского госимущества, если объем инвестиций составляет более 10 млн долл.;

– сворачивание деятельности Европейского банка реконструкции и развития.

В перспективе (с 2019 г.) речь идет о наращивании кредитных рисков в связи со следующими обстоятельствами:

– запрет американским финансовым организациям покупать новые облигации федерального займа, что сформирует девальвационные шоки;

– возможное отключение от системы СВИФТ (от англ. Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications (SWIFT)), что уже имело место в Иране. Это произойдет лишь в условиях согласованности политики США и Европейского Союза, под юрисдикцией которого находится СВИФТ.

Минимизации девальвационных шоков будет служить дедолларизация национальной экономики. Однако в краткосрочном периоде добиться этого будет практически невозможно. Снижение значимости доллара во внешнеэкономической деятельности России предполагается на основе дальнейшего сближения со странами БРИКС и увеличения во взаимных расчетах роли других валют, в том числе российского рубля, евро, юаня (во взаимных расчетах, в первую очередь связанных с энергопоставками).

Риски, связанные с отключением от системы СВИФТ, должны стимулировать российскую экономику к использованию системы передачи финансовых сообщений (СПФС). Этой меры недостаточно, однако ее можно рассматривать как попытку частичной адаптации к возможной финансово-экономической изоляции страны.

Перечисленные кредитные риски усугубляются факторами «увеличения просроченной кредитной задолженности клиентов, высокого уровня убыточности кредитных организаций, высокой зависимости банковской системы от конъюнктуры национальной экономики» [4, с. 7].

Дестабилизирующий эффект усиливается ценовыми рисками – нестабильность цен на нефть и газ способствует высокой волатильности национальной экономики. В частности, за период 2012–2016 гг. цены на сырую нефть снизились с 103,14 долл. за баррель до 39,56 долл. за баррель (период максимально неблагоприятной конъюнктуры). Это было обусловлено прежде всего возникшей диспаритетностью между величиной спроса и предложения.

Снижению ценовых рисков способствовало соглашение «ОПЕК+», подписанное 10 декабря 2016 г. крупнейшими экспортерами нефти, включая Россию. Однако оно не может служить гарантией долговременности современных ценовых трендов, когда цена за баррель нефти в рамках биржевой торговли уже в мае 2018 г. превысила 76 долл., что в последний раз наблюдалось 27 ноября 2014 г. [9; 12].

Бюджетная, социальная и политическая разбалансированность

Целям минимизации ценовых шоков служит аккумуляция в рамках фондообразования денежных ресурсов, расходуемых в условиях кризиса.

Это способствует не только истощению фондов, но и разбалансированности бюджета, переходу на краткосрочное (не более года) бюджетное планирование, актуализации поиска новых источников финансирования дефицита, в том числе путем приватизации крупных объектов государственной собственности [5].

Дефицит бюджета и кризисные явления ведут к снижению качества жизни, росту численности населения, находящегося за чертой бедности. Так, численность граждан с доходами ниже величины прожиточного минимума выросла в период с 2013 по 2017 г. с 10,8% населения (или 15,5 млн чел. при величине прожиточного минимума в 7306 руб.) до 13,2% (или 19,3 млн чел. при величине прожиточного минимума в 10088 руб.) [10], что способствует обострению социальных противоречий.

Особую актуальность данная проблематика приобретает в условиях национального, религиозного, культурного многообразия российского общества. Этот феномен имеет исторический контекст, и, несмотря на то, что Советского Союза уже нет, он сохраняет свою актуальность, в том числе по причине диспаритетности экономического развития России и остальных стран постсоветского пространства, а также стран-соседей. Например, ВВП России на душу населения по ППС в 2017 г. составлял 25 352 долл., Казахстана – 23 910 долл., Беларуси – 17 153 долл., Туркменистана – 16 511 долл., Азербайджана – 15 533 долл., Грузии – 9564 долл., Армении – 8613 долл., Украины – 7957 долл., Узбекистана – 6311 долл., Молдовы – 6078 долл., Киргизии – 3360 долл., Таджикистана – 2897 долл. [15]. Фактор экономической диспаритетности стимулирует приток в Россию мигрантов.

В условиях ослабления российская экономика уже не нуждается в труде иммигрантов в той мере, как раньше, что вынуждает их уходить в теневой сегмент. На фоне усиления националистических настроений, столь характерных для кризисных состояний, нетерпимость в обществе растет. В этом смысле санкции приобретают совершенно иное – социальное – звучание и способствуют разобщению внутри социума.

В результате наблюдается снижение доверия к политическому руководству, что неминуемо ведет к падению его рейтингов, а впоследствии может стать триггером для политического кризиса.

Эндогенные риски российской экономики

Усилия США подкрепляются эндогенными рисками, т.е. собственно состоянием национальной экономики в целом и нефтегазовой отрасли в частности.

Накопленные структурные диспропорции и отдельные элементы существовавшей в прошлом плановой экономики повышают чувствительность к внешним шокам. Речь идет о современной модели смешанной экономики, в рамках которой дефекты планового управления были дополнены инкорпорированием рыночных элементов, что в целом сказывается на инве-

стиционной привлекательности страны. Как следствие, возникает «кризис недопроизводства производственного капитала по направлениям, определяющим развитие отечественной экономики в целом. Существующие объемы инвестиций в отраслях реального сектора экономики были и остаются недостаточными для требуемых темпов развития и обновления их основных фондов» [1, с. 43–44].

Говоря о состоянии нефтегазовой промышленности, следует сделать акцент на высоком износе основных фондов, приоритетности экспорта над переработкой, технологических разрывах с ведущими развитыми странами в сфере разведки, добычи и транспортировки ТЭС. Эти факторы во многом ограничивают конкурентный потенциал отрасли и обуславливают целесообразность и необходимость инвестиционного сотрудничества, без которого невозможно поступательное развитие и дальнейшее форсирование присутствия на мировом рынке ТЭС.

В целом санкционное давление создает реальные угрозы для нефтегазовой промышленности, подрывая тем самым возможности устойчивого развития страны. Однако ведущие российские компании-производители ищут и находят новые точки опоры в рамках стратегического партнерства с другими странами по перспективным направлениям.

Направления трансформации

Актуальным становится расширение российского присутствия на мировом рынке СПГ, на котором усиливается конкуренция с Катаром, Малайзией и Индонезией. Приоритетным вектором всех российских поставок СПГ является Япония – 67,6%. Пока показатели производства СПГ достаточно скромные и не превышают 11 млн т в год. Усилению присутствия будет способствовать развитие «Морского шелкового пути» в рамках сотрудничества с Китаем, с которым наблюдается «совпадение принципиальных подходов по ключевым вопросам мировой политики и экономики» [18, с. 48].

Таяние ледников в определенной степени будет облегчать судоходство, однако для коммерческого использования Северного морского пути этого недостаточно. Совместные с Китаем усилия направлены на строительство ледоколов, которые должны будут эксплуатироваться круглогодично. Кроме того, введение «экономически обоснованного льготирования стоимости ледокольной перевозки судов» позволит сформировать условия для воссоздания и реконструкции системы портов и портового хозяйства [3]. В том случае, если расширение трубопроводной инфраструктуры, соединяющей Россию и Европу, окажется невозможным, Россия сможет переориентироваться на поставки СПГ по европейскому направлению, поскольку имеющиеся в ЕС мощности по разжижению газа недозагружены. Подобный подход позволит России в большей степени сконцентрировать свои усилия на более продуктивном формате – сжижении и дальнейшей переработке сырья – природного газа, что позволит снизить зависимость от сложившейся трубо-

проводной инфраструктуры. Это весьма актуально с учетом естественного износа трубопроводов, функциональность которых ограничена эксплуатацией в течение определенного срока (в зависимости от вида труб и условий эксплуатации), и позволяет перенести инфраструктурные риски на страну – потребителя ТЭС.

В этом смысле санкционное давление способствует благоприятным трансформационным сдвигам в национальной экономике, прежде всего в вопросах, связанных с оптимизацией ее структуры. В то же время ставка только на собственный технологический потенциал в краткосрочном периоде может сформировать устойчивую зону риска, однако в средне- и долгосрочном периодах с повышением конкурентоспособности экономики, связанной с углублением инвестиционного и научно-технического сотрудничества с рядом акторов, для которых приоритетной остается экономическая целесообразность, это снизит чувствительность к внешним воздействиям со стороны США. Как следствие, могут появиться возможности для создания собственных технологий, в частности сжижения СПГ в условиях низких температур Крайнего Севера [6; 13]. Уникальность и значимость подобных технологий будет стимулировать развитие нефтегазовой промышленности.

В целом Россия показывает высокий потенциал развития на «сопротивление» внешнему давлению. Так, вместо падения ВВП экономики демонстрирует положительный рост – 1,5% в 2017 г., хотя в 2016 г. наблюдалось небольшое падение 0,2% [11]. Умеренно положительная динамика позволяет характеризовать политику государственного регулирования экономики как достаточно эффективную в контексте необходимой ее адаптации к внешним вызовам и угрозам. Это не устраняет определенные негативные тренды, отмеченные выше, однако позволяет говорить о наличии предпосылок для дальнейшей позитивной трансформации хозяйственного механизма. Этот процесс происходит на фоне увеличения газодобычи и незначительного сокращения нефтедобычи (соответственно +8,7% и -0,3% в 2017 г. к показателям 2016 г.), что обусловлено обязательствами по соглашению «ОПЕК+».

Заключение

Таким образом, как показывает практика, именно внешние шоки в большей степени, нежели благоприятные факторы, такие как высокие цены на нефть и газ, способствуют развитию экономики. Следует отметить, что экономическая и политическая изоляция, хотя бы частичная, невозможна по причине высокой значимости и глубокого включения в мирохозяйственные и политические процессы. Безусловно, это не снижает целесообразности выработки эффективной экономической политики, направленной на снижение последствий санкционного давления. Если первоначально речь шла об адаптационной модели, то на современном этапе можно говорить о вовлечении страны в создание принципиально новой парадигмы раз-

вития. Этому в немалой степени способствуют, как бы парадоксально это не прозвучало, Соединенные Штаты Америки, которые своими действиями подталкивают другие страны, в том числе Китай, к более тесному сотрудничеству и взаимодействию.

Рассмотренные выше эффекты санкционного давления позволяют сделать выводы относительно, с одной стороны, адресности и эффективности подобных мер, а с другой – их неоднозначности, поскольку они запускают защитные механизмы, а также механизмы саморазвития и кооперации в целях объединения потенциалов и создания новых центров влияния на мировой арене с цементирующей ролью Китая «в результате совпадения геополитических устремлений» [2, с. 7]. Одним из ведущих акторов этих процессов должна стать Россия.

Список литературы

1. *Афанасьев В.Я.* Пути модернизации реального сектора экономики РФ // Вестник университета (Государственный университет управления). 2017. № 4. С. 43–46.
2. *Бажанов Е.П.* Роль Китая в мире и политика России // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 2 (16). С. 6–17.
3. *Бочарова Л.К., Симонова Ю.В.* Особые режимы хозяйствования в Арктике: поиск решений // Проблемы науки. 2017. № 02 (15). С. 42–46. – Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_28399962_66016213.pdf (дата обращения: 15.08.2018).
4. *Заборовская А.Е., Заборовский В.Е.* Банковская система России на современном этапе: показатели, технологии, инструменты // Журнал Евразийской науки. 2018. № 4. – Режим доступа: <https://esj.today/PDF/06ECVN418.pdf> (дата обращения: 23.10.2018).
5. Направления деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации // Официальный сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/govProperty/indexdocs?WCM_PI=1&WCM_Page.6592b3004309ca4b98d5bb1aee474279=3 (дата обращения: 23.08.2018).
6. Официальный сайт «Нафтогаз». – Режим доступа: <http://www.naftogaz.com/www/3/pakweb.ru.nsf/0/74B2346ABA0C69C22570D80031A365?OpenDocument> (дата обращения: 18.10.2018).
7. Официальный сайт ПАО «Газпром». – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/projects/nord-stream2/> (дата обращения: 02.09.2018).
8. Официальный сайт ПАО «Газпром». – Режим доступа: <http://www.gazprom.ru/projects/turk-stream/> (дата обращения: 01.10.2018).
9. Официальный сайт РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/5b992cd9a794736c20b1e37> (дата обращения: 23.10.2018).
10. Официальный сайт Росстата. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 19.09.2018).
11. Официальный сайт «Росстата». – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/social/osn-12-2017.pdf (дата обращения: 06.10.2018).
12. Официальный сайт СПбМТСБ. – Режим доступа: http://spimex.com/press_centre/news/14272/ (дата обращения: 07.09.2018).
13. Официальный сайт «Ямал СПГ». – Режим доступа: <http://yamallng.ru/project/about/> (дата обращения: 19.10.2018).
14. Официальный сайт EEGAS. – Режим доступа: http://www.eegas.com.fsu_r.htm (дата обращения: 10.10.2018).
15. Официальный сайт IMF. – Режим доступа: [https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=94&pr.y=4&sy=2016&ey=2023&scsm=](https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=94&pr.y=4&sy=2016&ey=2023&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=946%2C911%2C912%2C913%2C921%2C922%2C939%2C915%2C923%2C925%2C926%2C916%2C927%2C917%2C582-%2C941&s=NGDPRPPPC&grp=0&a=)

16. Официальный сайт JODIOil – Режим доступа: <https://www.jodidata.org/oil/database/data-downloads.aspx> (дата обращения: 15.08.2018).
17. Официальный сайт WTO. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/world_commodity_profiles16_e.pdf (дата обращения: 08.10.2018).
18. *Лухова А.А.* Российско-китайское экономическое взаимодействие в азиатско-тихоокеанском регионе // Международная экономика. 2014. № 11. С. 47–50.
19. *Руднева А.О.* Становление энергосырьевой ориентации российского экспорта: от зерна к нефти // Вестник университета (Государственный университет управления). 2016. № 3. С. 48–53.

Троянский Михаил Григорьевич,

кандидат исторических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: info.lector@dipacademy.ru

Mikhail G. Troyansky,

PhD in Historical Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: info.lector@dipacademy.ru

О ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В ВЕДУЩИХ СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

ABOUT INTERNAL POLITICAL PROCESSES IN THE LEADING COUNTRIES OF LATIN AMERICA

Аннотация: сложные процессы в Латинской Америке продемонстрировали политическую нестабильность во многих странах региона. Наиболее показательными из них оказались Бразилия, Мексика, Аргентина и Венесуэла. Несмотря на глубокие различия в указанных странах политического, экономического и этнопсихологического характера, у них немало объединяющих причин, приведших, с одной стороны, к изменениям во властных структурах, а с другой – к продолжающейся борьбе под общедемократическими лозунгами против социального неравенства, коррупции, растущей криминализации общества и насилия.

Ключевые слова: Аргентина, Мексика, Бразилия, Венесуэла, внутриполитические процессы, выборы президентов.

Abstract: the complex processes in Latin America have demonstrated political instability in many countries of the region. The most significant were Brazil, Mexico, Argentina and Venezuela. Despite the deep differences in these countries of political, economic and ethno-psychological nature, they nevertheless have quite a few unifying reasons that, on the one hand, lead to changes in power structures, and on the other, the ongoing struggle under general democratic slogans against social inequality, corruption and the increasing criminalization of society and violence.

Key words: Argentina, Mexico, Brazil, Venezuela, internal political processes, elections of presidents.

Современная международная обстановка отличается нестабильностью и ярко выраженной политической турбулентностью. Коллективный Запад откровенно взял курс на всестороннюю критику внутренней и внешней политики России, демонизацию ее руководства. Четко прослеживается цель – изолировать Москву от международного сообщества, а в перспективе – попытаться заставить ее играть по своим правилам, подчинив диктуемым Вашингтоном и его европейскими сателлитами установкам. При этом в ход идут различные методы идеологического и психологического воздействия, санкционное давление, открытое, выходящее за рамки любых приличий

информационное наступление, блокировка по самым разным азимутам, включая религиозный, что хорошо прослеживается на примере раскола православной церкви на Украине. И всё это осуществляется в контексте так называемого сдерживания России.

Тем не менее тщетность таких попыток очевидна. Изолировать Россию невозможно, учитывая ее глобальную роль в мировых делах. Среди формирующихся в полицентричном мире самостоятельных политических центров, с которыми у России складывается конструктивное взаимодействие – а таких большинство, – следует особо выделить регион Латинской Америки. Это самостоятельный, самодостаточный, культурно-цивилизационный континент со своей политической философией, близкой российской. Несмотря на историческую схожесть расположенных на нем стран, всем им присущи свои характерные черты и свой вектор развития. Хотя в современной Латинской Америке благодаря действиям интеграционных объединений, таких как, например, СЕЛАК, УНАСУР, МЕРКОСУР и др., прослеживается нацеленность на осуществление общих подходов к явлениям международного порядка и попыткам выработать единые правила торговли, процессы в странах Латинской Америки и Карибского бассейна в политической системе координат нередко изобилуют самыми неожиданными поворотами. Это четко прослеживается на примере трех ведущих стран региона, задающих, как правило, вектор развития для всего континента. Прежде всего это касается такой страны, как Бразилия.

Бразилия

31 августа 2016 г. в результате импичмента по обвинению в нарушениях бюджетного законодательства была смещена с поста президента Бразилии Д. Роуссефф – представитель Партии трудящихся (ПТ), находившейся у власти в общей сложности 14 лет. Полномочия главы государства перешли вице-президенту страны М. Темеру (партия Бразильское демократическое движение (БДД) – на тот момент союзник ПТ по правительственной коалиции).

В октябре 2018 г. в Бразилии прошли очередные всеобщие выборы (7 октября – первый тур, 28 октября – второй), в ходе которых были избраны президент, губернаторы штатов, две трети верхней палаты Национального конгресса (Сенат) и депутаты всех уровней. Их итоги отразили серьезные перемены внутриполитического ландшафта в стране, вызванные усталостью и глубоким разочарованием граждан от политических и экономических турбуленций последних лет, неэффективным госуправлением, дискредитацией традиционных политических элит и партий – ПТ, БДД, Партии бразильской социал-демократии (ПБСД) – в результате коррупционных скандалов.

Во втором туре одержал победу кандидат от ранее непопулярной правой Социал-либеральной партии (СЛП), придерживающийся консервативных взглядов отставной военный Ж. Болсонаро над представителем левой

ПТ, бывшим мэром г. Сан-Паулу Ф. Хаддадом, баллотировавшимся взамен отбывающего наказание за коррупционные преступления экс-президента Л. Лулы (55,14% против 44,87% голосов). Поддержавшим Ж. Болсонару среднему классу, представителям крупного бизнеса, армии и церкви, в том числе и евангелистской, которые возлагают ответственность за неблагоприятную ситуацию в стране на предыдущие правительства (ПТ, затем БДД и ее союзника ПБСД), импонирует предвыборная программа этого представителя несистемной оппозиции за наведение порядка «твердой рукой»: усиление государственного контроля над общественно-политической жизнью страны, жесткие меры по борьбе с преступностью, включая введение смертной казни за умышленные убийства, и свободная продажа оружия. В экономической сфере будущий глава государства – приверженец либеральных отношений – планирует сократить бюджетные расходы, в том числе за счет уменьшения количества министерств и ведомств, и реализовать масштабные приватизационные программы.

В то же время Ж. Болсонару известен своими одиозными расистскими, гомофобными, антифеминистскими высказываниями, открытой поддержкой военного режима, находившегося у власти в Бразилии с 1964 по 1985 г. Экстравагантные предвыборные обещания он давал и по внешнеполитической проблематике – за выход Бразилии из ООН, перенос посольства страны в Израиле в Иерусалим, сокращение международных обязательств в сфере изменения климата, прав человека и др. После победы на выборах избранный президент скорректировал риторику, как по внутривнутриполитической проблематике, так и по внешней. Он четко проводит мысль, что в своем правлении «будет руководствоваться конституцией и не видит альтернатив действующим в стране демократическим институтам», более нейтрально высказывается по вопросу открытия посольства в Иерусалиме, заявив, в частности, что это «не является вопросом чести» [3]. Если до своего избрания Ж. Болсонару резко высказывался в адрес Пекина, отмечая, что Китай фактически «покупает саму Бразилию», то, став президентом, он также быстро сменил риторику, уступив место прагматизму. В Китай уходит до 25% бразильского экспорта, и это один из крупнейших инвесторов, особенно в области сельского хозяйства, энергетики и горнодобывающей промышленности [4], и как бы сильно новый президент ни желал идти в фарватере США, американский рынок не сможет заменить ему китайский. В этом же контексте, как представляется, следует обратить внимание на то, как реально поведет себя Бразилия в БРИКС, тем более что в 2019 г. она возглавляет блок на ротационной основе. А предсказания о том, что, «она снизит свое участие» [3] в нем пока остается весьма спорным.

Состав будущей команды Ж. Болсонару набирает из персоналий «под стать» своей не во всем однозначной предвыборной программе, в основном из однопартийцев, заявляя, что «не намерен раздавать должности другим политическим объединениям за участие в коалиции». Вице-президентом

станет баллотировавшийся с ним в связке отставной генерал А. Моурао, публично высказывавшийся о возможном «самоперевороте» правительства. Руководителем Администрации президента планируется назначить депутата от партии «Демократы» О. Лорензони, министром иностранных дел – директора Департамента США, Канады и межамериканских вопросов Э. Араужо, министром обороны – отставного генерала А. Элено, министром экономики – банкира и университетского преподавателя с ярко выраженными либеральными взглядами в экономике П. Гедеса, министром науки и технологий – космонавта М. Понтеса.

В связи с тем, что избранный президент не имеет поддержки широкого правящего альянса, политологи прогнозируют, что реализовать обозначенные им в программе глубокие реформы будет непросто. Хотя СЛП, членом которой является Ж. Болсонару, удалось повисить свое представительство в нижней палате Национального конгресса с 1 до 52 мест (из 513), ПТ по-прежнему лидирует по количеству мест в Палате Депутатов (56). В верхней палате парламента БДД и ПБСД с небольшими потерями удалось сохранить за собой лидерство (у ПТ – 6 мест). Наибольшее количество мест губернаторов «забрала» ПТ (4). С учетом такого расклада при осуществлении своих планов – искоренение коррупции во власти, обуздание преступности, преодоление кризиса в экономике – Ж. Болсонару намерен опираться на правоохранительные органы, а также использовать экономические методы «шоковой терапии».

Вместе с тем прошедшие выборы стали индикатором недовольства бразильского населения традиционными правящими элитами, что наглядно отразилось на низкой поддержке кандидатов от БДД на президентский пост – бывшего министра финансов Э. Мейреллеса (1,2%), – итогах выборов в парламент. БДД и ПБСД в Палате Депутатов потеряли более половины мест. Многие политики из традиционных элит не были избраны. В Национальный конгресс не прошли на этот раз Председатель Федерального Сената Э. Оливейра от БДД, председатель БДД Р. Жука. Проиграла выборы претендовавшая на место сенатора бывший президент Бразилии Д. Роуссефф от ПТ.

В целом оценки деятельности нового президента можно будет дать только после начала его правления, равно как и тому, удастся ли ему осуществить на практике хотя бы часть обещаний по улучшению жизни бразильцев.

Аргентина

После убедительной победы на частичных парламентских выборах в Аргентине 22 октября 2017 г., когда проправительственный блок «Изменимся» набрал по стране более 40% голосов, уровень его популярности в 2018 г. резко снизился. Основная причина спада – обострение кризисных явлений в национальной экономике.

Для «Изменимся» конъюнктура в 2018 г. действительно складывалась весьма неблагоприятно: за первые 10 месяцев песо обесценился на 95%,

что вызвало скачок стоимости жизненно важных продуктов на 30–50%, и, как следствие, повлекло за собой деградацию качества жизни населения и рост в обществе протестного потенциала. По данным Национального института статистики и переписи Аргентины (ИНДЕК), инфляция в стране к концу 2018 г., по некоторым оценкам, перешагнет 40% рубеж [5].

На фоне продолжавшейся рецессии президент М. Макри принял решение обратиться за помощью к МВФ, чтобы за счет кредита, с одной стороны, восстановить резервы ЦБ и стабилизировать курс песо, а с другой – профинансировать дефицит бюджета до конца 2019 г., т.е. срока окончания своих полномочий. Положительное рассмотрение этим международным институтом аргентинской заявки – Буэнос-Айресу выделены рекордные 56,3 млрд долл. США [5] – было воспринято весьма неоднозначно, сопровождалось манифестациями и протестами. Такая реакция обусловлена, в том числе, живой в народном сознании памятью о тяжелейшем кризисе 2001 г. (политическая и экономическая турбулентность, смена правительства, объявление крупнейшего в мировой истории дефолта), одной из основных причин которого в Аргентине продолжают считать «хищническую» политику МВФ.

В этих обстоятельствах уровень поддержки населением проводимого М. Макри курса в конце 2018 г. достиг своего исторического минимума (по разным оценкам, от 25 до 30%), при этом растет отрицательный рейтинг главы государства и ключевых игроков его команды. Социологические исследования показывают, что в «Изменимся» начал разочаровываться средний класс, который, как здесь принято считать, в свое время привел правящий блок к власти. Тем не менее на фоне временной стабилизации курса национальной валюты официоз всё громче заявляет о своих амбициях. Не так давно М. Макри подтвердил, что примет участие в президентских выборах, которые состоятся в 2019 г. В прессу просочилась информация, что намерены идти на переизбрание и приближенные к главе государства руководители регионов – столичный мэр О. Родригес Ларрета и губернатор провинции Буэнос-Айрес М. Видаль.

По всей видимости, главными драйверами предвыборной кампании станут те же лица, которые помогли блоку одержать победу в 2015 и 2017 гг. – глава кабинета министров М. Пенья, вышеупомянутые М. Видаль и О. Родригес Ларрета, лидер партии «Гражданская коалиция» Э. Каррио, министр внутренних дел, общественных работ и жилья Р. Фрихерио и др. О своем желании продолжить работу в команде М. Макри заявила вице-президент М. Мичетти.

Что касается оппозиции, то следует констатировать, что в условиях раздробленности перонистского движения в его рядах пока так и не появилось лидера, способного консолидировать существующий в обществе электропотенциал.

Основной тенденцией, обозначившейся в последнее время, стал рост числа политиков, относящих себя к «умеренным перонистам»: на рубеже

2017 и 2018 гг. в Нацконгрессе окончательно оформился раскол между потерявшими значительную часть своего политического капитала киршнеристами и теми оппозиционерами, с которыми власти готовы вести диалог. Так, в верхней палате по инициативе сенатора-хустисиалиста М. Пичетто был создан блок «Федеральная Аргентина». В Палате депутатов соответствующую фракцию возглавил хустисиалист П. Косинер. В контексте формирования в противовес М. Макри и К. Фернандес «третьей силы» рассчитывают найти свое место в новой предвыборной конфигурации многие заметные для современного перонизма фигуры: С. Масса, Х. Скиаретти, Х.М. Уртубей, Ф. Рандассо, А. Родригес Саа, Р. Лаванья и др.

При этом во второй половине 2018 г. неблагоприятный медийный фон сформировался вокруг киршнеризма. Так, несмотря на то, что ажиотаж вокруг обвинений в коррупции и злоупотреблении должностными полномочиями в адрес общественных деятелей эпохи киршнеризма, приближенных и детей президентской четы, самой К. Фернандес де Киршнер, не утихает с момента прихода к власти М. Макри в конце 2015 г., именно выплеснувшийся в прессу в августе прошлого года громкий скандал, связанный с именем экс-президента, повлек за собой самые значительные репутационные потери.

Речь идет о так называемом деле вокруг «тетрадой взяток», в которых водитель бывшего чиновника в правительстве К. Фернандес де Киршнер фиксировал события каждого своего рабочего дня с 2005 по 2015 г. (всего 8 блокнотов), а именно передвижения шефа по городу, его контакты и содержание разговоров, и даже пересчитывал и взвешивал сумки с деньгами, которые якобы передавали киршнеристским властям «на предвыборную кампанию» видные бизнесмены страны [6]. По оценкам следствия, общая сумма этих средств превышает несколько миллиардов долларов. На объектах недвижимости семьи Киршнер по всей стране прошли обыски (улик найдено не было), разрешение на которые с учетом senatorской неприкосновенности К. Фернандес де Киршнер было дано Нацконгрессом Аргентины. При этом пользующуюся стабильной поддержкой 30% населения бывшую главу государства рано списывать со счетов – до сих пор остается открытым вопрос: станет ли она баллотироваться на президентский пост в 2019 г.?

Как считают аргентинские политологи, беспрецедентный коррупционный скандал приостановил наметившийся рост симпатий аргентинцев к предыдущему правительству на волне провала экономического курса нынешнего, превращая экс-президента в «идеального спарринг-партнера» для М. Макри.

Таким образом, впервые за несколько лет поступательной фрагментации у антагонистов правящего блока имеются все предпосылки для сближения позиций и создания союзов с прицелом на президентскую кампанию 2019 г. В условиях высоких показателей отрицательного рейтинга тяжеловесов аргентинской политики – М. Макри и К. Фернандес де Киршнер – не ис-

ключено появление новых избирательных альянсов, предлагающих обществу «третий» путь развития. В рядах оппозиции растет понимание, что без консолидации вокруг единого лидера вернуть власть будет практически невозможно.

Вместе с тем кредит доверия, полученный командой М. Макри в ходе предыдущих избирательных кампаний, практически исчерпан. Если властям не удастся улучшить социально-экономическую ситуацию в стране, то на фоне снижения уровня поддержки населения центробежные тенденции внутри правящего блока будут неизбежно нарастать. Кроме того, пока не преодолен раскол внутри оппозиции – «Изменимся» сохраняет за собой шансы одержать победу на президентских выборах 2019 г.

Мексика

На всеобщих выборах в Мексике 1 июля 2018 г. победу одержала коалиция «Свершим историю вместе», президентскую гонку уверенно выиграл ее лидер (от левоцентристской партии MORENA – «Движение национального возрождения») А.М. Лопес Обрадор, получивший абсолютное большинство голосов – 53%. В Палате депутатов Генерального Конгресса нового созыва победившая партия MORENA получила 247 мест из 500, в Сенате – 58 из 128.

Выборы стали рекордными по целому ряду показателей. Впервые здесь одновременно «разыгрывалось» беспрецедентное количество должностей – более трех тысяч. Помимо президента мексиканцы избирали представителей обеих палат мексиканского парламента, губернаторов восьми штатов, столичного мэра, глав муниципальных образований и депутатов законодательных органов на местах.

В ходе выборов зафиксирована небывало высокая, более 62%, явка избирателей. За ходом голосования и подсчетом голосов наблюдали порядка 30 тыс. человек, в том числе 900 иностранных граждан. В частности, в Мексику прибыли наблюдатели от ОАГ, бывший Генсек ООН К. Аннан, другие международные представители [7].

Официально вступившему в должность президента страны 1 декабря 2018 г. А.М. Лопесу Обрадору досталась в наследство страна с тяжелейшей ношей «бед», углубившихся при администрации теперь уже бывшего президента Э. Пеньи Ньето: разгул преступности, рекордное количество убийств, повсеместная коррупция и бедность. Реализация комплекса принятых предыдущей администрацией в 2013–2014 гг. структурных реформ, призванных модернизировать экономику Мексики, не оправдала надежды значительной части мексиканцев и не дала ощутимых результатов по улучшению их уровня жизни.

В целом А.М. Лопес Обрадор предполагает реализовать кардинальную «трансформацию» страны – четвертую по счету в политической истории Мексики после эпохи обретения независимости, реформ Бенито Хуареса и революции 1910–1917 гг., каждая из которых сопровождалась

принятием новой конституции (в 1824, 1857 и 1917 гг.). При этом в ходе избирательной кампании лидер MORENA обещал не менять нынешнюю конституцию, по крайней мере, в первой половине своего срока, несмотря на то, что ряд представленных им законопроектов имеют характер конституционных изменений. По мексиканскому законодательству, для реформы Основного закона требуется 3/4 голосов в обеих палатах Конгресса и простое большинство в парламентах 17 штатов (победившая на выборах коалиция контролирует 18 местных законодательных собраний и лишь немного не дотягивает до квалификационного большинства в федеральном парламенте). Соответственно, для внесения изменений в конституцию правящей коалиции потребуется заручиться поддержкой других политических сил.

Постэлекторальная программа А.М. Лопеса Обрадора включает в себя, по меньшей мере, три условных блока законодательных инициатив.

Первый блок – это пакет мер жесткой экономии, в который входит существенное сокращение зарплат высокопоставленных должностных лиц, включая 60% сокращение зарплаты самого президента, доход выше которой не сможет получать ни один из государственных служащих, а также реорганизация правительственных органов, предусматривающая сокращение количества структурных подразделений. Планируется урезать состав Президентского штаба (Estado Mayor Presidencial) – службы безопасности президента – с переводом ее в ведомство Министерства обороны, а также расформировать Центр расследований и национальной безопасности (мексиканской разведки), а на его базе создать Национальное разведывательное агентство при МВД Мексики. При этом намечается учредить отдельное Министерство общественной безопасности. Кроме того, было объявлено о планах по «децентрализации» – переносу 31 федерального министерства и ведомств (кроме Администрации президента, МИД, МВД, Минфина и Минобороны) из Мехико в регионы страны в целях создания предпосылок для развития экономики на местах. Непонятно, однако, как этот масштабный и крайне спорный проект будет осуществляться.

Инициативы *второго блока*, которые должны укрепить демократию, правовое государство и социальную справедливость, предполагают внесение изменений в статью 108 мексиканской Конституции в целях отмены неприкосновенности высокопоставленных должностных лиц, включая президента, принятие закона об отзыве депутатского мандата, упрощении механизмов прямой демократии (проведения референдумов) и, наконец, законодательный перевод коррупции и избирательных махинаций в разряд тяжких преступлений.

По предложению министра внутренних дел Ольги Санчес, в рамках государственной политики «нарколиберализма» предполагается легализовать на федеральном уровне использование марихуаны в «рекреативных» целях, чтобы «вывести данный рынок из тени и, тем самым, способствовать сокра-

щению беспрецедентного уровня насилия в стране» (31 174 умышленных убийства за 2017 г. – рост на 22% по сравнению с 2016 г.) [8].

Третий блок касается пересмотра законотворческого наследия предыдущей администрации. Прежде всего, это изменение или даже упразднение законов о реформе образования, включая предложение о закреплении в конституции права на бесплатное образование всех уровней, а также отмена президентского указа «О водных резервах» от июня 2018 г., который на левом фланге политического спектра рассматривали как «прелюдию» к приватизации водных ресурсов.

Что касается энергетической реформы – одного из главных достижений бывшего правительства, открывшего доступ на мексиканский нефтегазовый рынок зарубежных компаний, в том числе ПАО НК «Лукойл», – то А.М. Лопес Обрадор заявил о желании приостановить проведение нефтяных тендеров на время «ревизии» его командой всех существующих контрактов (с 2015 г. с 73 иностранными компаниями подписано более 100 договоров) [9]. В то же время очевидно, что для повышения неуклонно сокращающихся показателей добычи нефти – в соответствии с одним из предвыборных обещаний нового президента – Мексике потребуются участие иностранного капитала и новые технологии. Государственная нефтяная компания «Пемекс» («Pemex») по проекту А.М. Лопеса Обрадора должна будет вложиться в модернизацию и постройку новых нефтеперерабатывающих заводов, чтобы снизить зависимость от импорта американского бензина. Финансирование данного проекта, по оценкам экспертов, может угрожать финансовой стабильности компании, которая испытывает нехватку свободных средств, поэтому вряд ли стоит ожидать, что мексиканская монополия сможет увеличить добычу за счет собственных инвестиций, как это предполагает амбициозный план вновь избранного президента.

Высвобожденные в результате реформ средства планируется направить на реализацию семи президентских проектов, среди которых: строительство нового международного аэропорта Мехико; проведение железнодорожного коридора в районе перешейка Теуантепек (должен соединить тихоокеанский порт Салина-Крус в штате Оахака с атлантическим портом Коацакоалькос в штате Веракрус); организация туристического железнодорожного маршрута на полуострове Юкатан (Канкун – Паленке), а также сети сельских дорог в штате Оахака; реконструкция пострадавших от прошлогоднего землетрясения объектов; охват интернет-связью территорий всей страны; улучшение качества жизни жителей «маргинальных» районов. Указанные инфраструктурные проекты, по замыслу их авторов, призваны создать новые рабочие места и стать локомотивом роста мексиканской экономики на ближайшую президентскую шестилетку. Ряд крупных мексиканских компаний уже сообщил о готовности подключаться к участию в них.

Как показали результаты прошедших выборов, мексиканские избиратели голосовали за «смену курса». В настоящее время А.М. Лопес Обрадор

предлагает обществу свой проект трансформации страны. От того, насколько успешными будут реформы, в первую очередь в социально-экономической сфере, будет зависеть дальнейшая поддержка его со стороны как мексиканского бизнеса, так и самых незащищенных слоев населения, а соответственно, и перспективы закрепления партии во власти.

Рассмотрев ситуацию в трех ведущих странах Латинской Америки, нельзя не остановиться и на внутривнутриполитической обстановке в столь важном для понимания общей расстановки сил в регионе государстве, как Венесуэла, которую не первый год сотрясают острые внутривнутриполитические конфликты гражданского и социального характера и которая занимает ныне особое место в латиноамериканском политическом ландшафте.

Венесуэла

Положение в этой стране характеризуется жестким противостоянием между сторонниками проправительственного (чавистского) блока «Большой патриотический полюс», основу которого составляет Социалистическая единая партия Венесуэлы (СЕПВ), и номинально существующей коалиции оппозиционных партий «Платформа демократического единства» (ПДЕ), активно поддерживаемой из-за рубежа.

Получив контроль над Национальной ассамблеей Венесуэлы по итогам парламентских выборов 2015 г., оппозиция взяла курс на смещение действующего президента Н. Мадуро, смену правительства внешней и внутренней политики страны. Это усилило поляризацию в венесуэльском обществе, расколов страну практически надвое.

Для поиска компромиссов с оппонентами по инициативе главы государства в октябре 2016 г. был запущен диалоговый процесс между полномочными представителями правительства и ПДЕ с международным сопровождением под эгидой УНАСУР и Ватикана. После двух раундов переговоров оппозиция отказалась от продолжения диалога, поставив под сомнение его эффективность. Ситуация в стране эволюционировала в сторону эскалации политического противостояния, дестабилизации социально-экономической обстановки и усиления гражданской напряженности.

В начале апреля 2017 г. после решения Верховного суда ограничить полномочия оппозиционной Национальной ассамблеи конфликт между сторонниками и противниками действующей власти перешел в стадию открытой конфронтации. Страну захлестнули протестные акции, сопровождаемые жесткими столкновениями сил правопорядка с подстрекаемыми извне оппозиционными радикалами. Число погибших, по разным оценкам, составило порядка 120 человек, пострадавших – более 1,5 тыс. [10].

Новый виток противостояния чавистов с правой оппозицией спровоцировало решение Н. Мадуро о проведении 30 июля 2017 г. выборов в Национальное учредительное собрание (НУС) – орган, правомочный вносить изменения в Основной закон страны и принимать решения по реформиро-

ванию системы государственного устройства. Несмотря на то что реформирование НУС предусмотрено действующей Конституцией Венесуэлы (ст. 347–349), правые силы остро восприняли инициативу созыва НУС и отказались от участия в голосовании. Одновременно многие правительства стран ЛАКБ и внерегиональных государств усилили давление на венесуэльские власти с угрозами непризнания легитимности НУС. Тем не менее выборы состоялись, и 4 августа 2017 г. собрание приступило к работе. Оппозиция в ответ продолжила линию на дальнейшее расшатывание обстановки. Были предприняты попытки форсировать создание параллельных структур власти, в частности запустить процедуру назначения парламентом новых судей Верховного суда.

Однако уже в августе–сентябре 2017 г. правительство, опираясь на практически безусловную поддержку со стороны армии, полиции и национальной гвардии, переломило ситуацию в свою пользу. Протестная активность пошла на спад.

На состоявшихся 15 октября 2017 г. губернаторских выборах кандидаты от СЕПВ получили 18 из 23 мест. После такого разгромного поражения в рядах оппозиции усилился раскол. Муниципальные выборы 10 декабря 2017 г. закрепили тенденцию усиления власти боливарианцев «на местах» (проправительственные кандидаты «взяли» более 90% мэрий).

20 мая 2018 г. состоялись досрочные выборы президента Венесуэлы на новый конституционный период 2019–2025 гг. По итогам голосования действующий глава государства Н. Мадуро набрал 67,84% голосов избирателей (6,2 млн чел.), его основной соперник – лидер оппозиционной партии «Прогрессивный авангард» Х. Фалькон – 20,93% (1,9 млн чел.). Явка составила 46,07% (9,4 млн из 20,5 млн граждан, имеющих право голоса) [11].

Свидетельством политической поддержки президента Н. Мадуро стали и последние пленарные заседания IV съезда СЕПВ, прошедшие в октябре 2018 г., а также выборы в муниципальные советы 9 декабря 2018 г., на которых сторонники венесуэльского лидера одержали твердую победу.

Оппозиция продолжает оставаться раздробленной и пока не в состоянии консолидироваться в борьбе за симпатии общественного мнения. Всё меньше людей верят ее лидерам и в их способности предложить собственную программу действий в противовес боливарианскому проекту. Отсюда – их неспособность организовать массовые выступления под политическими лозунгами и ставка на содействие США и их региональных союзников в стремлении дискредитировать и сместить нынешние венесуэльские власти любыми средствами. При этом речь идет уже и о попытках физического устранения, использования террористических методов как инструментов политической борьбы. Наглядное тому свидетельство – попытка покушения на президента Н. Мадуро 4 августа 2018 г., расследование которого продолжается.

Линия Вашингтона на международную изоляцию Венесуэлы принимает всё более циничные формы. С использованием потенциала ОАГ и «Лимской

группы» навязывается неизбежность военной интервенции извне под предлогом гуманитарной катастрофы [12]. Кроме того, продолжают вводиться односторонние персональные и секторальные санкции. В то же время, по оценкам некоторых экспертов, если США и окажут военную поддержку венесуэльской оппозиции, то она будет ограниченной, иначе потребуется не менее 100 тыс. солдат армии США, а на это Вашингтон вряд ли пойдет [13].

Основным вызовом действующей власти остается положение в экономике. 20 августа 2018 г. запущена Программа экономического процветания, роста и восстановления Венесуэлы, которая включает в себя задачи по повышению покупательной способности населения при сохранении системы соцзащиты, стимулированию промышленного и сельскохозяйственного производства, либерализации валютного контроля, ограничению монетарной эмиссии и обеспечению сбалансированности бюджета.

В ближайшие месяцы ситуация в Венесуэле скорее всего будет оставаться напряженной. Сохранится тенденция на ужесточение международного давления на Каракас, в том числе с использованием санкционных механизмов. Непростая обстановка складывается на границе с соседней Колумбией, куда от кризиса были вынуждены бежать более 1 млн венесуэльцев [14]. Критической точкой призвано стать 9 января 2019 г., когда у Н. Мадуро истечет действующий президентский мандат, а его переизбрание на прошедших 20 мая 2018 г. выборах оппозицией не признается. Нельзя исключать, что в преддверии этой даты антиправительственные силы при активной поддержке своих зарубежных кураторов развернут новую кампанию по дискредитации венесуэльских властей и продвижению идеи будущей нелегитимности боливарианского руководства.

Заключение

Таким образом, в последние годы в ведущих странах континента наблюдались тенденции существенного сдвига маятника политических пристрастий вправо. В то же время, как об этом, в частности, предупреждал известный ученый-латиноамериканист В.М. Давыдов, хоронить левую идею на континенте рано, ибо она слишком глубоко укоренилась в сознании латиноамериканцев, и ярким тому примером стал резкий поворот справа-налево в такой значимой для ЛАКБ, да и всего мира стране, как Мексика [1].

И, хотя новые президенты Мексики и Бразилии, казалось бы, пришли во власть с различных политических полюсов, есть многое, что их объединяет и помогло им прийти на высший пост руководства своих стран. Так, по мнению мексиканского обозревателя Ф. Мезонаве: «Несмотря на глубокие идеологические расхождения между правым консерватором Ж. Болсонару и “леваком” Л. Обрадором, оба они схожи в том, что победили на волне “антисистемы”, свойственной ныне многим странам» [3]. Иными словами, и в Мексике, и в Бразилии устали как от правого, так и от левого крена, что

привело к радикальной смене власти и поиску альтернативного развития. Немаловажную роль здесь сыграла растущая криминализация общества и непрекращающееся насилие ультралевого и ультраправого толка, а также агрессия со стороны местных наркобаронов. Так об этом весьма образно написал ректор Университета мира при ООН Ф. Рохас Аравена: «Насилие продолжает обретать характер эпидемии, в частности, в Северном треугольнике Центральной Америки¹ и особенно проявляется в Мексике, Венесуэле и Бразилии» [15].

При всей сложности ситуации в Латинской Америке она остается важным партнерским резервом в двустороннем взаимодействии с Россией на мировой арене, что нередко проявляется в конкретных делах. Так, ни одна из стран континента не пошла на поводу у североамериканских правоучителей и не подключилась к антироссийскому санкционному режиму после известных событий февраля 2014 г. на Украине. А последним ярким примером стало голосование в Генеральной Ассамблее ООН по обновленной резолюции о ситуации с правами человека в Крыму и Севастополе, где из 33 стран Латинской Америки лишь 7 небольших государств Центральной Америки и Карибского бассейна поддержали указанный документ. Остальные же проголосовали против или воздержались.

Москва всячески демонстрирует конструктивный и благожелательный настрой на всестороннее развитие многогранных отношений со странами континента, не вмешивается в дела латиноамериканских друзей и уважает их стремление к развитию политического диалога и взаимовыгодного сотрудничества. Даже далекая от симпатий к нам польская «Политика» вынуждена констатировать, что «Южная и Центральная Америка постепенно превращаются в российско-китайскую сферу влияния при изоляционизме США и крайне пассивной политике ЕС» [16]. Что касается ситуации в четырех вышеперечисленных странах, то остается надеяться, что политический разум, стремление к устойчивому мирному развитию, уважение социальных и гражданских свобод и нацеленность на рост экономического благосостояния в них возобладает.

Список литературы

1. Давыдов В.М. Детерминация развития Латино-Карибской Америки. М.: ИЛА РАН, 2016. 72 с.
2. Ивановский З.В. Латинская Америка на перепутье: изменения в расстановке политических сил // Свободная мысль. 2018. № 1. С. 177–192.
3. 'Folha de São Paulo'. 14 dez. 2018.
4. 'Observador'. 07.11.2018.
5. 'La Nación'. 1 de diciembre de 2018.
6. 'El Dia'. 01.12.2018.
7. 'La Jornada'. 5 de Julio de 2018.
8. 'La Jornada'. 5 de diciembre de 2018.
9. 'El Universal'. 10 de diciembre de 2018.

10. 'El Nacional'. 10 de Maio de 2017.
11. 'El Universal'. 1 de Junio de 2018.
12. 'El Espectador'. 06.12.2018.
13. 'El Nacional'. 19.11.2018.
14. 'Le Figaro'. 08.08.2018.
15. 'Poletica Internacional'. № 3. Junio 2017. P. 24.
16. 'Polityka'. 15.12.2018.

¹ Сальвадор, Гватемала, Гондурас.

Орловский Николай Сергеевич,

доктор географических наук, профессор,
Институт изучения пустынь им. Блауштейна Университета Неgev
им. Бен-Гуриона, Израиль.
E-mail: nicolai@bgu.ac.il

Nicolai S. Orlovsky,

Doctor in Geography, Professor,
Blaustein Institute for Desert Research Ben-Gurion University of the Negev, Israel.
E-mail: nicolai@bgu.ac.il

Зонн Игорь Сергеевич,

доктор географических наук, профессор,
Московский Университет им. С.Ю. Витте, Москва.
E-mail: igorzonn@yandex.ru

Igor S. Zonn,

Doctor of Geography,
The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow.
E-mail: igorzonn@yandex.ru

Костяной Андрей Геннадьевич,

доктор физико-математических наук, профессор,
Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва.
mailto:kostianoy@gmail.comkostianoy@gmail.com

Andrey G. Kostianoy,

Doctor in Physical Oceanography, Professor,
P.P. Shirshov Institute of Oceanology, Russian Academy of Sciences, Moscow.
mailto:kostianoy@gmail.comkostianoy@gmail.com

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: sergej-z71@yandex.ru

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: sergej-z71@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

CLIMATE CHANGE AND WATER RESOURCES IN CENTRAL ASIA

Аннотация: в статье представлены результаты исследований изменения климата в странах Центральной Азии и прогнозы изменения климата до 2100 года. Интенсивное потепление климата отмечается во всей Центральной Азии. Тенденция к более теплой зиме и засушливому лету во многих частях региона провоцирует отступление ледников и таяние вечной мерзлоты

в горах Памира и Тянь-Шаня. Изменение климата может повлиять на количество и качество водных ресурсов и их сезонную динамику, сельское хозяйство и здоровье человека; может усугубить уже существующие проблемы, такие как опустынивание и деградация экосистем и природных ресурсов. Для стран бассейна Аральского моря, испытывающих всё нарастающий дефицит водных ресурсов, проблемы, связанные с изменением климата и водных ресурсов, играют ключевую роль в экономическом развитии и обеспечении жизненных потребностей в будущем.

Ключевые слова: Центральная Азия, изменение климата, водные ресурсы, Межправительственная группа экспертов по изменению климата, Рамочная конвенция ООН об изменении климата.

Abstract: the results of climate change studies in Central Asia and climate change forecasts up to 2100 are presented. Intense climate warming is noted throughout Central Asia. The trend towards warmer winters and drier summers in many parts of the region provokes a retreat of glaciers and melting of the permafrost in the Pamir and Tien Shan mountains. Climate change can affect the quantity and quality of water resources and their seasonal dynamics, agriculture and human health; may exacerbate already existing problems, such as desertification and degradation of ecosystems and natural resources. For the countries of the Aral Sea Basin, which are experiencing ever-increasing water resources shortages, the problems associated with climate change and water resources play a key role in economic development and the provision of life needs in the future.

Key words: Central Asia, climate change, water resources, Intergovernmental Panel on Climate Change, UN Framework Convention on Climate Change.

Введение

В последние десятилетия происходят существенные изменения климата, имеющие глобальный характер. Они затрагивают не только атмосферу, но и биосферу, гидросферу, криосферу и оказывают заметное влияние на многие стороны жизнедеятельности человека. Это обусловило повышенное внимание к этой проблеме со стороны мирового сообщества, что побудило Всемирную метеорологическую организацию и ЮНЕП (Программа ООН по окружающей среде) учредить в 1988 г. Межправительственную группу экспертов по изменению климата (МГЭИК), которой было поручено анализировать научную информацию, относящуюся к проблеме изменения климата и его последствий. Результатом ее работы явились пять оценочных докладов (IPCC, 1990, 1995, 2001, 2007, 2014) [19–21; 39]. Представленные выводы свидетельствуют о продолжающемся глобальном потеплении, которое, по мнению авторов доклада, является неоспоримым фактом.

Изменение климата происходит на фоне ряда стремительных общемировых тенденций, включая быстрый демографический рост, увеличение спроса на энергию и продовольствие, развитие новых технологий, уменьшение водных ресурсов, истощение подземных вод, истощение почв, урбанизацию и изменение структуры потребления [11].

На глобальном уровне изменение климата сопровождается не только изменением погодных показателей, но и увеличением числа экстремальных погодных явлений, которые повлияли на миграционные потоки, продовольственную безопасность, здравоохранение и другие секторы. 2017 год был особенно неблагоприятным с точки зрения бедствий с высокими эко-

номическими последствиями. Компания «MunichRe» оценила общие потери от стихийных бедствий, связанных с погодой и климатом в 2017 году на сумму 320 млрд долл. США, что является самым крупным суммарным годовым ущербом [45].

С 1980 г. общий риск связанных с жарой заболеваний или смертности неуклонно растет, причем около 30% населения мира в настоящее время проживает в климатических условиях, при которых 20 дней в году наблюдаются смертельно опасные температуры [45].

Одним из неблагоприятных последствий изменчивости и изменения климата является миграция населения. Большая часть таких перемещений имеет внутренний характер и связывается с внезапным развитием экстремальных погодных явлений. В 2016 г. 23,5 млн человек оказались перемещенными по причине бедствий, связанных с погодой. Как и в предыдущие годы, большая часть этих внутренних перемещений была связана с паводками или штормами [18].

Ожидается, что последствия изменения климата будут наблюдаться во всех регионах планеты, и Центральная Азия не является исключением в этом отношении. Центральная Азия охватывает территорию пяти стран – Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Она расположена в центре Евразийского континента на территории общей площадью 3 882 000 км² с населением около 72 млн человек. Она граничит с Афганистаном и Ираном на юге, с Китаем – на востоке и с Россией – на западе и севере.

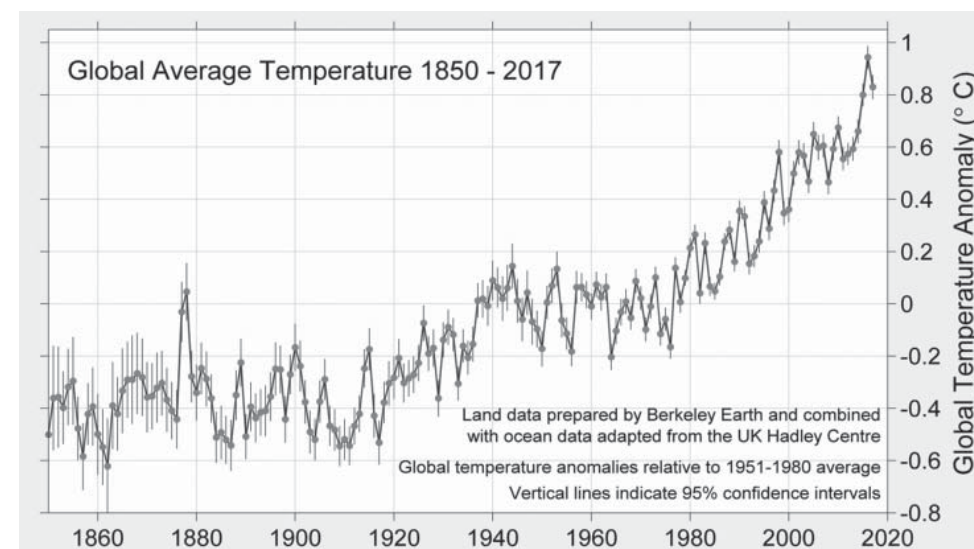
Территория Центральной Азии, за исключением высокогорных районов, имеет недостаточное, а на большей части – крайне недостаточное увлажнение. С этим связана разреженность гидрографической сети. Густота речной сети на пространствах пустынных равнин Центральной Азии составляет порядка 2 м на 1 км², в то время как, например, в северной половине Русской равнины она достигает 300–350 м на 1 км². Только в горных районах, начиная с 700 м, количество осадков заметно увеличивается, соответственно, увеличивается и сток. Здесь густота речной сети в некоторых горных районах превышает 600 м на 1 км².

Интенсивное потепление климата отмечается во всей Центральной Азии [16]. Тенденция к более теплой зиме и засушливому лету во многих частях региона провоцирует отступление ледников и таяние вечной мерзлоты в горах Памира и Тянь-Шаня. Так, повышение средней годовой температуры воздуха за последнее столетие менее чем на 1°C уменьшило горное оледенение Центральной Азии более чем на треть [2]. Возрастает риск сильных осадков, засух, наводнений и селевых потоков. Очевидно, что изменение климата может повлиять на количество и качество водных ресурсов и их сезонную динамику, сельское хозяйство и здоровье человека; может усугубить уже существующие проблемы, такие как опустынивание и деградация экосистем и природных ресурсов. Для стран бассейна Аральского моря, испытывающих всё нарастаю-

щий дефицит водных ресурсов, проблемы, связанные с изменением климата и водных ресурсов, играют ключевую роль в экономическом развитии и обеспечении жизненных потребностей в будущем.

Глобальное потепление

С 1950-х гг. происходит повышение температуры приземного воздуха и океана. Многие наблюдаемые изменения беспрецедентны по интенсивности. Так, в Северном полушарии последние 40 лет, вероятно, были самыми теплыми за 1400 лет. Например, в 950–1250 гг. в отдельных регионах было так же тепло, как и сейчас, но не на всем земном шаре [19]. С 1880 по 2012 г. повышение температуры приземного воздуха на континентах и океанах составило 0,85°C (от 0,65 до 1,06°C). Эту величину принято называть повышением глобальной температуры с доиндустриальной эпохи [19]. При этом в последние 50 лет наблюдается тенденция к более быстрому потеплению (рис. 1). Каждое из пяти последних десятилетий характеризовалось более высокой температурой у поверхности Земли по сравнению с любым предыдущим десятилетием, начиная с 1850 г.

Source: Berkeley Earth. Global Temperature Report for 2017.

Рис. 1. Средние глобальные аномалии температуры за период 1850–2017 гг.

Средняя глобальная температура в 2017 г. была на $0,46 \pm 0,1^\circ\text{C}$ выше среднего значения за 1981–2010 гг. и примерно на $1,1^\circ\text{C}$ выше аналогичного показателя доиндустриальной эпохи (1850–1900 гг.). Это означает, что мы уже более чем на половину достигли максимального предельного уровня повышения температуры, составляющего 2°C , закрепленного в Парижском соглашении. Хотя 2017 год был более прохладным, чем рекордный 2016 год,

тем не менее он вошел в число трех самых теплых лет в истории наблюдений и стал самым теплым годом, не подвергавшимся воздействию явления Эль-Ниньо [45].

Глобальное потепление – это всего лишь один из аспектов глобально-го изменения климата. Помимо потепления происходит также *разбалансировка всех геосистем на планете*, которая проявляется в росте числа и силы всех опасных гидрометеорологических явлений (ОГЯ): наводнений и засух, волн жары и резких заморозков, шквальных ветров, сильных снегопадов и т.п. По оценкам ученых, всего за 15–20 лет количество и сила разрушительных гидрометеорологических явлений удваивается. Всё это приводит ежегодно к тысячам смертей и наносит многомиллиардный ущерб.

Уже сейчас заметны последствия изменения климата. Основные *негативные воздействия изменения климата* с оценкой вероятности их проявления согласно Пятому оценочному докладу МГЭИК [19] следующие:

- наблюдаются изменения гидрологических систем, затрагивающие водные ресурсы в плане их количества и качества (средняя степень достоверности);

- многие наземные, пресноводные и морские виды изменили свои географические ареалы, сезонную активность, характер миграции, численность и взаимодействие с другими видами (высокая степень достоверности);

- негативные воздействия изменения климата на урожайность культур были скорее более распространенным явлением по сравнению с позитивными воздействиями (высокая степень достоверности);

- в настоящее время в целом в мире нагрузка, связанная с ухудшенным здоровьем людей в результате изменения климата, является относительно небольшой по сравнению с эффектами других факторов стресса и не является четко определенной количественно;

- различия в уязвимости и подверженности влиянию изменения климата возникают также вследствие неклиматических факторов и неравенства во многих аспектах, которое часто является результатом неравномерности процессов развития (весьма высокая степень достоверности). Эти различия формируют различные риски, возникающие из-за изменения климата;

- экстремальные климатические явления, такие как волны тепла, засухи, паводки, циклоны и стихийные пожары, свидетельствуют о значительной уязвимости и подверженности некоторых экосистем и множества антропогенных систем текущей изменчивости климата (весьма высокая степень достоверности).

Социальные и экономические последствия изменения климата стали настолько тяжелыми, что в докладе Всемирного экономического форума о глобальных рисках 2018 г. [14] экстремальные погодные явления обо-

значены как наиболее значимый риск, с которым сталкивается человечество.

Причины изменения климата

Климат нашей планеты за миллиарды лет ее существования, включая последние сотни миллионов, десятки миллионов, миллионы лет неоднократно менялся [15]. Наступали эпохи оледенений, которые сменялись субтропическими условиями в средних широтах. Однако эти изменения имели более медленный характер и были вызваны природными факторами, не зависящими от деятельности человека. Основная особенность современных изменений климата – их скорость. В прошлом изменения происходили в течение тысячелетий, а нынешнее антропогенное изменение климата происходит на протяжении одного столетия.

В данный момент не наблюдается мощных извержений вулканов, не меняются резко параметры орбиты Земли, Солнце светит на том же уровне, однако в климатической системе происходят резкие изменения. В Пятом оценочном докладе IPCC (2014) названа главная причина глобального потепления – парниковые газы антропогенного происхождения. Деятельность человека приводит к выбросам в атмосферу четырех долгоживущих парниковых газов (ПГ): углекислого газа CO_2 , метана CH_4 , закиси азота N_2O и галогеносодержащих газов (группа газов, содержащих фтор, хлор или бром). Вклад парниковых газов в глобальное потепление климата оценивается в следующей пропорции: углекислый газ CO_2 – 65%, метан CH_4 – 20%, галогеносодержащие газы – 10%, закись азота N_2O – 5% [10; 20].

Самый последний анализ данных наблюдений, полученных в рамках Программы Глобальной службы атмосферы ВМО [2], показывает, что глобально усредненная молярная доля CO_2 достигла в 2016 г. $403.3 \pm 0,1 \text{ млн}^{-1}$ (ppm), CH_4 – 1853 млрд^{-1} , N_2O – 328.9 млрд^{-1} . Эти значения составляют соответственно 145, 257 и 122% по отношению к доиндустриальному периоду (WMO, 2018). Рост концентрации CO_2 превысил 40%, прежде всего из-за сжигания ископаемого топлива; вторым по важности фактором стало сокращение лесов и деградация земель. В апреле 2018 г. концентрация CO_2 достигла рекордно высокого уровня 410 ppm.

При текущей экономической активности, то есть без соблюдения Парижского соглашения, концентрация CO_2 в атмосфере достаточно быстро достигнет критических 450 млн^{-1} , а в следующем веке – уже от 700 млн^{-1} до 900 млн^{-1} . С одной стороны, примерно столько, сколько 50 млн лет назад, когда на Крайнем Севере водились крокодилы и росли пальмы. Но, с другой стороны, человечество и впрямь окажется на грани тотальной катастрофы.

Изменение климата происходило, происходит и будет происходить независимо от человеческой деятельности. Вопрос сегодня заключается в определении и оценке человеческой роли в ускорении этого процесса. Ученые

продолжают спорить о том, насколько человек причастен ко всем этим изменениям. Определенно можно сказать лишь одно: своей деятельностью человек, действительно, оказывает определенное влияние на климат. Однако при этом важно не столько это, сколько то обстоятельство, что климатические изменения с каждым годом происходят всё более интенсивно.

Текущие изменения климата в Центральной Азии

Регион Центральной Азии особенно подвержен влиянию изменения климата, что усугубит и без того сложную ситуацию, характеризующуюся низким уровнем осадков, засушливостью, резким колебанием погодных условий и неравномерным распределением ресурсов.

В последние десятилетия закономерности изменения климата были оценены в Национальных сообщениях республик по Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК) и отражены в других публикациях, как по республикам отдельно, так и по территории Центральной Азии. Согласно региональным исследованиям изменения температуры в Центральной Азии можно сделать вывод о том, что в целом в регионе произошло потепление климата. Это подтверждается также данными, свидетельствующими об увеличении температуры во всех пяти странах региона. Сопоставление температур поверхности в течение двух периодов – 1942–1972 гг. и 1973–2003 гг. – показывает, что среднегодовая температура увеличилась на 0,5°C [7]. Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) отмечает, что за последнее столетие средняя температура воздуха в Центральной Азии увеличилась на 1–2°C [9].

Как уже отмечалось выше, рост температуры на суше и в Северном полушарии несколько выше, чем на водной поверхности и в Южном полушарии [6; 29]. Поэтому темпы изменения климата на территории Центральной Азии значительно превышают средние темпы, наблюдаемые в глобальном масштабе.

Кратко рассмотрим данные национальных сообщений по РКИК по отдельным государствам Центральной Азии. Общее представление о характере текущих изменений температуры и атмосферных осадков, по данным седьмого Национального сообщения Республики Казахстан в секретариат РКИК ООН [22], сформировано на основе временных рядов за период с 1940 по 2015 г., рассчитанных по сравнению с базовым периодом 1961–1990 гг. и пространственно усредненных по территории Казахстана. Среднегодовой темп прироста температуры в *Казахстане* за этот период составляет 0,28°C каждые 10 лет; температура в *Казахстане* растет быстрее весной и осенью – на 0,30 и 0,31°C/10 лет, зимой – на 0,28°C/10 лет, тогда как самый медленный темп роста температуры регистрируется летом – на 0,19°C/10 лет [17; 22]. В соответствии с линейным трендом аномалий температуры воздуха (против базового периода 1961–1990 гг.) за год все тенденции в серии годовых и сезонных значений температуры приземного

воздуха являются положительными и статистически значимыми, что свидетельствует о неуклонном повышении температуры воздуха в *Казахстане* с 1941 по 2015 год.

Самый быстрый среднегодовой прирост температуры наблюдался в Западно-Казахстанской области (на 0,38°C каждые 10 лет), самый медленный – в Южном *Казахстане*, Алматы, Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Атырауской, Актюбинской, Карагандинской, Акмолинской областях – на 0,22–0,29°C/10 лет. Другие области показали увеличение среднегодовой температуры на 0,30–0,31°C/10 лет.

Метеорологические данные по двум горным странам – Кыргызстану и Таджикистану – также показывают четкую тенденцию потепления. За последние 50–70 лет температура в горных районах этих стран увеличилась в среднем на 0,3°C–1,2°C [17; 23]. Следует отметить, что скорость изменения температуры в *Кыргызстане* имеет нелинейный характер и в последние десятилетия существенно увеличилась. Если за весь период наблюдений скорость роста среднегодовой температуры составляла по Республике 0,0104°C/год, то за период 1960–2010 гг. скорость возросла более чем вдвое и составила 0,0248°C/год, а за период 1990–2010 гг. скорость уже составила 0,0701°C/год. Возрастание среднегодовой температуры наблюдается во всех климатических зонах и регионах Республики. Практически одинаковое возрастание среднегодовой температуры наблюдается также и на всех высотах [3; 23].

За период 1940–2012 гг. прирост температуры для равнинной территории *Таджикистана* [20] составил 0,1–0,2°C за 10-летие. Наибольшее повышение температуры отмечено в г. Дангаре и г. Душанбе, по остальной территории – на 0,5–0,8°C, в г. Худжанде – на 0,3°C (малый прирост обусловлен влиянием орошения и наличием водохранилища). В горных районах прирост годовой температуры составил 0,3–0,5°C, за исключением обособленных районов, где тенденции менее выражены. В высокогорной зоне (выше 2500 м) повышение температуры составило 0,2–0,4°C.

В современный период, 1976–2012 гг., тренд потепления в *Таджикистане* составил: +0,15°C зимой, +0,3°C и выше весной, незначительное потепление и похолодание (нулевой тренд) летом, +0,2°C осенью за 10 лет. По высотным зонам тренд потепления для долин и горных районов в современный период составил 0,2°C за 10 лет, в высокогорных районах тренд неопределенный.

В *Туркменистане* период 1961–2017 гг. оказался теплее базового (1961–1990 гг.) на 0,5°C, при этом тренд за этот период составил около 0,43°C/10 лет. В западной и южной частях территории температура воздуха за период 1961–2017 гг. выше базового в среднем на 0,5°C, в северной и восточной частях – на 0,4°C, в центральной части – на 0,6°C. В зимний период температура на всей территории *Туркменистана* выросла на 0,6°C, весной – на 0,5°C, летом и осенью – на 0,4°C [24; 46].

Ежегодная тенденция показывает увеличение максимальной температуры, в то время как показатель минимальной температуры снижается. В зимний период наблюдались самые высокие показатели повышения температуры, которое составило 2,0°C [40; 41]. Количество атмосферных осадков в Туркменистане за период 1961–2017 гг. по сравнению с базовым периодом (1961–1990 гг.) уменьшилось; закономерность наиболее ярко просматривается в весенний и осенний сезоны. В зимний период наблюдается уменьшение выпадения твердых осадков [29].

Повышение среднегодовых температур воздуха в *Узбекистане* происходит на фоне высокой естественной изменчивости, которая обуславливает значительные межгодовые колебания. Наибольшие темпы потепления отмечаются на севере Республики и в больших городах (0,30–0,43°C за 10 лет), наименьшие – в горной зоне (0,10–0,14°C за 10 лет). Умеренные темпы потепления отмечаются в районах, где в рассматриваемый период времени создавались орошаемые массивы. В среднем по Узбекистану темпы потепления составили 0,27°C за 10 лет [44].

Во все сезоны года отмечается значительное повышение температур воздуха, однако темпы потепления в зимний период на территории Узбекистана замедлились. Средние темпы повышения температур воздуха с 1950 по 2013 г. зимой составили 0,13°C, весной – 0,39°C, летом – 0,25°C, осенью – 0,31°C за 10 лет [44].

Наблюдения за изменением атмосферных осадков на территории Центральной Азии являются более расходящимися, чем данные по температуре, и МГЭИК не зафиксировала какой-либо ясной региональной тенденции осадков [26]. Осадки значительно варьируются в целом по региону, в том числе и в горных зонах. Согласно данным национальных сообщений по РКИК ООН, имеется небольшое увеличение количества осадков в северном Тянь-Шане, Западном Памире и на горных территориях Узбекистана, а в центральных частях Тянь-Шаня и Восточном Памире зафиксировано уменьшение осадков. В отличие от температуры воздуха изменение режима атмосферных осадков на территории Казахстана за исследуемый период представляет собой неоднородную картину. В некоторых районах Казахстана наблюдается небольшое увеличение количества осадков, а в других – уменьшение. При этом увеличение тенденции наблюдается в зимнее время, а уменьшение наблюдается в другие сезоны [11].

Не существует четких тенденций, указывающих на увеличение или уменьшение количества осадков на территории всего Кыргызстана. На северо-западе страны наблюдается тенденция к увеличению осадков, в юго-западном регионе страны показатели годового количества осадков в основном снизились [23].

По данным третьего Национального сообщения Республики Таджикистан по РКИК ООН, с 1940 по 2012 г. годовое количество осадков увеличилось на 5–10% [37]. Однако, как и в Кыргызстане, тенденция изме-

нения количества выпадающих осадков варьируется по всей территории страны.

Сведения об осадках на территории Туркменистана ограничены, но отмечено, что годовое количество осадков незначительно увеличилось, в особенности в весенний период, а в летние месяцы были замечены наименьшие изменения [46]. Однако это увеличение наблюдается в полупустынных равнинах, в то время как снижение количества осадков наблюдалось в южных и восточных районах Туркменистана – там, где расположены горные зоны страны [47].

Наблюдения по изменениям осадков на территории Узбекистана также ограничены, но они указывают, что климат стал более влажным и отмечается больше интенсивных осадков. С 1950 г. число дней с осадками более 10 мм увеличилось в равнинных и предгорных районах. Относительно небольшое увеличение количества дней с осадками более 20 мм наблюдалось в горных районах [1; 44].

Таким образом, по данным национальных сообщений в секретариат РКИК ООН, в большей части региона увеличение температуры было более выраженным в зимний период, чем в летний. Наблюдения по количеству осадков показывают большие различия по сравнению с данными о температуре, которые значительно варьируют по всему региону, в том числе и в горных районах.

Важно отметить, что сравнение и обобщение данных изменения температур и осадков для всего региона Центральной Азии крайне затруднительно в связи с тем, что оценки изменений произведены за разные периоды наблюдений, по различным методикам и разным базовым периодам (иногда это не заметно пользователям или не указывается авторами). Это отмечают и эксперты МГЭИК (2013): данные по наблюдаемым климатическим изменениям и их последствиям в Центральной Азии являются недостаточными, и необходимы дополнительные исследования для получения более точной картины изменения климата в регионе, включая его горные территории.

С учетом различий в охватываемых периодах и подходах к анализу тенденций изменения климата, применявшихся странами Центральной Азии и международными исследователями [43], данные Северо-Евразийского климатического центра (NEACC) базируются на однородном периоде наблюдений и единой методике. Для характеристики интенсивности изменения климата NEACC использует значение величины наклона линейного тренда за период с 1976 г. [29].

По данным NEACC–2018, в среднем по территории Центральной Азии скорость повышения среднегодовой температуры воздуха изменяется в пределах 0,18 (Таджикистан) – 0,35°C (Казахстан, Туркменистан) каждые 10 лет, наибольший рост температур происходит весной (0,33–0,70°C за 10 лет) и осенью – на 0,18 и 0,34°C/10 лет. Зимой линейный тренд изменения температуры воздуха несколько уменьшается: до 0,13 (Казах-

стан) – 0,37°C/10 лет (Туркменистан), – а летом наблюдается (за исключением Туркменистана) наименьшая скорость повышения температуры: 0,03–0,06°C/10 лет для горных республик (Таджикистан и Кыргызстан соответственно) и 0,19°C/10 лет (Казахстан) – 0,26°C/10 лет (Узбекистан) (табл. 1). Абсолютный максимум температуры наблюдался в Казахстане в 2013 г., когда аномалия составила 1,94°C, тем самым превысив рекорд 1983 г. с аномалией в 1,86°C, который 30 лет оставался самым теплым годом на территории Казахстана за всю историю инструментальных наблюдений. Аномалия температуры воздуха в 2016 г. составила +1,66°C по сравнению со средними температурами в период с 1961 по 1990 г. [22].

Таблица 1

Линейный тренд осредненных по территориям государств средних годовых и сезонных температур воздуха (°C) за период 1976–2017 гг.

Страна	Год	Зима	Весна	Лето	Осень
Казахстан	0,35	0,13	0,70	0,19	0,34
Кыргызстан	0,22	0,21	0,43	0,06	0,18
Таджикистан	0,18	0,18	0,33	0,03	0,18
Туркменистан	0,35	0,37	0,51	0,34	0,30
Узбекистан	0,31	0,24	0,58	0,26	0,26

Источник: NEACC, 2018 [29].

По данным сводного годового отчета об изменении климата на территориях государств – участников СНГ за 2018 г., начиная с середины 1970-х гг., глобальные и региональные температуры повысились [47]. В Центральной Азии самое быстрое повышение среднегодовой температуры происходит вблизи Каспийского моря и во внутренних районах. В районе Аральского моря и южных пустынных районах Центральной Азии – на юге Казахстана, Узбекистана и Туркменистана – количество осадков снизилось более чем на 5% за 10 лет. Наиболее интенсивное повышение температуры в регионе наблюдается весной, особенно во внутренних районах Центральной Азии – между Аральским морем и озером Балхаш. Летние температуры значительно повысились в Каспийском регионе, а также по всему Туркменистану и Узбекистану. Летнее потепление в восточных районах Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана незначительное. Тенденция повышения осенних температур наблюдалась по всей Центральной Азии, в частности в районе Каспийского моря и в северных регионах.

В южных частях Центральной Азии, например в Туркменистане и Приаралье, наблюдается уменьшение количества осадков. Некоторое увеличение их количества произошло в горах. Уменьшение количества осадков в зимний период было зарегистрировано в Туркменистане, а также в некоторых районах Северного Казахстана. В противоположность этому ко-

личество осадков в высокогорных районах Центральной Азии увеличивается.

Весной количество осадков сократилось в южных пустынных районах Центральной Азии, увеличившись в то же время в северных степных районах. Количество осадков в летний период снизилось в некоторых областях, но увеличилось в других, особенно в горных районах. На большей территории центральной и северной частей Казахстана наблюдается уменьшение количества осадков в осенний период более чем на 5% за 10 лет. В этом районе более высокие температуры поверхности в сочетании с меньшим количеством осадков привели к увеличению испарения и снижению влажности почвы, повышая риск засухи и уменьшения растительности.

Следует отметить, что значительное потепление, даже в сочетании с незначительным увеличением количества осадков, приводит к расширению зоны засушливости в пустынных и полупустынных районах Центральной Азии. Эти тенденции были подтверждены данными 60% станций мониторинга в Казахстане.

Уже сейчас заметны последствия изменения климата. Список возможных последствий глобального потепления довольно велик. Так, изменение климата ведет к изменениям в частоте, интенсивности, пространственных масштабах, продолжительности и сроках стихийных гидрометеорологических явлений (СГМЯ), и его результатом могут быть беспрецедентные экстремальные явления. В Казахстане в среднем за год отмечается 148 случаев с СГМЯ [5]. Здесь наиболее часто повторяются следующие СГМЯ:

- сильный ветер;
- наводнения (половодья и паводки);
- сильный дождь, сильная метель, сильный снег и сильный туман;
- аномальный холод, аномальная жара;
- засуха и пыльные бури.

Суммарная повторяемость этих явлений составляет 94,3%. За период 2003–2015 гг. по сравнению с периодом 1990–2002 гг. среднее годовое число случаев с сильным дождем (49,3%) возросло почти в 2,5 раза, с сильным снегом (24,9%) также возросло в 2,7 раза. Чаще стали случаи с сильным ветром и градом (увеличение на 20 и 30% соответственно). Напротив, в последние годы уменьшились следующие СГМЯ: сильная метель (в 1,8 раза), сильный туман (в 2,7 раза) и сильная пыльная буря (в 3,4 раза).

Воздействие изменения климата в Центральной Азии наиболее очевидно в горных районах, где за последние 100 лет площадь, покрытая ледниками, уменьшилась примерно на 1/3 [1]. Самые большие площади, покрытые ледниками, находятся в Таджикистане и Кыргызстане, хотя имеются также в Казахстане и Узбекистане. Ледники в этом регионе, площадь которых составляет 27 677 км² (Тянь-Шань – 15 417 км², Памир – 12 260 км²) [7], сохраняют огромное количество водных ресурсов и тают на 0,6–0,8% в годовом исчислении [42].

За последние 50–60 лет ледники Тянь-Шаня и Памира, которые тянутся по всей территории Казахстана, Таджикистана и Кыргызстана, сократились от 6 до 40%. Интенсивность таяния ледников Тянь-Шаня, как правило, выше на малых высотах и во влажных внешних диапазонах и ниже в восточных хребтах Тянь-Шаня [34]. В Северном Тянь-Шане, расположенном в Казахстане, ледники тают с особой скоростью, а годовая амплитуда потери массы льда колеблется от 0,36 до 0,75% [35].

Судя по прогнозам, таяние ледников, исчезновение зон вечной мерзлоты и уменьшение снежного покрова приведут к сокращению водных ресурсов Центральной Азии. Более того, высокие температуры и интенсивные осадки также приведут к возникновению более частых и интенсивных стихийных бедствий, таких как засухи, жара, наводнения, оползни, сели и лавины [12]. Паводки характерны для всей Центральной Азии. За период 1990–2011 гг. на их долю пришлось 48% от всех зарегистрированных стихийных бедствий в регионе. Только в Казахстане произошли 300 случаев наводнения за период между 1994 и 2003 г. В основном паводки происходят из-за аномально сильных и продолжительных дождей наряду с таянием снежного покрова и ледниковой массы в горных зонах, а также из-за прорыва ледниковых озер [12]. За последние 10 лет жертвами стихийных бедствий стали более 2500 человек, и около 5,5 млн человек, или 10% населения Центральной Азии, стали жертвами негативного влияния природы [12].

**Будущие климатические изменения.
Глобальные изменения климата в XXI веке**

Согласно Пятому оценочному докладу Межправительственной группы экспертов по изменению климата [19] в результате прошлых, настоящих и будущих антропогенных эмиссий ПГ климат будет продолжать изменяться, и последствия будут сохраняться в течение многих веков, даже если антропогенные эмиссии ПГ полностью прекратятся. Будущий климат будет определяться неизбежным потеплением, вызванным предыдущими антропогенными выбросами, а также будущими антропогенными выбросами и естественной изменчивостью климата [19].

Достоверная оценка ожидаемых изменений является более трудной задачей в силу значительной неопределенности, возникающей в основном вследствие сильной зависимости от уровня эффективности глобальных действий по сокращению эмиссий, тогда как климатические модели в настоящее время более точно воспроизводят ряд важных климатических явлений. Поэтому оценка ожидаемых изменений обычно представляется в виде набора сценариев антропогенных воздействий.

Сценарий – это последовательное, внутренне-закономерное и вероятное описание возможного будущего состояния мира. Это не прогноз; скорее, каждый сценарий – это один альтернативный образ того, как может обернуться будущее. Климатический сценарий не должен рассматриваться

как прогноз будущего климата. Он предоставляет собой скорее средство понимания потенциальных воздействий изменения климата и определения потенциальных рисков и возможностей, созданных неопределенным будущим климатом.

Прогнозы (сценарии) будущих уровней выбросов парниковых газов основаны на предположениях относительно ожидаемого уровня социально-экономического развития, а также масштабов мер, принимаемых для снижения уровня выбросов.

Ожидаемые изменения климата определены в сценариях, представленных в Пятом оценочном докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата [21]. Так называемые сценарии RCP (Representative Concentration Pathways, Репрезентативные траектории концентраций – РТК) основаны на выбросах и концентрациях полного набора парниковых газов, аэрозолей и химически активных газов, а также на влиянии землепользования и изменения в растительном покрове. Слово «репрезентативный» (представительный) означает, что каждый RCP обеспечивает только один из многих возможных сценариев действий мирового сообщества, которые могли бы привести к конкретным изменениям характеристик радиационного воздействия. Термин «траектории» подчеркивает, что учитываются не только уровни концентрации в конкретное время, но и траектории их изменения во времени.

Четыре основных сценария используются в качестве основы для оценки ожидаемых изменений климата:

- RCP8.5 – самый неблагоприятный сценарий, для которого радиационное воздействие достигает >8,5 Вт м⁻² к 2100 г. и продолжает расти в течение некоторого промежутка времени даже после 2250 г.;
- RCP6.0 и RCP4.5 – два промежуточных сценария, в которых радиационное воздействие стабилизируется на уровнях приблизительно 6 Вт м⁻² и 4,5 Вт м⁻² после 2100 г.;
- RCP2.6 – единственный сценарий, для которого радиационное воздействие достигает пика в примерно 3 Вт м⁻² до 2100 г., а затем снижается.

Каждый сценарий характеризуется разными уровнями выбросов парниковых газов (табл. 2).

Таблица 2

Глобальные выбросы CO₂ для разных сценариев

Сценарий	Выбросы CO ₂ за 2012 – 2100 гг., Гт	
	среднее	диапазон
RCP2.6	990	510–1505
RCP4.5	2860	2180–3690
RCP6.0	3885	3080–4585
RCP8.5	6180	5185–7005

Источник: Межправительственная группа экспертов по изменению климата, 1-я рабочая группа, 2013 [6].

РТК охватывают более широкий диапазон, чем сценарии из Специального доклада о сценариях выбросов (СДСВ), использованные ИРСС в предыдущих оценках. Основное отличие сценариев РТК от ранее используемых заключается в различных определяющих признаках [27].

С точки зрения пользователей, легче выбирать из четырех новых сценариев, чем из 40 прежних, тем более с очень нечетким множеством социально-экономических предпосылок. Однако фактически в новые сценарии уже в неявном виде включены элементы вариантов развития (или, точнее, результаты развития).

С точки зрения общего воздействия РТК8.5 в целом сопоставима со сценарием A2/A1FI СДСВ, РТК6.0 – с B2, а РТК4.5 – с B1. Для РТК2.6 какой-либо эквивалентный сценарий в СДСВ отсутствует. В результате разность между абсолютными значениями климатических перспективных оценок, приведенными в Четвертом оценочном докладе [39] и Пятом оценочном докладе [21], по большей части вызвана включением в оценку более широкого диапазона выбросов.

В кратком виде результаты расчетов, выполненные в рамках 5-й фазы Проекта сравнения совместных моделей (CMIP5 – Coupled Model Intercomparison Project Phase 5) Всемирной программы исследований климата, приведены в таблице 3.

Таблица 3

Изменение средней глобальной приземной температуры по ансамблю моделей CMIP5, в °C относительно периода 1986–2005 гг.

Сценарий	2046–2065 гг.		2081–2100 гг.	
	среднее	вероятный диапазон	среднее	вероятный диапазон
RCP2.6	1,0	0,4–1,6	1,0	0,3–1,7
RCP4.5	1,4	0,9–2,0	1,8	1,1–2,6
RCP6.0	1,3	0,8–1,8	2,2	1,4–3,1
RCP8.5	2,0	1,4–2,6	3,7	2,6–4,8

Источник: Изменение климата, 2013 г. Физическая научная основа. МГЭИК [6].

Приведенные в таблице 3 показатели являются глобальными. Фактически ожидается значительная дифференциация ожидаемых климатических показателей для разных регионов. Согласно перспективным оценкам, приземная температура воздуха возрастет в течение XXI века при всех рассмотренных сценариях выбросов.

Изменение средней глобальной приземной температуры за период 2016–2035 гг. по сравнению с 1986–2005 гг. одинаково для четырех РТК и будет, вероятно, находиться в диапазоне 0,3–0,7°C (средняя степень достоверности). Согласно перспективным оценкам, изменение глобальной приземной температуры в конце XXI века (2081–2100 гг.) по сравнению

с периодом 1850–1900 гг. превысит, вероятно, 1,5°C по сценариям РТК4.5, РТК6.0 и РТК8.5 (высокая степень достоверности). Потепление превысит, вероятно, 2°C по сценариям РТК6.0 и РТК8.5 (высокая степень достоверности); скорее вероятно, чем нет, что оно превысит 2°C по сценарию РТК4.5 (средняя степень достоверности); но маловероятно, что оно превысит 2°C по сценарию РТК2.6 (средняя степень достоверности) [21].

Последние сценарии изменения климата в Центральной Азии [6; 25] указывают на повышение температуры к 2050-м годам на 1–3°C. Но если выбросы парниковых газов не будут снижены в ближайшее время, к концу столетия температура может превысить сегодняшнюю на 4–6°C.

Наибольшее повышение температуры и увеличение количества осадков ожидается в зимний период в северных районах Центральной Азии, а также в горах Таджикистана и Афганистана [25]. Летом и осенью климат, вероятнее всего, станет более засушливым на большей территории Центральной Азии, в то время как наибольшее повышение летних температур ожидается в южных районах [25]. Согласно данным (Nogues-Bravo et al., 2007), к 2055 г. температура воздуха на значительной территории горной зоны Центральной Азии повысится в худшем случае на 4–5°C, а согласно самому оптимистичному сценарию – на 3–4°C.

В горных и предгорных районах Узбекистана ожидается увеличение количества осадков в зимний период и сокращение летом, хотя годовой их объем вряд ли изменится. Усиливается уверенность в прогнозах о том, что изменение климата приведет к сокращению количества осадков по всему Средиземноморскому региону вплоть до Ирана, включая южные районы Центральной Азии [6]. Однако исключением могут стать горы Тянь-Шаня и Памира, в отношении которых глобальные климатические модели отражают общее сокращение количества осадков над этими горами, в то время как климатические модели региона показывают тенденцию повышения влажности. В отличие от сведений МГЭИК данные, представленные в работе Singh et al. (2011) [33], указывают на то, что весь центральноазиатский регион будет испытывать снижение количества осадков на 3%.

Изменения климата в Центральной Азии в XXI веке

Оценочные доклады республик Центральной Азии Рамочной Конвенции ООН, выполненные в течение 2014–2017 гг., показывают большое разнообразие оценок изменений климата в Центральной Азии в XXI веке. По некоторым географическим зонам имеется консенсус, тогда как по другим сценарии разнятся и остаются неопределенными.

Для Центральной Азии ожидаемые изменения климата будут проявляться более резко (как уже наблюдаются), так как потепление в северном полушарии происходило и будет происходить более быстрыми темпами, чем в среднем на планете.

В целом в Казахстане климат станет более теплым и влажным [22]. Результаты расчетов будущего климата (изменение температуры воздуха и количества осадков) в периоды 2016–2035, 2046–2065 и 2081–2099 гг. проведены по двум сценариям антропогенного воздействия на глобальную климатическую систему: RCP4.5 и RCP8.5. По обоим сценариям средняя годовая температура воздуха по всей территории Казахстана будет продолжать расти до конца рассматриваемого века. Причем в северной половине Казахстана рост среднегодовой температуры воздуха будет интенсивнее, чем в южной половине. Так, в конце XXI века в северных зерносеющих районах Казахстана рост температуры по более «мягкому» сценарию (RCP4.5) может составить 2,8–3,2°C, а по «жесткому» сценарию (RCP8.5) рост среднегодовой температуры воздуха может составить 4,7–5,4°C по отношению к периоду 1986–2005 гг.

Ожидаемое изменение количества осадков в Казахстане в XXI веке неоднозначно, т.е. как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. Причем эти изменения в большинстве случаев не превышают 10–15% от нормы. Учитывая незначительность осадков на большей части Казахстана, изменчивостью осадков в будущем можно пренебречь, в связи с чем в расчетах можно применить их существующие климатические нормы.

По Кыргызстану [23] прогнозируется потепление климата, но сценарии по осадкам пока остаются неопределенными. Модели изменения климата для Кыргызстана указывают на продолжение текущей тенденции потепления с наиболее выраженными изменениями в течение летних месяцев и меньшими изменениями в зимний период. Согласно двум сценариям, сравнивающим увеличение температуры при низкой и высокой концентрации углекислого газа, температуры увеличатся от 2,0°C и 2,7°C к 2040 г. и от 4,6°C до 6,2°C к 2100 г. по сравнению с базовым периодом (1961–1990 гг.). К 2100 г. ожидается, что летняя температура увеличится на величину от 5,3°C до 7,0°C.

Из-за низкого разрешения имеющихся глобальных моделей циркуляции недостаточно учитывается разнообразная топография Кыргызстана, что создает трудности в проецировании изменения осадков в стране. Однако предполагается, что на всей территории страны произойдет небольшое увеличение – от 1,3 до 3,1% – по сравнению с базовым периодом, за исключением самой южной части, где количество осадков может уменьшиться – от 2,0 до 3,1%. В целом ожидается, что в зимний период климат будет более влажным, а летом более сухим [4].

Данные по анализу будущих изменений климата в Таджикистане [37] ограничены, но текущая тенденция потепления продолжится. Температура в горах Памира и Гиндукуша может возрасти более быстрыми темпами, чем в равнинных и засушливых районах. Согласно климатической модели при сравнении с периодом 1961–1990 гг. к концу века в южной области Таджикистана, а также в горах Центрального Таджикистана и в западной части Памира, вероятно, будет отмечено наиболее резкое повышение температу-

ры – около 5°C по сравнению с базовым периодом 1961–1990 гг. Сведения о влиянии горных районов Таджикистана на климат трудно включить в общую климатическую модель. Следовательно, среди прогнозов, которые показывают разные тенденции для будущих осадков, не существует консенсуса. Однако ожидается продолжение нерегулярного выпадения осадков и увеличения их интенсивности. Помимо этого летние и зимние периоды будут более влажными, а весенние и осенние – более сухими [2].

По всей территории Туркменистана [41] ожидается потепление и уменьшение количества осадков. Обе климатические модели, учитывающие низкие и высокие уровни выбросов углекислого газа, прогнозируют повышение температуры к 2040 г. примерно на 2°C. К 2100 г. ожидается, что температура будет продолжать расти в пределах от 2–3°C до 6°C. К 2020 г. количество осадков несколько возрастет, но затем сократится, а к 2100 г. количество осадков может снизиться на 8–17%.

Данные для Узбекистана [44] показывают, что среднегодовая температура в стране будет продолжать расти. Согласно самому «мягкому» сценарию к 2030 г. температура увеличится на 1,0–1,4°C. «Умеренный» сценарий приведет к повышению глобальной температуры на 3°C к 2100 г., а согласно «экстремальному» сценарию к 2100 г. повышение температур достигнет 4,9°C. Тем не менее эти данные изменяются в зависимости от сезона и места. В предгорной зоне температура в летний период может увеличиться на 4–5°C. Сценарии выпадения осадков являются более неопределенными, чем сценарии тенденций изменения температуры. В то время как сценарий «высокого воздействия» прогнозирует снижение количества осадков, сценарий «низкого воздействия» прогнозирует их увеличение. Сценарий же «среднего» воздействия прогнозирует увеличение осадков от 40 до 50 мм для пустынных, степных и предгорных зон и их уменьшение на 10 мм для горной зоны [36]. Выводы, представленные в национальных сообщениях Республики Узбекистан по РКИК ООН, показывают уменьшение осадков в течение летних месяцев и их небольшое увеличение в зимний период. Прогнозируется также увеличение их интенсивности и количества дней с проливными дождями [44].

Приведенные выше результаты оценочных докладов республик Центральной Азии по оценке изменения климата в будущем несравнимы. Во многом прогностические оценки разнятся ввиду различной разрешающей способности применяемых климатических моделей, учета местных условий, диапазона сценариев выбросов парниковых газов, от которых зависит будущее климатической системы всей планеты.

По нашему мнению, сравнимые результаты по оценке изменений климата в XXI веке приведены в работе SEAKS [32], которые выполнены по единой методике. Ниже приводятся результаты расчетов будущих региональных изменений климата с помощью ансамбля глобальных моделей общей циркуляции атмосферы и океана нового поколения (CMIP3 – Coupled Model

Intercomparison Project – Проект сравнения объединенных моделей (общей циркуляции атмосферы и океана)) [26; 31].

Будущие изменения климата рассматриваются для трех сценариев SRES («Special Report on Emission Scenarios» – Emissions Scenarios. IPCC, 2000): A2, A1B и B1 (Nakicenovic et al., 2000) и для трех временных периодов: для начала (2011–2030 гг.), середины (2041–2060 гг.) и конца (2080–2099 гг.) XXI века по отношению к базовому климатическому периоду 1990–1999 гг. Приводимые ниже оценки будущих изменений климата регионов Центральной Азии следует рассматривать как предварительные, подлежащие дальнейшему уточнению.

Все без исключения модели CMIP3 дают потепление климата стран Центральной Азии в XXI веке для всех трех рассматриваемых сценариев. Уже в начале XXI века потепление климата превышает стандартное отклонение, характеризующее межмодельный разброс оценок. Изменения температуры значительно превышают стандартные отклонения на всей рассматриваемой территории, даже в холодное время года, когда собственная, не связанная с антропогенным воздействием изменчивость температуры особенно велика.

Глобальное изменение климата повлечет за собой серьезные последствия для всех стран Центральной Азии. Эти страны, расположенные в аридных зонах, можно отнести к странам, наиболее подверженным изменениям климата. Несмотря на особенности территориально-климатической специфики и экономического развития каждой из пяти стран, им присущи общие экологические и социально-экономические проблемы, связанные с изменением климата, в числе которых:

- увеличение дефицита существующих водных ресурсов и ухудшение их качества, включая ускоренное таяние ледников и сокращение снежного покрова, изменение гидрографического режима поверхностных вод, уменьшение доступа населения к качественной питьевой воде, ускорение процесса опустынивания, деградации и засоления земель, потеря биоразнообразия, увеличение обезлесивания, а также негативные последствия для таких основных секторов национальной экономики, как сельское хозяйство и энергетика;

- создаваемая угроза для орошаемого земледелия, прогнозируемое снижение урожайности используемых видов сельскохозяйственных культур, снижение продуктивности пастбищ, сокращение кормовой базы и, соответственно, животноводства, изменение структуры занятости сельского населения, угроза продовольственной безопасности стран;

- возникновение источника напряженности между соседними государствами в вопросах координации и регулирования ирригационного и энергетического режима водных ресурсов региона, негативное влияние на гидроэнергетику, что может создать угрозу для энергетической безопасности стран;

- увеличение риска опасных и экстремальных гидрометеорологических явлений, таких как град, засуха, экстремально высокие или низкие температуры и т.д., что вызовет учащение чрезвычайных ситуаций, включая ливневые осадки, селевые паводки, оползни, сход снежных лавин, наводнения и засухи;

- увеличение опасности для существующих экосистем и угроза биоразнообразию, включая смещение климатических зон и изменение мест обитания флоры и фауны, изменение в землепользовании и земном покрове;

- увеличение рисков для здоровья населения, включая тепловые стрессы, увеличение риска распространения инфекционно-паразитарных болезней, что может привести к увеличению смертности населения.

Благодарности: А.Г. Костяной выполнял работу в рамках темы Госбюджета № 0149-2019-0004.

Список литературы

1. Второе национальное сообщение Республики Узбекистан по Рамочной Конвенции ООН об изменении климата / Узгидромет, 2008. – Режим доступа: http://unfccc.int/national_reports/non-annex_i_natcom/items/1_0124.php (дата обращения: 04.10.2018).
2. Жолдошева Э. и др. Адаптация к изменению климата в горных районах Центральной Азии // Серия обзоров по адаптации в горных районах. ООН – окружающая среда, ГРИД-Арендал, РГЦЦА. Найроби, Вена, Арендал, Бишкек, 2017. – Режим доступа: www.unep.org, www.grida.no (дата обращения: 04.10.2018).
3. Ильясов Ш.А. Изменение климата: мир, Центральная Азия и Кыргызстан в фактах и цифрах. Бишкек. 2016. – 40 с.
4. Ильясов Ш. и др. Климатический профиль Кыргызской Республики. Программа развития Организации Объединенных Наций. Бишкек, 2013. – Режим доступа: http://www.kg.undp.org/content/dam/kyrgyzstan/Publications/envenergy/kgz_Kyrgyzstan%20 (дата обращения: 04.10.2018).
5. Кожаметов П.Ж., Никифорова Л.Н. Погодные стихии в Казахстане в условиях глобального изменения климата. Астана, 2016. – 36 с.
6. МГЭИК. Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Stocker, T.F., D. Qin, G.-K. Plattner, M. Tignor, S.K. Allen, J. Boschung, A. Nauels, Y. Xia, V. Bex and P.M. Midgley (eds.)]. Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom and New York, N.Y., USA, 2013. 1535 p. – Access mode: <http://www.climatechange2013.org/report/full-report/> (date of treatment: 06.11.2018).
7. Aizen V. and Co-authors. Climate and Snow Glacier Water Resources Changes in Central Asia in the last 50 years based on remote sensed and in-situ data. NASA poster. 2009. – Access mode: http://lcluc.umd.edu/sites/default/files/lcluc_documents/aizen_lcluc_apr2009_poster_0.pdf (date of treatment: 06.11.2018).
8. Berkeley Earth, 2018. Global Temperature Report for 2018. – Access mode: <http://berkeleyearth.org/global-temperature-2017> <http://berkeleyearth.org/global-temperature-2017> (date of treatment: 04.10.2018).
9. Cruz R.V. and Co-authors. Asia. Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / M.L. Parry, O.F. Canziani, J.P. Palutikof, P.J. van der Linden and C.E. Hanson, Eds. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2007. P. 469–506. – Access mode: https://www.ipcc.ch/pdf/assessment-report/ar4/wg2/ar4_wg2_full_report.pdf. (date of treatment: 04.10.2018).

10. EEA. Annual Report 1998. Copenhagen, 1998. 80 p. – Access mode: https://www.eea.europa.eu/publications/corporate_document_1998_1 (date of treatment: 06.11.2018).
11. EEA. Annual report 2010 and Environmental Statement 2011. Copenhagen, 2017. – 100 p.
12. ESCAP. Compendium on Water-related Hazards and Extreme Weather Events in Central Asia and Neighbouring Countries. United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. 2012. – Access mode: <http://www.unescap.org/sites/default/files/Compendium%20report.pdf>. (date of treatment: 06.11.2018).
13. *Genina M.* and Co-authors. Gap Analysis on Adaptation to Climate Change in Central Asia. Priorities, recommendation, practices. Almaty, 2011. – 155 p.
14. Global Risks Report, 2018. – Access mode: <http://reports.weforum.org/global-risks-2018/global-risks-2018-fractures-fears-and-failures> (date of treatment: 23.12.2018).
15. *Gornitz V.* (Ed.) Encyclopedia of Paleoclimatology and Ancient Environments. Dordrecht: Springer, 2009. – 1049 p.
16. *Hijioka Y.* and Co-authors. 2014: Asia // Climate Change 2014: Impacts, Adaptation, and Vulnerability. Part B: Regional Aspects. Contribution of Working Group II to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom and New York, N.Y., USA. – P. 1327–1370.
17. *Ibatullin S., Yasinsky V., Mironenkov A.* The Impact of Climate Change on Water Resources in Central Asia. EDB, Almaty, 2009. – 44 p.
18. IDMC (Internal Displacement Monitoring Centre): Global Report on Internal Displacement. 2017. – Access mode: <http://www.internal-displacement.org/global-report/grid2017/pdfs/2017-GRID.pdf>. (date of treatment: 06.11.2018).
19. IPCC. Изменение климата. Воздействия, адаптация и уязвимость. Вклад Рабочей группы II в Пятый оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата. 2015. – Режим доступа: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/> (дата обращения: 06.11.2018).
20. IPCC. Climate Change 1995. The Science of Climate Change Contribution of Working Group 1 to the Second Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge: University Press, 1996.
21. IPCC. Summary for Policymakers // Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [T.F. Stocker, D. Qin, G.-K. Plattner, M. Tignor, S.K. Allen, J. Boschung, A. Nauels, Y. Xia, V. Bex and P.M. Midgley (eds.)]. Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom and New York, N.Y., USA, 2013.
22. Kazakhstan. Kazakhstan's Seventh National Communication to the United Nations Framework Convention on Climate Change (KAZ TSNC). Ministry of Environment and Water Resources. 2017. – Access mode: [http://unfccc.int/files/national_reports/annex_i_natcom/submitted_natcom/application/pdf/nc_kazakhstan_eng\[1\].pdf](http://unfccc.int/files/national_reports/annex_i_natcom/submitted_natcom/application/pdf/nc_kazakhstan_eng[1].pdf) (date of treatment: 06.11.2018).
23. Kyrgyzstan. Kyrgyzstan's Third National Communication to the United Nations Framework Convention on Climate Change (KYR SNC) / State Agency for Environmental Protection and Forestry under the Government of the Kyrgyz Republic. 2016. – Access mode: <http://unfccc.int/re-source/docs/natc/kyrnc2e.pdf>. (date of treatment: 06.11.2018).
24. *Liubimtseva E., Kariyeva J., and Henebry G.M.* Climate Change in Turkmenistan // I.S. Zonn and A.G. Kostianoy (eds.). The Turkmen Lake Altyn Asyr and Water Resources in Turkmenistan, 28. Springer-Verlag, Berlin Heidelberg, 2014. – P. 39–58.
25. *Mannig B.* and Co-authors. 2013. Dynamical Downscaling of Climate Change in Central Asia. J. Global and Planetary Change (110 A). 2013. P. 26–39. – Access mode: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/09218181/110/part/PA> (date of treatment: 06.11.2018).
26. *Meehl G.A.* and Co-authors. Global Climate Projections // Climate Change 2007: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [Solomon, S., D. Qin, M. Manning, Z. Chen, M. Marquis, K.B. Averyt, M. Tignor and H.L. Miller (eds.)]. Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom and New York, N.Y., USA, 2007. – Access mode: https://www.ipcc.ch/publications_and_data/publications_ipcc_fourth_assessment_report_wg1_report_the_physical_science_basis.htm. (date of treatment: 06.11.2018).
27. *Naki enovi N.* and Co-authors. IPCC Special Report on Emission Scenarios. Cambridge University Press, United Kingdom and New York, N.Y., USA, 2000.
28. NEACC. Institute of the global climate and ecology under the Russian Federal Service on Hydrometeorology and Environmental Monitoring and Russian Academy of Sciences. WMO's North Eurasia Climate Centre (NEACC). 2015. Annual Summary Report on Climate Features and Change in 2014 for the Territory of the Commonwealth of Independent States. – Access mode: <http://seakc.meteoinfo.ru/climate-monitoring> (date of treatment: 23.12.2018). Uzbekistan. Uzbekistan's Third National Communication under the United Nations Framework Convention on Climate Change (UZB SNC) / Centre of Hydrometeorological Service under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. 2016. – Access mode: <http://unfccc.int/resource/docs/natc/uzbnc2e.zip> (date of treatment: 06.11.2018).
29. NEACC. Institute of the global climate and ecology under the Russian Federal Service on Hydrometeorology and Environmental Monitoring and Russian Academy of Sciences. WMO's North Eurasia Climate Centre (NEACC). 2018 // Annual Summary Report on Climate Features and Change in 2017 for the Territory of the Commonwealth of Independent States. 2018. – Access mode: <http://seakc.meteoinfo.ru/climate-monitoring> (date of treatment: 06.11.2018).
30. *Nogues-Bravo D., Araujo M.B., Errea M.P., Martinez-Rica J.P.* Exposure of Global Mountain Systems to Climate Warming During the 21st Century. Global Environmental Change. 2007. No. 17. P. 420–428. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/306095539_Future_ecosystem_services_from_European_mountain_forests_under_climate_change (date of treatment: 06.11.2018).
31. *Randall D.A.* and Co-authors. Climate Models and Their Evaluation // Climate Change 2007: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge University Press, N.Y., USA, 2007.
32. SEAKS: The Climate Change of the CIS Countries in the 21st Century. – Access mode: <http://www.Seaks.meteoinfo.ru/images/stories/change-climat21/ru-vers/tab-1-climat21.gif>. (date of treatment: 06.11.2018).
33. *Singh N.P.* and Co-authors. Climate Change Impact in Agriculture: Vulnerability and Adaptation Concerns of Semiarid Tropics in Asia // Yadav S.S., Reden R.J., Hatfield J. (Eds.). Crop Adaptation to Climate Change. John Wiley&Sons, 2011. P. 107–130. – Access mode: <http://onlinelibrary.wiley.com/book/10.1002/9780470960929> (date of treatment: 06.11.2018).
34. *Sorg A.* and Co-authors. Climate change impacts on glaciers and runoff in Tien Shan (Central Asia) // Nature Climate Change. 2012. Vol. 2. P. 725–731. – Access mode: <https://www.researchgate.net/publication/257847385>.
35. *Sorg A., Huss M., Rohrer M., and Stoffe M.* The Days of Plenty Might Soon Be Over in Glaciated Central Asian Catchments. Environmental Research Letters. 2014. – Access mode: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/1748-9326/9/10/104018> (date of treatment: 06.11.2018).
36. *Sutton W.R.* and Co-authors. Reducing the Vulnerability of Uzbekistan's Agricultural Systems to Climate Change. Impact Assessment and Adaptation Options. A World Bank Study. The World Bank, Washington, D.C., 2013. – Access mode: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16200> (date of treatment: 06.11.2018).
37. Tajikistan. Tajikistan's Third National Communication to the United Nations Framework Convention on Climate Change (TJK SNC) / Agency on Hydrometeorology, the Committee for Environmental Protection under the Government of the Republic of Tajikistan. 2014. – Access mode: <http://unfccc.int/resource/docs/natc/tainc2.pdf> (date of treatment: 06.11.2018).
38. The greenhouse effect and climate change, 2003. Bureau of Meteorology of Australia. – 23 p.
39. *Trenberth K.E.* and Co-authors. Observations: Surface and Atmospheric Climate Change // Climate Change 2007: The Physical Science Basis. Contribution of Working

- Group I to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change [S. Solomon, D. Qin, M. Manning, Z. Chen, M. Marquis, K.B. Averyt, M. Tignor and H.L. Miller (eds.)] / IPCC, 2007. Cambridge University Press, Cambridge, United Kingdom and New York, N.Y., USA, 2007.
40. Turkmenistan. Turkmenistan's National Climate Change Strategy. Government of Turkmenistan. Ashgabat, 2012.
  41. Turkmenistan. Turkmenistan's Third National Communication to the United Nations Framework Convention on Climate Change (TKM SNC) / Ministry of Nature Protection of Turkmenistan. 2015. – Access mode: <http://unfccc.int/resource/docs/natc/tkmnc2.pdf> (date of treatment: 06.11.2018).
  42. UNDP. The Glaciers of Central Asia: Disappearing Resource. United Nations Development Programme. 2011. – Access mode: <https://www.scribd.com/document/153349210/The-glaciers-of-Central-Asia-A-disappearing-resource> (date of treatment: 06.11.2018).
  43. Unger-Shayesteh K. and Co-authors. What do we know about past changes in the water cycle of Central Asian headwaters? A review. J. Global and Planetary Change (110 A). 2013. – P. 4–25. – Access mode: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/09218181/110/part/PA> (date of treatment: 06.11.2018).
  44. Uzbekistan. Uzbekistan's Third National Communication under the United Nations Framework Convention on Climate Change (UZB SNC) / Centre of Hydrometeorological Service under the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan. 2016. – Access mode: <http://unfccc.int/resource/docs/natc/uzbnc2e.zip> (date of treatment: 06.11.2018).
  45. WMO. WMO Statement on the State of the Global Climate in 2017. 2018. No. 1212. – 40 p.
  46. World Bank, 2015. Climate portal – Turkmenistan Dashboard. – Access mode: http://sdwebx.worldbank.org/climateportalb/home.cfm?page=country_profile&CCCode=TKM&ThisTab=ClimateBaseline (date of treatment: 04.10.2018).
  47. Zoi. Climate change and security in Central Asia. Regional assessment. Bishkek, 2016. – 60 p.
  48. Zoi. Climate Change in Central Asia. – A Visual Synthesis. Zoi Environment Network, Geneva, 2009. – Access mode: <http://www.preventionweb.net/publications/view/12033> (date of treatment: 04.10.2018).

Макилова Айдана Макиловна,

аспирант,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: Aidanka2382@mail.ru

Aidana M. Makilova,

postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: Aidanka2382@mail.ru

ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

WATER AND ENERGY SECURITY OF CENTRAL ASIA

Аннотация: нехватка водных ресурсов трансграничных рек, прежде всего для орошения сельского хозяйства, и угроза продолжения таяния ледников Тянь-Шаня и Памира обострили конфликт ирригационных и гидроэнергетических интересов стран низовья и верховья, расположенных на трансграничных реках. Это привело к обострению межгосударственных отношений стран Центральной Азии. Причиной обозначенных процессов является отсутствие механизмов совместного использования водно-энергетической инфраструктуры и системы компенсации затрат на содержание гидротехнических объектов, построенных на трансграничных реках стран Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Сырдарья, Амударья, водные ресурсы, трансграничные реки, водно-энергетический сектор, топливно-энергетические ресурсы.

Abstract: the shortage of water resources of the cross-border rivers, first of all for irrigation of agriculture and threat of continuation of thawing of glaciers of Tien Shan and Pamir have aggravated the conflict of irrigational and hydropower interests of the countries of the lower reach and the upper course located on the cross-border rivers. It has led to aggravation of the interstate relations of the countries of Central Asia. The lack of mechanisms of sharing of hydro-electric infrastructure and the system of compensation of charges of the hydrotechnical objects constructed on the cross-border rivers of the countries of Central Asia is the reason of the designated processes.

Key words: Central Asia, Syr Darya, Amudarya, water resources, cross-border rivers, water and energy sector, fuel and energy resources.

Введение

Центрально-азиатский регион занимает особое географическое положение. Республика Казахстан, Республика Узбекистан и Туркменистан располагаются на равнинной части в большей степени в аридной, пустынной территории региона и находятся в низовьях трансграничных рек региона. Кыргызская Республика и Республика Таджикистан являются странами верховья и располагаются в горной местности, где формируются стоки двух крупнейших трансграничных рек Центрально-азиатского региона – Сырдарья и Амударья.

Водные ресурсы Сырдарьи и Амударьи имеют ключевое значение для Аральского моря и всех государств Центральной Азии. В последние десятилетия водные ресурсы региона практически полностью разобраны на орошение сельскохозяйственных культур стран низовья. Нехватка водных ресурсов трансграничных рек региона негативно влияла на водный баланс Аральского моря, уровень водной поверхности которого упал на 27 м, а вода отступила на 70–110 км от берегов. Море распалось не мелкие плесы, и тысячи квадратных метров бывшего дна подверглись опустыниванию [3].

На исчезновение водных ресурсов негативное влияние оказывают изменение климата и повышение температуры. Следствием этого уже стало сокращение количества и объемов ледников Тянь-Шаня и Памира, которые являются главными источниками пополнения речных бассейнов Центральной Азии. На территории Тянь-Шаня насчитывается более 8 тыс. ледников, а площадь оледенения составляет 8169,4 км². В горных ледниках сосредоточено 650 млрд м³ пресной воды. За период с 1960 по 2005 г. на Памиро-Алае исчезло более 1000 ледников, а в Заилийском Алатау – около 100 [12]. По оценкам экспертов, в одной только Кыргызской Республике ожидается уменьшение количества ледников по сравнению с показателями XX века – с 8200 до 142 [1].

Помимо изменения климата на скорость таяния ледников влияют пыль и соль, которые разносятся ветрами с высыхающего дна Аральского моря. Ежегодно тонны пыли и соли оседают на ледниках Памира и Тянь-Шаня, тем самым оказывая влияние на скорость и площадь таяния.

Данная проблема имеет экономическое измерение. Эксперты Всемирного банка прогнозируют, что изменение площади ледников, расположенных в горах Центральной Азии, на более чем 10% в ближайшие 20 лет приведет к падению ВВП в странах региона.

Сотрудничество стран Центральной Азии в водно-энергетической сфере

Страны Центральной Азии обладают 180 км³ водных ресурсов, и 90% водных ресурсов формируется в предгорных районах Тянь-Шаня и Памира. Крупнейшая река региона Амударья имеет общую длину 2540 км и площадь бассейна 309 тыс. км². 80% стока приходится на Таджикистан, 7,9% стока приходится на Афганистан, 3,5% стока приходится на Туркменистан и Иран, 6% стока приходится на Узбекистан, 2,4% стока – на Кыргызстан. Вторая по величине река региона Сырдарья имеет длину 3019 км и площадь бассейна 219 тыс. км². 74% стока приходится на Кыргызскую Республику, 14% стока приходится на Узбекистан, 9% стока – на Казахстан, 3% приходится на Таджикистан. Общий среднегодовой сток всех рек бассейна Аральского моря составляет 116 км³, включая 78 км³ стока Амударьи и 37 км³ стока Сырдарьи [4; 5].

Государства Центрально-Азиатского региона условно разделены на две группы. Узбекистан, Туркменистан и Казахстан испытывают дефицит во-

дных ресурсов, необходимых для ирригации. Вместе с тем эти страны располагают крупными месторождениями газа и нефти. По информации British Petroleum за 2018 г., доказанные запасы нефти в Республике Казахстан составляют 30 млрд баррелей, добыча – 1835 тыс. баррелей в день; в Туркменистане – 0,6 млрд баррелей и добыча – 258 тыс. баррелей в день; в Республике Узбекистан – 0,6 млрд баррелей, добыча – 54 тыс. баррелей в день [14]. Доказанные запасы природного газа в Республике Казахстан составляют 1,1 трлн м³, добыча – 27,1 млрд м³; в Туркменистане – 19,15 трлн м³, добыча – 62,0 млрд м³; в Республике Узбекистан – 1,2 трлн м³, добыча – 53,4 млрд м³ [14].

В свою очередь, страны Центральной Азии приводят свои данные: по информации Казахстана, извлекаемые запасы нефти составляют 5 млрд т, или 31,4 млрд баррелей (из расчета: 1 баррель = 159 литров), извлекаемые запасы газа – 3 трлн м³, прогнозные запасы нефти – 17 млрд т (107 млрд баррелей), общие геологические запасы углеводородов в Казахском секторе Каспийского моря – 12–17 млрд т (2/3 всех углеводородных ресурсов Каспия), прогнозные запасы газа – 8 трлн м³, добыча нефти и конденсата – около 65 млн т в год, добыча газа – 27 млрд м³ в год. Геологические запасы нефти Республики Узбекистан составляют 5 млрд т (31,4 млрд баррелей), доказанные запасы нефти – 530 млн т (3,3 млрд баррелей), геологические запасы природного газа – более 5 трлн м³, доказанные запасы природного газа – 3,4 трлн м³, добыча нефти – 3,5 млн т в год, добыча газа – более 60 млрд м³. Прогнозные запасы природного газа Туркменистана составляют 15–20 трлн м³, нефти – 1,5–2 млрд т (9,4–12,5 млрд баррелей) [6].

Кыргызская Республика и Республика Таджикистан не испытывают дефицита водных ресурсов, поскольку истоки трансграничных рек формируются на их территории. Соответственно, Кыргызстан и Таджикистан обладают колоссальным потенциалом выработки гидроэлектроэнергии, что является одной из ключевых возможностей для их экономического развития. По имеющимся расчетам, Кыргызстан способен вырабатывать 142 млрд кВт.ч [11], а Таджикистан – 527 млрд кВт.ч [7]. В случае реализации совокупного потенциала двух государств Центральная Азия и сопредельные страны получат доступ к чистой возобновляемой энергии. Однако для реализации всего потенциала необходимы инвестиции. Кыргызская Республика и Республика Таджикистан не располагают собственными инвестиционными средствами. Строительство Камбаратинских ГЭС-1, 2 и каскада пяти дополнительных ГЭС на реке Сары-Джаз в Кыргызстане, а также Рогунской и Даштимджумской ГЭС оценивается стоимостью более 10 млрд долл. США [2].

Республика Узбекистан, Республика Казахстан и Туркменистан зависят от водных ресурсов трансграничных рек Сырдарьи и Амударьи. Прежде всего вода необходима для орошения сельскохозяйственных угодий. Экспорт сельскохозяйственной продукции составляет основные статьи дохода бюджета этих стран Центральной Азии. При этом наблюдается постепен-

ное увеличение посевных площадей и водопользования, однако не принимается усилий по эффективному и рациональному распределению имеющихся водных ресурсов. Так, пропорция водопользования на душу населения в странах региона выглядит следующим образом: Туркменистан – 5,415 м³, Узбекистан – 2,358 м³, Кыргызстан – 2,015 м³, Таджикистан – 1,740 м³, Казахстан – 1,304 м³ [13]. Использование воды на орошение сельскохозяйственных угодий выглядит следующим образом: в Кыргызстане – 7447 млн м³, в Казахстане – 14 030 млн м³, в Таджикистане – 10 440 млн м³, в Туркменистане – 26 360 млн м³, в Узбекистане – 50 400 млн м³ воды [9]. При этом в странах региона не наблюдается попыток использовать опыт зарубежных государств по интеграционному управлению водными ресурсами на государственном уровне в региональном масштабе для улучшения эффективности использования водных ресурсов.

Конфликт ирригационных и гидроэнергетических интересов стран Центрально-Азиатского региона препятствует их эффективному взаимодействию в решении вопросов, связанных с улучшением ситуации с водопользованием и принятием новых согласованных принципов взаимодействия в водохозяйственной системе.

С момента обретения независимости водно-энергетический аспект регионального сотрудничества влияет на широкий круг вопросов во взаимоотношениях Центрально-Азиатских республик. За годы независимости республик нерешенность водно-энергетического вопроса определила кризисные точки во взаимоотношениях государств Центральной Азии и увеличила конфликтный потенциал региона. В связи с этим сотрудничество стран региона в вопросах улучшения эффективности водопользования и улучшения ситуации вокруг Арала проводится с привлечением международных организаций и внешних партнеров.

В частности, за годы независимости к решению вопросов водно-энергетической сферы Центральной Азии привлекаются такие международные организации, как Всемирный Банк, ООН, АБР, ЕБРР и международные партнеры: Россия, США, Германия и др. Проекты, предлагаемые международными организациями и партнерами, нацелены на улучшение экологии, продвижение технологий интегрированного управления водными ресурсами, внедрение и развитие зеленой энергии путем обмена опытом и технологиями, помощь в энергетическом секторе, водоснабжении и эффективном управлении водными, земельными ресурсами, улучшение мелиоративных, ирригационных и дренажных систем стран Центрально-Азиатского региона.

С 2010 г. действует Центрально-Азиатская программа развития энергетических и водных ресурсов Всемирного Банка с участием всех пяти государств региона. Программа направлена на укрепление энергетической и водной безопасности через расширение сотрудничества Центрально-Азиатских государств и Афганистана, а также с партнерами по развитию

в контексте изменяющейся глобальной окружающей среды. Программа включает в себя три компонента:

- развитие энергетических ресурсов направлено на продвижение и анализ наиболее эффективных инвестиций в данной области, ориентированных на обеспечение энергетической безопасности в зимний период, повышение энергоэффективности, совершенствование торговли энергетическими ресурсами и подотчетности в секторе энергетики, планирование инфраструктуры, а также институциональное развитие;

- продвижение понимания о необходимости рационального использования водных ресурсов направлено на улучшение продуктивности эффективности использования водных ресурсов, как в сельском хозяйстве, так и для выработки энергии посредством укрепления потенциала, в том числе институционального, планирования инвестиций и реализации 3-й Программы бассейна Аральского моря;

- сотрудничество в водно-энергетической сфере направлено на улучшение понимания взаимосвязей между водными и энергетическими ресурсами на национальном и региональном уровнях через развитие диалога, водно-энергетическое моделирование, развитие региональной гидрометеорологии и исследование будущих последствий изменения климата.

Начиная с 2009 г. в рамках «Берлинской инициативы» Министерства иностранных дел Германии действует Программа GIZ «Трансграничное управление водными ресурсами в Центральной Азии». Данная программа содержит три части.

1. Содействие региональному институциональному сотрудничеству, регулирующее распределение водных ресурсов. Этим занимаются такие институты, как Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК) и Международный фонд спасения Арала (МФСА). Зависимое положение данных институтов внутри политической структуры создает дополнительные сложности для их плодотворной работы, в то время как общепризнанных и реально действующих установок по водному хозяйству не существует. Предполагается не только укрепить существующие институты водохозяйственного сектора посредством выработки их мандата и определения их задач, но и составить планы действий и разработать правила поведения. Данную часть программы предполагается реализовать в тесном сотрудничестве с Европейской экономической комиссией Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН).

2. Совершенствование управления бассейнами трансграничных рек. В данной части программы в центре внимания находятся малые водотоки, к которым особенно хорошо применимы базовые принципы управления речными бассейнами. Соответствующие мероприятия включают в себя оценку текущей ситуации и выработку управленческих планов, предложений по обеспечению безопасности плотин и экологичности, а также содействие в создании систем мониторинга и обмена данными. При этом действия GIZ

детально согласовываются с комиссией ЕС, работающей в данной области очень активно.

3. Принятие неотложных мер (так называемые проекты «фаст-трек»). Неотложные меры предполагают реализацию прежде всего конкретных мероприятий на общенациональном уровне, которые позволяют наиболее наглядно продемонстрировать возможности улучшенного использования водных ресурсов. Диапазон предполагаемых действий простирается от постройки современных ирригационных сооружений до строительства малых гидроэлектростанций. Важным элементом данной программы является детальное согласование предполагаемых действий с другими программами в рамках «Берлинского процесса», содержание которых охватывает весь спектр от создания потсдамским Центром геологических исследований GIZ совместно с Немецким центром исследований воздушного и космического пространства DLR региональной исследовательской сети по водохозяйственному сектору до организации поездок для делегаций из стран Центральной Азии. Это позволит реализовать синергические эффекты и в значительной степени повысить действенность проводимых мероприятий.

В рамках данной программы реализуются в общей сложности более 30 проектов в Центральной Азии в партнерстве со странами региона, с Международной координационной водохозяйственной комиссией и с Международным фондом спасения Арала. Были построены мини-гидроэлектростанции в Таджикистане, реконструирован важнейший гидроузел на трансграничной реке Исфара, построены новые системы водоснабжения в малых и отдаленных селах и внедрялись новые системы оценки устойчивости плотин и ГЭС в Казахстане, в Узбекистане реконструировались ирригационные системы и каналы.

Одним из последних проектов, с 2015 г. реализуемых с участием Центрально-Азиатских государств и Агентства США по международному развитию (англ. United States Agency for International Development, USAID),

стала «Адаптация управления трансграничными водными ресурсами в бассейне реки Амударья к возможным изменениям климата». Основной целью проекта является комплексное исследование вопросов управления водными ресурсами трансграничных рек бассейна Амударья на перспективу в условиях климатических и иных изменений в увязке с национальными планами развития орошаемого земледелия и гидроэнергетики.

Вместе с тем каждая из стран региона в подходе к регулированию водно-энергетического сектора исходит только из собственных национальных интересов. Данный подход негативно влияет на экологическую, социально-экономическую, политическую стабильность Центральной Азии по водным и энергетическим проблемам.

По оценкам экспертов, игнорирование водно-энергетических проблем в масштабе всего региона республиками Центральной Азии и отсутствие регионального сотрудничества по данному вопросу влечет колоссальный

экономический ущерб благосостоянию региона в размере 4,5 млрд долл. США [10]. В водно-энергетической проблеме региона страны низовья фокусируют внимание на проблеме воды в вегетационный период, а страны верховья – на проблеме гидроэнергетики и компенсации нехватки энергии в зимний период. Так, Кыргызская Республика и Республика Таджикистан продолжают испытывать недостаток энергетических ресурсов, а Республика Узбекистан, Республика Казахстан и Туркменистан – недостаток водных ресурсов в вегетационный период.

Республика Узбекистан обладает многочисленными крупными ТЭЦ, малыми ГЭС и большими запасами топливно-энергетических ресурсов, в первую очередь газа. Наряду с этим Узбекистан является одним из крупнейших потребителей водных ресурсов трансграничных рек в регионе. В этой связи на протяжении периода с момента обретения независимости Республика наступательно отстаивала собственные национальные интересы в вопросе водораздела. Для укрепления позиций своих интересов Республика активно использовала разные рычаги давления на страны верховья – Кыргызстан и Таджикистан, в том числе неоднократно сокращая поставки газа в эти страны и поднимая цену. Данная тенденция объяснялась политическими амбициями бывшего Президента Республики Узбекистан И. Каримова.

С 2017 г. наблюдались позитивные политические сдвиги в водно-энергетическом секторе региона. В первую очередь данная тенденция обусловлена заявлением новоизбранного Президента Республики Узбекистан Ш. Мирзиёева о желании участвовать в строительстве Камбаратинского ГЭС на русле реки Нарын и достигнутыми договоренностями в водном вопросе. Данное заявление было озвучено во время государственного визита Президента Республики Узбекистан в Кыргызстан 5–6 сентября 2017 г.

Республика Казахстан традиционно занимала более умеренную позицию по сравнению с Республикой Узбекистан, и это связано прежде всего с тем, что Казахстан и Кыргызстан сохранили работу объединенной энергосистемы для взаимных поставок электроэнергии. Казахстан выступает против строительства крупных гидроэнергетических сооружений в бассейне реки Сырдарья без согласования данного вопроса со всеми странами, входящими в ее бассейн. Позиции Узбекистана и Казахстана обусловлены экологическими и экономическими факторами: усыханием Аральского моря, вызванными этим фактором социально-экономическими последствиями в Приаралье и дефицитом воды в вегетационный период. Сегодня Казахстан активно привлекает заинтересованные в реабилитации Приаралья и увеличении уровня воды в Аральском море стороны.

Кыргызская Республика и Республика Таджикистан активно продвигают проекты по строительству крупных гидроузлов на руслах трансграничных рек в целях привлечения иностранных инвестиций в условиях тяжелого социально-экономического положения, подогреваемого острым кризисом в энергетическом секторе. Одновременно Кыргызстан и Таджикистан активно про-

двигают механизмы интегрированного управления водно-энергетической инфраструктурой регионального значения и возможной компенсации затрат на содержание гидротехнических объектов межгосударственного значения.

За более чем 25 лет самостоятельного существования республики Центральной Азии избрали путь строительства и укрепления независимой энергетической инфраструктуры. Однако создание новой независимой энергетической инфраструктуры требует значительных средств и оказывается неэффективной и убыточной. После распада СССР в 1991 г. республики изменили работу объединенного энергетического кольца; в настоящее время единая энергетическая система продолжает работать частично. Существовавший механизм взаимного обмена топливно-энергетическими ресурсами в СССР не работает с момента обретения независимости странами Центральной Азии в связи с высокими тарифами, противостоянием стран верховья и стран низовья в водно-энергетическом вопросе, наблюдавшимся в отношениях республик в первые 10 лет независимости. В сложившейся ситуации использования воды в Центральной Азии одни страны извлекают выгоду, а другие страны не имеют возможности реализовать потенциал развития в водно-энергетической сфере.

Вода и энергетика в Центральной Азии

За годы независимости водно-энергетический вопрос не раз вносил сложности во взаимоотношения Центрально-Азиатских республик. Главной причиной разногласий продолжает оставаться конфликт гидроэнергетических и ирригационных интересов государств Центральной Азии. В двусторонних и многосторонних отношениях стран региона данный вопрос всегда рассматривался исключительно под политическим углом в рамках двусторонних отношений. Не принималась во внимание значимость согласованного и взаимовыгодного подхода.

Водно-энергетический сектор Центральной Азии переживает тяжелые времена. Крупнейшие гидроэнергетические объекты Центральной Азии были построены еще в период СССР. Изношенность и моральное устаревание ирригационных систем и гидросооружений регионального значения оказывают негативное влияние, вызывая потери вырабатываемой электроэнергии. Все построенные в СССР гидротехнические объекты в странах Центральной Азии нуждаются в модернизации. Одним из самых старейших гидротехнических сооружений Центрально-Азиатского региона является Уч-Курганская ГЭС. На протяжении нескольких последних лет со стороны Правительства Кыргызской Республики ведутся переговоры с Ассоциацией банков России (АБР) о выделении необходимых финансовых средств для проведения реконструкции и полной замены оборудования Уч-Курганской ГЭС. Правительство Кыргызской Республики намерено завершить реконструкцию в течение пяти лет при поддержке иностранных инвестиций. Большое значение имеет решение проблемы эффективности водораздела в ирригационных системах стран ре-

гиона, в которых вода теряется за счет фильтрации в ирригационных каналах, а также за счет испарения. По мнению экспертов, если поднять КПД гидротехнических сооружений с 0,4–0,6 до 0,75, то это сэкономит 15 км³ воды в год. За счет только реконструкции оросительных систем Узбекистан мог бы полностью снять проблему нехватки воды для орошения [8]. Работы по модернизации и реабилитации водно-энергетической инфраструктуры региона требуют громадных инвестиций, которыми каждая страна по отдельности не располагает. Существует острая необходимость в привлечении иностранных инвестиций для решения проблем водно-энергетического сектора. Отсутствие регионального сотрудничества Центрально-Азиатского региона по данным проблемам лишь усугубляет проблему водно-энергетической безопасности региона.

Очевидна острая необходимость внедрения и развития новых технологий для рационального водопотребления и водопользования в сельскохозяйственной отрасли государств региона, в том числе опыта зарубежных стран, решивших проблему нехватки воды (к примеру, Израиль). На водно-энергетический сектор Центральной Азии оказывают сильное воздействие экологические процессы, вызванные Аральской катастрофой, социально-экономические проблемы и многолетнее политическое противостояние стран региона в водно-энергетическом вопросе.

Отсутствие понимания политическим руководством стран Центральной Азии географической взаимозависимой целостности водных ресурсов трансграничных рек Сырдарья и Амударья и вырабатываемой энергетики осложнило проблемы в водно-энергетическом секторе и тем самым препятствует сотрудничеству стран региона.

Воды и энергии достаточно для удовлетворения потребностей населения всего региона. Однако игнорирование водно-энергетического вопроса странами региона ведет к большему усугублению ситуации и наносит ощутимый ущерб благосостоянию и безопасности всей Центральной Азии. Сегодня перед этими странами стоят вызовы, связанные с воздействием роста населения региона, изменением окружающей среды, истощением водного баланса, социально-экономическим кризисом в Центральной Азии.

Заключение

Центрально-Азиатские государства имеют возможность только совместными усилиями предотвратить новую волну кризиса в водно-энергетической сфере путем внедрения механизмов интеграционного управления водными ресурсами. Необходимо повышать уровень доверия и активизировать взаимовыгодное сотрудничество между государствами региона в многостороннем формате в водно-энергетическом секторе. Немаловажную помощь может оказать внедрение и развитие новых для региона технологий альтернативной энергетики в целях укрепления региональной безопасности Центральной Азии.

Вода является основным ресурсом жизнедеятельности и источником чистой энергии. В условиях географической особенности и исторического развития Центрально-Азиатских республик вода и энергетика представляют собой взаимосвязанный сектор региона, который необходимо рассматривать в целостности. В последние годы вопросы водно-энергетического сектора являются ключевыми для социально-экономических, политических и приграничных проблем всего региона. Разрешение вопросов вододелиния ресурсов трансграничных рек Сырдарьи и Амударьи путем внедрения согласованных мер интегрированного управления водными ресурсами создаст возможность обеспечения региональной безопасности и развития.

Список литературы

1. *Адиева А.А., Суюндуков У.А.* Экономическая оценка влияния глобального потепления на социально-экономическое развитие Кыргызской Республики // Известия Исык-Кульского форума бухгалтеров и аудиторов стран Центральной Азии. 2014. № 3. С. 7–10.
2. Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения / Отраслевой обзор, Евразийский банк развития. Алматы, 2008.
3. *Голубов Б.Н.* Аномальный подъем уровня Каспийского моря и катастрофическое обмеление Аральского моря как результат дренирования Арала под плато Устюрт и в Каспий вследствие техногенных возмущений недр // Пространство и Время: альманах. Т. 16. 2018. Вып. 1-2.
4. *Гриняев С.Н., Фомин А.Н.* Актуальные вопросы применения механизма биржевой торговли для решения водно-энергетических проблем стран Центральной Азии: аналитический доклад. М., 2009.
5. *Жильцов С., Бименова А.* Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // Центральная Азия и Кавказ. 2015. № 1. С. 90–101.
6. *Махмудов Р.* Оценка нефтегазовых запасов Центральной Азии и перспективных рынков их сбыта (ЕС и Китай) // Центральная Азия и Кавказ. 2011. № 3. С. 183–197.
7. Обзор энергетического сектора Республики Таджикистан / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. – Режим доступа: <http://mfa.tj/?l=ru&cat=28&art=201> (дата обращения: 05.11.2018).
8. Рациональное использование водно-энергетических ресурсов / Казахстанский ин-т стратегических исследований при Президенте РК. – Режим доступа: <http://kisi.kz/ru/categories/ekonomika-i-energetika/posts/racional-noe-ispol-zovanie-vodno-energeticheskikh-resurs> (дата обращения: 05.11.2018).
9. Ресурсоэффективность: экономика и перспективы для стран Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии. 2013.
10. РЭЦЦА: Центральная Азия ежегодно теряет \$4,5 млрд из-за отсутствия водного сотрудничества // Радио Озоди. – Режим доступа: <https://rus.ozodi.org/a/28871763.html> (дата обращения: 05.11.2018).
11. Энергетика и водные ресурсы / Министерство иностранных дел КР. – Режим доступа: <http://www.mfa.gov.kg/contents/view/id/91> (дата обращения: 05.11.2018).
12. *Ясинский В.А., Мироненков А.П., Сарсембеков Т.Т.* Инвестиционные риски, связанные с влиянием глобального изменения климата на водные ресурсы Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. 2010. № 1(6) С. 068–075.
13. AQUASTAT // Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Access mode: <http://www.fao.org/nr/water/aquastat/data/query/index.html?lang=en> (date of treatment: 05.11.2018).
14. BP Statistical Review of World Energy. 2018.

Шишкина Ольга Владимировна,

кандидат политических наук,
Московской государственной институт международных отношений
(МГИМО-Университет), Москва.
E-mail: shishkina.o.v@gmail.com

Olga V. Shishkina,

PhD in Political Science,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow.
E-mail: shishkina.o.v@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ОБОРОНЫ В ВЫШЕГРАДСКОЙ ГРУППЕ

PROBLEMS OF SECURITY AND DEFENCE IN V4

Аннотация: в статье рассматривается развитие сотрудничества государств Вышеградской группы (ВГ) в сфере безопасности и обороны с момента ее создания в 1991 г. по 2018 г. Определены причины, по которым произошло укрепление этого направления вышеградского сотрудничества. Отсутствие на уровне ЕС и НАТО полноценного решения кризисов активизировало вышеградскую субрегиональную дискуссию. Стратегические документы НАТО и ЕС задали общие рамки взаимодействия, однако в ВГ сложилось свое понимание необходимой реакции на европейский миграционный и украинский кризисы. Спустя 25 лет после создания группы она начала продвигать собственные инициативы внутри ЕС и во взаимодействии с соседями вне ЕС. Солидарность «четверки» с НАТО и ЕС была дополнена «вышеградскими оттенками».

Ключевые слова: Вышеградская группа, безопасность, оборона, угрозы, миграционный кризис, украинский кризис, энергетическая безопасность, «гибридная угроза».

Abstract: the article deals with the development of Visegrad Group security and defence cooperation starting from 1991, when the group was established, and up to 2018. The author defines the reasons why this dimension of V4 cooperation has strengthened. As the EU and NATO failed to offer comprehensive measures to settle European migration and Ukrainian crises, Visegrad sub-regional discussion was intensified. While EU and NATO strategic documents have set the general framework for cooperation, the V4 countries came to their own conclusions on the necessary action to combat the crises. 25 years after the establishment of the Group, it started to promote its own initiatives inside the EU and in cooperation with partners and neighbours. The V4 solidarity with NATO and EU was supplemented with «Visegrad shades».

Key words: Visegrad Group, V4, security, defence, threats, migration crisis, Ukrainian crisis, energy security, «hybrid threats».

Страны Вышеградской группы (ВГ) – Венгрия, Польша, Словакия и Чехия – с 1991 г. прошли путь от членства в структурах Восточного блока, Организации Варшавского договора (ОВД) и Совете экономической взаимопомощи (СЭВ), к членству в Организации Североатлантического договора (НАТО) и Европейском Союзе (ЕС). Вопросы внешней безопасности были включены в повестку дня Вышеградской четверки с самого начала, хотя и не находились в центре внимания участников этого субрегионального объединения. В середине 2000-

х гг. членство в НАТО и ЕС и вовсе сделало эти вопросы мало актуальными на уровне ВГ. В 2010–2012 гг. общие рамки сотрудничества в сфере обороны и безопасности задали обновленные стратегические документы ЕС и НАТО. Рост нестабильности на Ближнем Востоке, европейский миграционный и украинский кризисы привели к ухудшению ситуации в сфере безопасности в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ). По этим причинам в 2012–2015 гг. страны «четверки» были вынуждены пересмотреть свои оценки угроз и вызовов национальной безопасности. Было принято решение расширить субрегиональное сотрудничество на этом направлении.

При видимом продолжении курса на солидарность реакция на кризисы в четырех странах впервые отличалась от решений, предлагаемых ЕС и НАТО. Новая среда внешней безопасности укрепила вышеградский субрегионализм.

Истоки сотрудничества

Вышеградская группа как субрегиональное сотрудничество зародилась на волне «бархатных революций» в странах ЦВЕ в 1991 г. В 1993 г. в результате распада Чехословацкой Федерации на Чехию и Словакию количество участвующих в нем стран увеличилось до четырех. Целями объединения, зафиксированными в Декларации Вышеградского сотрудничества 1991 г. были «искоренение всех аспектов тоталитарной системы» и «создание правовых парламентских демократий», переход к рыночным экономикам и подключение к западноевропейской политической и экономической системе, а также системам безопасности и законодательства [3]. Последнее, с учетом произошедшего в декабре 1991 г. роспуска ОВД, понималось как расширение взаимодействия с европейским интеграционным объединением и с военно-политическим блоком НАТО.

Таким образом, координация позиций в сфере внешней безопасности странами ВГ проводилась. В то же время основной акцент был сделан на осуществлении экономических преобразований и подчеркнута символическим «возвращении в Европу» – сближении с западноевропейской моделью развития после 40 лет ориентира на советскую модель [2; 4; 6; 8]. Вопросы совместного обеспечения национальной безопасности в условиях распада биполярной системы международных отношений и исчезновения межблокового противостояния были менее актуальны, чем необходимость реформирования экономик, тем более что в начале 1990-х гг. ни для одного из вышеградских государств не существовало классических внешних военных угроз национальной безопасности. Внешняя военная агрессия представлялась немыслимой. Перспективы членства в НАТО (и членства в ЕС) рассматривались в первую очередь в качестве символа произошедших в странах политических и идеологических изменений, а сам альянс – как ключевой консультант по вопросам военной реформы. Свою роль в принятии решения о членстве в Североатлантическом альянсе для государств

ЦВЕ сыграли исторический опыт двух мировых войн и сохранявшееся биполярное мышление. Только Венгрия рассматривала членство в НАТО еще и в качестве возможности обезопасить себя от последствий конфликта в соседней распадающейся Югославии [17, с. 107].

Государства – члены НАТО при рассмотрении заявок Польши, Чехии, Венгрии и Словакии руководствовались в первую очередь стратегическим интересом безопасности постбиполярной системы международных отношений в Европе. США были убеждены в особой геополитической роли, которую играли для объединенной Германии и постсоветской России страны Центральной и Восточной Европы. В целом, поддерживая объединение Германии, они опасались возникновения «германской Европы» в случае, если НАТО утратит свою роль. Одновременно с этим ослабление «западников» и укрепление «евразийцев» в российских внутриполитических дебатах, по мнению, например, З. Бжезинского, угрожало возобновить стремление России осуществлять «геополитическое господство над Евразией напрямую, а над странами Центральной и Восточной Европы – опосредованно» [12, с. 31]. Он полагал, что «оставленные наедине с самими собой, страны Центральной и Восточной Европы опять превратятся в лакомый кусок для своих могущественных западных и восточных соседей». [12, с. 30]. Еще одно опасение вызывал тот факт, что для государств ЦВЕ были характерны нерешенные проблемы этнических меньшинств. Это создавало здесь условия, близкие к постъюгославским. Таким образом, членство четырех государств в НАТО рассматривалось на Западе еще и как возможность избежать здесь «балканского сценария» [9, с. 11; 31, с. 39].

В 1999 г. Польша, Чехия и Венгрия стали членами НАТО. В 2004 г., с отсрочкой в пять лет, за ними последовала Словакия. В том же году все четыре государства вошли в состав ЕС. Основная повестка дня ВГ казалась почти полностью исчерпанной.

Безопасность и оборона в странах Вышеградской группы: форма и содержание

Принципиальное нежелание стран – участниц ВГ создавать внутри субрегионального объединения институты сотрудничества привело к тому, что к 2004 г., когда все страны стали членами ЕС, ВГ стала площадкой для регулярно проводимых разноуровневых консультаций по вопросам политики, обороны, безопасности, экономики и экологии¹. Вопросы безопасности со временем были распределены по трем основным измерениям: обсуждаемые только на встречах представителей ВГ; важные для согласованной позиции ВГ в НАТО; продвигаемые скоординированно в рамках ЕС.

¹ Единственный созданный в субрегиональном сотрудничестве институт – Международный вышеградский фонд, позволяющий направлять средства на реализацию гуманитарных проектов.

Вышеградское сотрудничество в целом было неактивно на протяжении нескольких лет с 1994 по 1997 г. Между странами обострились двусторонние противоречия по историческим и экономическим вопросам, а также по вопросам прав национальных меньшинств, проживающих за пределами национальных территорий Польши и Венгрии в странах ВГ [9, с. 6]. Другим поводом для разногласий стало соперничество за выделяемые из фондов ЕС средства. Возобновление взаимодействия «четверки» произошло в 1998 г. – после решения в 1997 г. в Международном суде вопроса о гидроузле Габчиково-Надьмарош между Венгрией и Словакией, достижения взаимопонимания по правам венгерского национального меньшинства в Словакии и открытия ЕС переговоров о членстве с Польшей, Чехией и Венгрией.

В первом же документе, принятом после перерыва, в «Содержании вышеградского сотрудничества» (1999) [13], были отражены новые угрозы безопасности, ставшие актуальными для всех государств. Документ принимался на фоне косовского кризиса, поэтому в тексте появились такие формулировки, как «регулярные встречи и консультации экспертов: обмен информацией и консультации по вопросам о региональных кризисах» (п. 2), «сотрудничество в сфере пограничного контроля и иммиграционных вопросов» (п. 3) и «гармонизация в противодействии нелегальной миграции, транзита и распространения наркотиков, контрабанды оружия и терроризма» (п. 4). Кроме того, три страны, принятые в НАТО в 1999 г., брали на себя обязательства обмениваться опытом в подготовке к членству со Словакией. Помимо самой Словакии в этом была особенно заинтересована Венгрия. В 1999–2004 гг. она не имела общих границ ни с одним из государств – членом НАТО и при этом была единственным вышеградским государством, территориально связанным с беспокойным балканским регионом [27].

Противодействие угрозам, перечисленным в п. 3–4 документа, включало в себя гармонизацию законодательства стран ВГ и стран – членом ЕС, т.е. служило целям подключения «четверки» к евроинтеграции, расширения компетенций ЕС в сфере безопасности и углубления взаимодействия с НАТО. Кроме того, указанные пункты свидетельствовали о влиянии международного контекста на содержание вышеградского сотрудничества в сфере безопасности. Одновременно стало очевидным, что становится всё сложнее различать угрозы внешней и внутренней безопасности, и это требует разработки новых подходов к их преодолению.

В преддверии присоединения к ЕС страны ВГ согласовали в 2004 г. «Руководящие принципы будущего вышеградского сотрудничества» [18]. В качестве ключевых направлений в сфере безопасности и обороны была названа борьба с такими угрозами, как терроризм, организованная преступность и нелегальная миграция. Собственные возможности по противодействию современным угрозам «четверка» оценивала трезво, поэтому ставка была сделана на то, чтобы решить общие для них проблемы безопасности силами ЕС и НАТО.

В ЕС страны ВГ проводили консультации по вопросам контроля границ в Шенгенской зоне и активно участвовали в разработке Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО). В НАТО они вели диалог с государствами, стремящимися к членству, чтобы способствовать общему пониманию безопасности и передать опыт ВГ по присоединению к Североатлантическому альянсу. Особое внимание вышеградские страны были готовы уделять новым угрозам безопасности (прежде всего, международному терроризму). Вся «четверка» подчеркивала свою приверженность укреплению взаимодействия между ЕС и НАТО.

Размытые формулировки угроз безопасности в «Руководящих принципах» 2004 г. свидетельствовали об отсутствии острых и общих для всех вышеградских стран угроз, которые требовали бы незамедлительного решения с использованием возможностей всей «четверки», а также ЕС и (или) НАТО. В то же время не представлявший угрозы непосредственно странам ВГ международный терроризм являлся поводом для демонстрации солидарности с НАТО и ЕС. Одновременно с этим членство в НАТО и ЕС и благоприятная среда безопасности позволили трем странам ВГ (за исключением Польши) снизить военные расходы: Венгрии – с 1,5% от ВВП в 1999 г. до 0,9% в 2014 г.¹, Словакии – с 1,6% в 2004 г. до 1,0% в 2014 г., Чехии – с 1,9% в 1999 г. до 1,0% в 2014 г. В Польше расходы остались на прежнем уровне – 1,9% от ВВП [26], что также не совсем соответствовало установленной НАТО планке в 2%.

Стратегические рамки сотрудничества: солидарность с НАТО и ЕС

С середины 1990-х гг. страны ВГ активно двигались по пути членства в НАТО и ЕС, следуя единому проекту реформ. Стремление стать частью евроатлантического пространства и «вернуться в Европу» требовало не только кропотливой повседневной работы, но и публичного представления достижений на этом пути. Солидарность в вопросах безопасности и обороны демонстрировалась через участие в предлагаемых будущими союзниками решениях международных проблем безопасности.

В 2001 г. общая угроза международного терроризма сплотила всё международное сообщество, а НАТО задействовала механизм коллективной обороны для создания многонациональной коалиции по противодействию международному терроризму в Афганистане. Государства ВГ направили свои вооруженные силы в Афганистан в составе сил НАТО. Через два года Польша была среди четырех государств, осуществивших вторжение в Ирак. Впоследствии в составе сил США и союзников были представители Вооруженных сил Венгрии (до 2004 г.), Чехии и Словакии (до 2008 г., как и польский контингент). Участие в военных операциях под командованием НАТО

¹ В 2014 г. с развитием миграционного кризиса и гражданского конфликта на Украине начался рост региональной напряженности, что обычно приводит к увеличению расходов на оборону и безопасность.

сплотило государства, но не располагало к проявлению инициативы странами ВГ в развитии самостоятельного сотрудничества в сфере безопасности и обороны. Острых региональных проблем не было, а для борьбы с международным терроризмом использовались силы НАТО.

Еще до присоединения к ЕС страны ВГ поддерживали первые операции в рамках Европейской политики безопасности и обороны (ЕПБО, с 2009 г. – Общая политика безопасности и обороны, ОПБО). В 2003 г. для участия в военной операции в Македонии Словакия направила одного военного, Чехия и Венгрия – по два, Польша – 12 военных (всего в операции было задействовано 357 человек, 308 из них – из стран ЕС). В Боснии в том же году в составе полицейских сил были 4 представителя Словакии, 6 – Чехии, 5 – Венгрии и 17 – Польши (всего в операции было задействовано 536 человек, 442 из них – из стран ЕС) [25, с. 2–3]. Таким образом, представительство было, но оно было скорее символическим, даже с учетом небольшой общей численности населения Словакии, Чехии и Венгрии.

После присоединения к ЕС страны ВГ продолжили поддержку инициатив ЕПБО. В 2007 г., через три года после появления инициативы многонациональных боевых групп в ЕС, в ВГ появился проект создания «вышеградской» боевой группы. Действительно, необходимое странам ЕС налаживание оперативного взаимодействия и коллективного развертывания было логично развивать между государствами европейских субрегионов. Проект был реализован, но лишь спустя девять лет: в первой половине 2016 г. вышеградская боевая группа (V4 EU BG) была поставлена на боевое дежурство. Для более динамичного развития в 2004–2010 гг. не хватало стимулов – угроз безопасности. Спокойная ситуация в сфере безопасности в Европе таких стимулов не давала.

Импульсом для обсуждения вопросов безопасности странами ВГ стали решения саммитов НАТО в Лиссабоне в 2010 г. и в Чикаго в 2012 г. Стратегическая концепция «Активное участие, современная оборона» [28] и «Обзор сдерживания и обороны» [16] задали стратегическое направление развитию деятельности альянса, определили перечень актуальных вызовов и угроз, назвали ориентиры для взаимодействия НАТО с партнерами. Стратегическая концепция также предусматривала укрепление практического сотрудничества с ЕС после принятия в 2009 г. Лиссабонского договора, расширявшего оборонительные функции ЕС. В 2010 г. инициативы НАТО «Умная оборона» («Smart Defence») и Европейского оборонительного агентства ЕС (EOA) – «Объединяя и распределяя» («Pooling and Sharing») – запустили реализацию нового уровня взаимодействия ЕС и НАТО без дублирования функций. Реагируя на происходящие изменения, Венгрия, Польша, Словакия и Чехия активизировали обсуждение вопросов безопасности в вышеградском формате.

В апреле 2012 г. в Праге министры обороны стран ВГ приняли декларацию «Ответственность за мощную НАТО» [15], в которой отмечалось изменение

приоритетов политики США и готовность стран ВГ вносить вклад в развитие европейских военных средств обеспечения региональной безопасности. Декларация полностью соответствовала решению ЕС по развитию самостоятельного оборонного потенциала и отвечала необходимости большего вклада в деятельность НАТО. С 2013 г. сотрудничество в сфере обороны было расширено. Страны ВГ осуществили переход от координации позиций к формированию «общего долгосрочного видения по вопросам углубления сотрудничества в сфере безопасности», укреплению сотрудничества в сфере военного образования и учений и созданию структуры расширенного оборонного планирования для выявления областей взаимодействия в сфере обороны.

14 марта 2014 г., после февральского государственного переворота на Украине и непосредственно перед референдумом в Крыму, министры обороны стран ВГ приняли три стратегических документа: «Долгосрочное видение Вышеградских стран по вопросам углубления оборонного сотрудничества», «Рамки для расширенного вышеградского сотрудничества в сфере обороны» и «Меморандум понимания по созданию Боевой группы вышеградской четверки в ЕС» [24]. В документах отмечались изменяющийся характер угроз европейской безопасности и необходимость расширения оборонного сотрудничества. Первыми областями такого сотрудничества должны были стать оборонное планирование и расширение операционных возможностей, создание многонациональных боевых единиц, а также военное образование и совместные учения. Список угроз отсутствовал, как и какие бы то ни было оценки событий на Украине. Они появились позже в совместных заявлениях премьер-министров и министров иностранных дел «четверки».

Угрозы региональной безопасности как стимул сотрудничества стран Вышеградской группы

С конца 2014 г. новый региональный контекст безопасности начинает отражаться в совместных документах по итогам саммитов и встреч более низкого уровня стран ВГ. Дискуссия на заседаниях ВГ по вопросам обороны и безопасности преимущественно строится вокруг нескольких основных тем.

1. Региональный конфликт на Украине и «гибридная угроза». Три из четырех государств ВГ непосредственно граничат с Украиной, поэтому происходящее в этом государстве серьезно беспокоит «четверку». В то же время акцент на субрегиональном уровне сделан не на разрешении внутреннего кризиса и помощи в продвижении реформ (согласованы Украиной с ЕС и НАТО), а на попытках реагирования на «гибридную угрозу».

Впервые позиция стран ВГ по крымским событиям и ситуации на юго-востоке Украины была четко обозначена 9 декабря 2014 г. в Братиславской декларации глав правительств ВГ по углублению оборонного сотрудничества. «Незаконная аннексия Крыма и Севастополя, продолжающиеся агрессивные действия России против Украины, а также провокационная деятельность вдоль восточной границы НАТО бросили серьезный вызов архитектуре

безопасности в нашем регионе и продемонстрировали, что межгосударственный конфликт с использованием обычных вооружений на границах Альянса всё еще возможен» [16]. Оценка полностью совпала с жесткими заявлениями со стороны представителей НАТО и ЕС.

Спустя два года страны ВГ в совместных документах предпочли говорить о «территориальной целостности Украины», действиях «поддерживаемых Россией сепаратистов» [21] или же просто о «кризисе на Украине». С декабря 2016 г. тема так называемых агрессивных действий России в контексте кризиса на Украине не фигурирует в совместных заявлениях скорее всего по причине нарастающего расхождения в подходах Польши и остальных государств. Как отметил премьер-министр Венгрии В. Орбан: «Действительно, в ЕС есть страны, которые могут чувствовать себя в опасности в отношении России. Это балтийские страны и Польша, история и географическое положение которых подтверждают это, но большинство стран ЕС не чувствуют этой опасности – ни у словаков, ни у чехов, ни у венгров нет причин думать, что Россия представляет для них угрозу» [7].

Свой вклад в увеличение разногласий между странами ВГ внесла и Украина, сделавшая в развитии ставку на национализм. Острую критику Венгрии (как и России) вызвал Закон «Об образовании», установивший украинский язык в качестве единственного языка образовательного процесса¹[5]. Считая этот Закон ущемлением прав венгерского национального меньшинства, Венгрия в знак протеста трижды блокировала заседание комиссии НАТО–Украина на министерском уровне. Страны ВГ со временем всё больше дистанцировались от вооруженного конфликта и сконцентрировались на поддержке украинских реформ.

2. Темы противодействия неконкретизированной «гибридной угрозе» и солидарности с НАТО и ЕС в 2014–2018 гг. регулярно упоминаются в совместных заявлениях как премьер-министров, так и министров обороны государств Вышеградской группы. Обсуждение способствует принятию решений о более активном участии «четверки» в инициативах НАТО – по укреплению восточного фланга, увеличению количества совместных учений стран НАТО, постепенному увеличению расходов на оборону. В то же время «гибридная угроза» в отличие от нелегальной миграции ни разу не стала поводом для проведения отдельных совещаний и подписания совместных документов стран ВГ.

3. Тема массовой нелегальной миграции активно обсуждается на саммитах и встречах министров стран ВГ с лета 2015 г. Невозможность найти удовлетворяющее всех быстрое решение на уровне ЕС побуждает страны «четверки» сформулировать свои подходы к вызову. 4 сентября 2015 г. специально для обсуждения миграции был созван внеочередной саммит глав пра-

вительств ВГ, завершившийся подписанием Совместного заявления. Страны «Вышеградской четверки» выразили свою поддержку Венгрии, которая одной из первых и наиболее серьезно была затронута проблемами миграции. Предложения стран ВГ прежде всего касались укрепления контроля над внешними границами стран Шенгенской зоны, расширения мер контроля за миграционными потоками, а также, по возможности, устранения причин миграции за пределами ЕС через дополнительное финансирование наиболее уязвимых групп населения в странах происхождения мигрантов и в транзитных странах. По мнению лидеров «четверки», любые коллективные решения в ЕС должны приниматься на принципах согласия всех стран-участниц.

Последнее замечание стало особенно актуальным для стран ВГ после того, как Совет ЕС 22 сентября 2015 г. принял Решение о мерах поддержки Италии и Греции (срок действия истек в сентябре 2017 г.) [14]. Предусмотренное Решением автоматическое перераспределение мигрантов по странам ЕС в соответствии с системой квот было абсолютно неприемлемым для вышеградских государств. Они видели в нем «фактор притяжения» для мигрантов, угрозу национальной идентичности своих небольших государств и признак неуважения интересов малых стран в ЕС [23].

Вопросы миграции остаются актуальными для стран ВГ [1]. Согласованные ими меры предполагают, что основное внимание должно уделяться «внешнему измерению» проблемы (контроль границ). Коллективные решения в ЕС по принципиально важным вопросам должны приниматься исключительно на основании консенсуса [23]. В общем письме премьер-министру Италии его коллеги из стран ВГ предлагали разделять экономическую миграцию и беженцев, причем до того, как они въедут на территорию ЕС; вкладывать средства в деятельность ЕС на южных границах Ливии, в учреждение, защиту и создание более благоприятных условий жизни в горячих точках за пределами ЕС, в обучение сил береговой охраны Ливии, в укрепление возможностей Европейского бюро поддержки беженцев [30].

В целом обострение проблем миграции и терроризма обусловило дальнейшее сращивание угроз внутренней и внешней безопасности. Как результат – участились встречи не только министров обороны «четверки», но и министров внутренних дел. Произошло также расширение взаимодействия в формате «В4+» («четверка» + партнеры). Всё чаще проходят встречи министров иностранных дел, обороны и внутренних дел ВГ с коллегами из Австрии, Болгарии, Хорватии, Словении, Румынии, Турции. Взаимодействие ВГ со странами Западных Балкан теперь ведется не только в контексте перспектив их присоединения к ЕС, но и в контексте обсуждения проблемы миграции.

4. Энергетическая безопасность как необходимость сокращать зависимость от поставок извне становилась центральной темой для обсуждения в ВГ в 2010 и 2011 гг. После 2014 г. она только один раз стала поводом для встречи отвечающих за энергетику министров ВГ. Осенью 2015 г. они приветствовали заключение соглашения о продолжении транзита россий-

¹ До 1 сентября 2020 г. образование может осуществляться на языках национальных меньшинств до 5 класса. После этого предусмотрен полный перевод образования на государственный язык. Языки национальных меньшинств могут изучаться в качестве отдельной дисциплины.

ского природного газа через Украину – маршрута критически важного прежде всего для Словакии, Венгрии и Чехии. Такая реакция легко объяснима: в 2015 г. Словакия импортировала 60,7% потребляемых энергоресурсов, Венгрия – 57,7%, Чехия – 31,6%. Польша в наименьшей степени зависела от внешних поставок энергоресурсов – импортировалось всего 28,5% [32]. Зависимость от поставок российского природного газа составляла в среднем в 2016–2017 гг. почти 100% от объемов газа, потребляемого в Словакии, 74% – в Чехии, 65% – в Венгрии, 60% – в Польше¹. Такие цифры, а также надежность и, по большому счету, безальтернативность российских поставок вкупе с традиционно неполитизированным отношением к России² убеждают Словакию, Венгрию и Чехию проявлять относительную умеренность при поддержке инициатив НАТО на восточных границах Альянса.

В подтверждение вышеизложенного можно привести слова премьер-министра Венгрии В. Орбана, сказанные летом 2018 г.: «...ясно, что балтийским странам, Польше и другим странам были бы полезны дополнительные гарантии со стороны НАТО, со стороны ЕС, чтобы чувствовать себя в безопасности, но другим странам было бы полезно развитие двусторонних отношений с Россией. Так что вместо этой примитивной политики по отношению к России нам нужна намного более дифференцированная, намного более определенная политика» [7].

Вышеградские оттенки солидарности

В конце венгерского председательства в ВГ в июле 2018 г. главы правительств приняли совместное заявление с символическим заголовком – «Вместе – сильнее» («Stronger Together») [29]. В документе на четырех страницах изложено сформировавшееся общее видение странами ВГ своего будущего – в ЕС, НАТО и в новой ситуации в сфере безопасности.

В духе солидарности страны ВГ выражают поддержку усилиям ЕС по развитию оборонного потенциала (постоянное структурированное сотрудничество в сфере безопасности и обороны, Европейский оборонный фонд) и НАТО как гаранта коллективной безопасности. С 2016 г. в число угроз, с которыми необходимо бороться именно коллективными усилиями, вошли такие внешние угрозы, как «гибридная угроза», киберугроза. Международный терроризм назван и в числе внешних, и в числе внутренних угроз [22]. Функция защиты от новых вызовов, таких как «гибридная угроза», возложена на европейские институты и национальные ведомства [29].

Поддержка выражается не только на словах, но и на деле. В 2016 г. страны ВГ солидаризировались с решением саммита НАТО в Варшаве об укреплении восточного фланга Альянса (enhanced Forward Presence) [20]. Меры

по подтверждению гарантий безопасности НАТО (NATO Assurance measures) для стран Балтии были предприняты силами стран ВГ уже в 2017 г. В первом квартале года был размещен контингент Чехии в Литве, во втором – контингент Словакии в Латвии, в третьем – контингент Венгрии в Эстонии, в четвертом – контингент Польши в Латвии. В основном страны направляли по одной роте, т.е. около 150 военнослужащих (Польша – до 300 чел.) в страны Балтии, где в соответствии с решением НАТО создавались боевые группы численностью около 1000 человек.

Интересно, что, несмотря на предпринятые меры по поддержке решений НАТО, по всей видимости, страны ВГ считают направление контингентов простым и гарантированно безопасным способом подтвердить свою лояльность и внести «членский взнос» в функционирование Альянса. Кроме того, за счет поддержки действий НАТО в странах Балтии можно несколько «сгладить» впечатление от невыполнения настойчиво требуемого США повышения военных расходов. Из стран ВГ к 2017 г. лишь Польша привела свои военные расходы в соответствие с натовским требованием в 2% от ВВП. Остальные хотя и начали повышение, но намерены выйти на 2% лишь к 2024 г. [19]. В 2017 г. показатели военных расходов составили в Чехии – 1,1% от ВВП (в 2014 г. – 1,0%), в Словакии – 1,2% (1,0%), в Венгрии – 1,1% (0,9%), в Польше – 2% (1,9%) [26]. Польша играет на национальных чувствах граждан, по-своему используя раскрученную в НАТО «угрозу с востока», укрепляя свою безопасность силами союзников.

Как и в случае с НАТО, страны ВГ поддерживают новые оборонные инициативы ЕС. В рамках Общей политики безопасности и обороны ЕС успешный опыт формирования Вышеградской боевой группы с оперативным штабом в Кракове в 2016 г. планируется развить в 2019 г. постановкой на дежурство новой боевой группы. Однако ни одна из боевых групп ЕС еще ни разу не применялась для реализации целей ОПБО, что ставит участие стран ВГ в создании многонациональных боевых групп ЕС в тот же разряд, что и участие в боевых группах НАТО на восточных границах Альянса: в качестве демонстрации солидарности.

В то же время миграционный кризис остается для стран ВГ фундаментальным вызовом, решение которого должен найти ЕС. Миграция упомянута не только в отдельном разделе совместного заявления по итогам венгерского председательства, но и в разделе «Безопасность и оборона», что может свидетельствовать о ее постепенном перемещении из категории вызовов в категорию угроз. Среди вопросов, связанных с безопасностью, она заняла почетное первое место, причем указана ее тесная связь с терроризмом. Предлагаемые ЕС решения миграционного кризиса не устраивают Венгрию, Чехию, Польшу и Словакию: «...пора убрать со стола разделяющие нас проекты и вместо этого сфокусироваться на элементах, которые объединят нас и реализуемы на практике, например создание системы контроля границы, которая будет направлена на остановку потока нелегальной миграции» [29].

¹ Источник: статистика поставок «Газпром экспорт» (www.gazpromexport.ru/statistics) и BP Statistical Review of World Energy, 2017. Расчеты автора.

² Отдельные сложные исторические вопросы не являются препятствием для развития взаимовыгодного экономического сотрудничества.

В отсутствие эффективных коллективных мер ЕС страны ВГ продолжают продвижение своего подхода, основанного на укреплении внешних границ Евросоюза и выделении экономической помощи странам на миграционных маршрутах за пределами ЕС. В марте 2018 г. страны ВГ предложили 35 млн евро властям Ливии на укрепление ведомств, занятых охраной границ, поддержали деятельность сил по борьбе с терроризмом и организованной преступностью (проект стран «сахельской пятерки») и рассмотрели идею создания финансового инструмента для проведения оборонных и военных операций ЕС (European Peace Facility) [19].

Заключение

Оценивая развитие вышеградского сотрудничества в сфере безопасности и обороны в 1991–2018 гг., можно сделать несколько выводов.

Сотрудничество в 1991–2014 гг. осуществлялось в чрезвычайно благоприятных, безопасных условиях. Первоначально ставилась цель вхождения в состав НАТО и ЕС, затем – демонстрации солидарности с целями и задачами новых партнеров и союзников. Последнее упрощалось тем фактом, что инициативы НАТО и ЕС до 2014 г. (миссии и операции на Ближнем Востоке и Балканах) не затрагивали иные интересы стран ВГ в сфере безопасности.

В 2012 г. новый виток интереса к сотрудничеству в сфере безопасности и обороны был вызван принятием новых стратегических документов и запуском инициатив НАТО и ЕС, и лишь затем изменившийся контекст региональной безопасности в 2014–2015 гг. побудил страны расширить повестку дня сотрудничества.

Лояльность вышеградских стран инициативам НАТО и ЕС определяется пониманием пределов собственных возможностей в сфере обороны и безопасности, сохранением необходимости демонстративно самоидентифицировать себя с западным миром и масштабом новых вызовов и угроз (например, нелегальная миграция, терроризм, «гибридная угроза»¹).

Перечень вызовов и угроз, обсуждаемых на заседаниях ВГ, в целом совпадает с перечнями в стратегических документах НАТО и ЕС, членами которых являются Польша, Чехия, Венгрия с 1999 г. и Словакия – с 2004 г., однако их приоритетность различается в зависимости от времени и степени актуальности для стран «четверки». Кризис на соседней Украине и действия России по воссоединению с Крымом были в центре внимания стран ВГ лишь в 2014–2015 гг. С декабря 2016 г. тема практически не поднимается, хотя моральная поддержка процессу реформ на Украине сохраняется. Вероятнее всего, причина – в разных подходах Польши и остальных стран к происходящему и крайне сложной ситуации на Украине.

В современных условиях предлагаемое НАТО решение так называемой гибридной угрозы удобно только Польше, разыгрывающей антироссийскую

карту для повышения гарантий национальной безопасности. Другие страны в осложнении отношений с Россией не заинтересованы и угрозы в ней не видят. Участие всех стран ВГ в укреплении восточного фланга НАТО – простой способ демонстрации солидарности в условиях несоблюдения требования НАТО по размеру военных расходов. Таким образом, обсуждение вопросов о создании и ротации «боевых групп» – необходимая тема заседаний ВГ.

Нелегальная миграция в страны ЕС из государств Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки – самый острый вызов для стран ВГ. Свидетельство этому – наибольшее количество заседаний разного уровня, посвященных проблеме. Встречи проводятся не только в формате «четверки» (В4), но и «В4+» – с представителями Австрии, Словении, Хорватии, Болгарии, Македонии. Таким образом, отсутствие удовлетворяющего страны решения на уровне ЕС способствует развитию вышеградского субрегионализма. У безликой солидарности ВГ через 10 лет после членства всех государств в ЕС и НАТО появляются «вышеградские оттенки» – самостоятельные проекты и предложения.

Список литературы

1. *Ведерников М.В.* Исторические предпосылки вышеградского политического стиля // Современная Европа. 2017. № 7 (79). С. 78–87.
2. *Габарта А.А.* Особенности социально-экономического сотрудничества стран Вишеградской группы на современном этапе // Вопросы экономики. 2018. № 2 (42). С. 95–100.
3. Декларация о сотрудничестве между Чехословацкой Федеративной Республикой, Республикой Польша и Республикой Венгрия, которые стремятся к евроинтеграции. Вишеград, 15 фев. 1991 г. – Режим доступа: <http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2> (дата обращения: 08.08.2018).
4. *Дрыночкин А.* Проблемы экономической оценки трансформационного развития вышеградских стран // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 50–59.
5. Закон України от 28 сент. 2017 г. № 2145-VIII «Про освіту».
6. Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты: сб. ст. // под ред. С.П. Глинкиной, Н.В. Куликовой. М.: Институт экономики РАН, 2016. – 332 с.
7. Премьер Венгрии назвал «примитивной» политику Евросоюза по отношению к России // ТАСС, Международная панорама. 28 июля 2018. – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5411493> (дата обращения: 29.07.2018).
8. *Шишелина Л.Н.* Вишеградская группа: четверть века по пути реформ // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. 2017. № 4. С. 100–104.
9. *Шишелина Л.Н.* Вишеградская четверка: 25 лет на карте Европы // Современная Европа. 2015. № 6 (66). С. 9–25.
10. *Шишелина Л.Н.* Россия и Центральная Европа: метаморфозы отношений на фоне трансформации и глобального кризиса // Nowa Polityka Wschodnia. 2017. № 1 (12). С. 17–27.
11. Bratislava Declaration of the Visegrad Group Heads of Government on the Deepening V4 Defence Cooperation. Dec. 9, 2014. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2014/bratislava-declaration> (date of treatment: 01.08.2018).
12. *Brzezinski Z.* A plan for Europe // Foreign Affairs. Vol. 74. 1995. No. 1 (Jan.– Feb.). P. 26–42.
13. Contents of Visegrad Cooperation, 1999. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/cooperation/contents-of-visegrad-110412> (date of treatment: 15.08.2018).

¹ Перечень угроз дан в соответствии с Совместным заявлением «Stronger Together – V4 Joint Statement» от 21.06.2018.

14. Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 establishing provisional measures in the area of international protection for the benefit of Italy and Greece. – Access mode: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015D1601> (date of treatment: 01.08.2018).
15. Declaration of the Visegrad Group – Responsibility for a Strong NATO. April 18, 2012. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/declaration-of-the> (date of treatment: 08.08.2018).
16. Deterrence and Defence Posture Review. May 20, 2012. – Access mode: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87597.htm (date of treatment: 20.08.2018).
17. *Goellner R.T.* Grundzüge der ungarischen Außenpolitik zwischen 1990 und 1994 // Südosteuropa von der Krise zur Transformation, Aus der Südosteuropa-Forschung, Band 12. Südosteuropa-Gesellschaft, 2000. S. 105–115.
18. Guidelines on the Future Areas of Visegrad Cooperation, 2004. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/cooperation/guidelines-on-the-future-110412> (date of treatment: 15.08.2018).
19. Joint Communiqué of the Visegrad Group Ministers of Defence. Budapest, March 27, 2018. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements> (date of treatment: 15.08.2018).
20. Joint Communiqué of the Visegrad Group Ministers of Defence. Niepolomice, Feb. 2, 2017. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements> (date of treatment: 15.08.2018).
21. Joint Statement of the Heads of Government of the Visegrad Group Countries. Bratislava, June 19, 2015. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/calendar/2015/joint-statement-of-the> (date of treatment: 08.08.2018).
22. Joint Statement of the Heads of Governments of the V4 Countries, 15.12.2016. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements> (date of treatment: 15.08.2018).
23. Joint Statement by the Prime Ministers of V4 Countries on migration. Budapest, July 19, 2017. – Access mode: <https://www.vlada.cz/assets/media-centrum/aktualne/Joint-Statement-by-the-Prime-Ministers-of-V4-Countries-on-migration.pdf> (date of treatment: 08.08.2018).
24. Long Term Vision of V4 Countries on Deepening their Defence Cooperation, Framework for an Enhanced V4 Defence Cooperation, Memorandum of Understanding on Establishment of the V4 EU BG. Visegrad, March 14, 2014. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements> (date of treatment: 15.08.2018).
25. *Lynch D., Misseroli A.* ESDP operations EU-ISS // Chaillot Paper 60. May 2003. P. 2–3.
26. Military Expenditure By Country As Percentage of Gross Domestic Product, 1949–2017. SIPRI. – Access mode: <https://www.sipri.org/databases/milex> (date of treatment: 05.08.2018).
27. *Nagy L., Kovács T.* Hungary 's Security and Defence Policy in the New Geostrategic Environment // Provlmatismo. 2009. T. 35. – Access mode: <http://www.elesme.gr/elesmengl/main.htm> (date of treatment: 15.08.2018).
28. Strategic Concept 'Active Engagement, Modern Defence', 19.11.2010. – Access mode: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_82705.htm (date of treatment: 15.08.2018).
29. Stronger Together – V4 Joint Statement. 21.06.2018. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements> (date of treatment: 15.08.2018).
30. V4 Letter to the Prime Minister of Italy. Budapest, July 19, 2017. – Access mode: <http://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements> (date of treatment: 15.08.2018).
31. *Whiteneck D.J.* Germany: Consensus Politics and Changing Security Paradigms // Enlarging NATO: The National Debates / Gale A. Mattox, Arthur R. Rachwald (eds.). Lynne Rienner Publishers, Inc., 2001. P. 35–55.
32. World Development Indicators Database // World Bank. – Access mode: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators> (date of treatment: 05.08.2018).

Левицкий Валерий Борисович,
заместитель начальника,
Управление международного сотрудничества
Аппарата Государственной Думы, Москва.
E-mail: vlevitsky@list.ru

Valery B. Levitskiy,
Deputy Head,
Department of International relations
State Duma Secretariat, Moscow.
E-mail: vlevitsky@list.ru

ОПЫТ ФРАНКОФОНИИ КАК ИНСТРУМЕНТА СОХРАНЕНИЯ И УСИЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ФРАНЦИИ В МИРЕ

EXPERIENCE OF THE FRANCOPHONIE AS THE INSTRUMENT OF PRESERVATION AND STRENGTHENING OF THE FRENCH INFLUENCE IN THE WORLD

Аннотация: XX век был ознаменован крушением французской и британской колониальных империй, а также геополитической трагедией – распадом СССР. Франция сумела использовать общность культурно-цивилизационных аспектов для построения со своими бывшими колониями диалоговой структуры – Франкофонии. Благодаря ее привлекательности состав Франкофонии расширился до 84 членов, включая ассоциированных членов и наблюдателей. Франкофония из чисто гуманитарного проекта превращается в гибкий многовекторный инструмент совмещения усилий разных стран при сильной, но не доминирующей роли Франции. Опыт Франкофонии может быть полезен для использования во внешней политике современной России.

Abstract: the twentieth century was marked by the collapse of the French and British colonial empires as well as the collapse of the USSR, a geopolitical tragedy. France managed to use the commonality of cultural and civilizational aspects to create the Francophonie, a structure to maintain dialog with its former colonies. Thanks to its attractiveness, the number of Francophonie members increased to 84, including associate members and observers. France uses the Francophonie actively in its foreign policy to promote its priorities without domination. The Francophonie experience can be helpful for use in the foreign policy of modern Russia.

Ключевые слова: Франция, Франкофония, внешняя политика, политика влияния, французский язык, культура.

Key words: France, the Francophonie, foreign policy, policy of influence, French language, culture.

XX век ознаменовался распадом империй: Российской, Германской и Австро-Венгерской после Первой мировой войны, колониальных Французской и Британской после Второй мировой войны. Хотя Франция и Великобритания, в ходе двух мировых войн оказались державами-победительницами, это не смогло остановить национально-освободительные движения, разгоревшиеся после Второй мировой войны в их колониях.

После распада двух колониальных империй на карте мира появились десятки новых государств, связанных со своими бывшими метрополиями общим языком и культурой. На основе этой общности сформировались два сообщества государств: Содружество наций и Франкофония. В данной статье будут рассматриваться особенности работы второго.

Опыт создания и развития этого сообщества может быть использован в современной России с учетом исторических и культурных различий. Прежде всего, стоит отметить, что колонизация Россией новых территорий в XVI–XIX вв. происходила существенно иначе, чем западноевропейскими державами: Испанией, Португалией, затем Великобританией и Францией. Отсутствие насильственной ассимиляции, с одной стороны, и активная проповедническая деятельность Русской Православной Церкви, с другой стороны, позволили со временем закрепить на обширных территориях русскую государственность, а вместе с ней – русский язык и русскую культуру, сохраняя при этом местные культуры. Позднее активная внешняя политика СССР при всей своей противоречивости способствовала продвижению русского языка и культуры на всех континентах.

К сожалению, распад СССР – крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, – как отметил Президент РФ В.В. Путин, – привел к тому, что десятки миллионов наших сограждан и соотечественников оказались за пределами российской территории [5]. Миллионы россиян покинули свою страну в 1990-е гг. в надежде на «легкую жизнь» и, столкнувшись с трудностями адаптации к местным реалиям, объединяются на основе причастности к русскому языку и культуре, сосуществуя или сливаясь со сложившимися структурами выходцев из России предшествующих волн миграции. Таким образом, была «создана огромная общность соотечественников, ...один большой, огромный Русский мир, который никогда не строился исключительно и только по этническому, национальному или религиозному признаку» [3]. В связи с этим интересно изучить опыт Франции в распространении своего влияния на пространстве, где исторически сильны позиции французского языка и культуры.

После распада Французской колониальной империи сложилась ситуация, в которой народы, ставшие на путь свободного развития, ощутили потребность в объединении усилий на основе некоей общности, и этой общностью стали французские язык и культура. Так родилась Франкофония.

В данной статье рассматривается возможность применения французского опыта к ситуации, сложившейся не только на постсоветском пространстве, но и за его пределами.

Термин «*франкофония*» впервые был предложен географом Э. Реклю, которые предложил так наименовать сообщество людей, разговаривающих по-французски и любящих этот язык, и страны, использующие этот язык [28, с. 43]. Доклад Обсерватории французского языка, опубликованный в 2014 г., утверждает, что на языке Вольтера говорят 274 млн человек, или 4% населе-

ния Земли, и, исходя из этой цифры, он является пятым в мире по употреблению. Ожидается, что к 2050 г. эта цифра достигнет 700 млн человек, что к тому времени будет составлять около 8% населения планеты [23, с. 236]. Такой прирост будет обусловлен прежде всего за счет африканских стран-франкофонов.

М.-Б. Лево в своем докладе [25], опубликованном в январе 2018 г., рассматривает пространства, где французский язык и культура воспринимаются в качестве ценности, в двух аспектах: институциональном (Международная организация Франкофонии, или Франкофония) и социально-культурно-демографическом, которое она называет франкофонией со строчной буквы «ф» [25, с. 6]. Далее в статье будет использован этот подход: Франкофония – международная организация, а франкофония – социально-культурно-демографическое пространство с сильными позициями французского языка и культуры.

Духовным источником зарождения современной франкофонии стала публикация в 1962 г. в специальном ноябрьском номере журнала «Эспри» серии статей по теме «Живой французский язык». Среди авторов: французы К. Буркинель и Ж.-М. Доменаш, сенегалец Л. Сенгор, Ф. Уфуе-Буани из Кот-д'Ивуар, тунисец Х. Бургиба, канадец из Квебека Ж.-М. Лежер¹ – выдающиеся знатоки французской культуры. В эпоху появления новых стран в свете деколонизации они задумались о том, чтобы язык и культура Франции не закрылись в национальных границах, а продолжали свое существование в прежних географических границах и даже расширяли их [19].

В 1960-е гг. XX столетия франкофония стала дипломатическим и геополитическим субъектом, находясь под воздействием влияния СССР и США в период «холодной войны». Стремясь сохранить свою идентичность, государства этого пространства искали мотив для сотрудничества и находили его во французском языке [25, с. 17]. Последовательная институционализация франкофонии стала выражением желания перейти от лингвистического проекта к сообществу, ориентированному на общие ценности, сотрудничество и солидарность.

Институционально франкофония оформилась в 1970 г., когда на саммите в Ниамей (Нигерия) путем подписания соответствующей Конвенции [14] было создано Агентство по культурному и техническому сотрудничеству. Изначально Франкофония не задумывалась как политическая организация. Агентство представляло собой общее пространство солидарности и сотрудничества на службе идеалов взаимопонимания и развития, цели которого – продвижение и распространение культур договаривающихся сторон и интенсификация культурного и технического сотрудничества между ними [14, с. 2]. Учитывая колониальное прошлое, Франция в тот период пыталась избежать любых признаков вмешательства севера в дела юга. Конвенция

¹ Основатель ассоциации университетов, полностью или частично обучающих студентов на французском языке.

1970 г. провозглашала сближение народов в духе равенства, взаимодополняемости и солидарности [25, с. 26].

На саммите в Котону (Бенин) в 1995 г. Агентство по культурному и техническому сотрудничеству было преобразовано в Международную организацию Франкофонии с секретариатом в Париже. Избрание в 1997 г. генеральным секретарем Международной организации Франкофонии Бутроса Бутрос-Гали стало проявлением желания глав государств-членов придать организации мировое политическое значение [10, с. 33].

В плане действий, принятом в Монктоне (Канада) в 1999 г. было подчеркнута, что существенной миссией Франкофонии является продвижение общего понимания мира, демократии и прав человека и необходимость следовать данному курсу путем объединения усилий с соответствующими международными организациями [15]. В том же документе была обозначена задача способствовать культурному многообразию, противодействуя гегемонии одного языка или одной культуры.

Международная организация Франкофонии объединяет на сегодняшний день 84 страны или территориальные единицы, в том числе 54 полноправных члена, 4 ассоциированных члена и 26 наблюдателей¹. День подписания Конвенции в Ниамей – 20 марта – отмечается как Международный день Франкофонии.

В том, что касается культурного и лингвистического многообразия, Франкофония сумела сохранить свое первоначальное предназначение и стала проводником мультикультуризма, что проявилось при подготовке Конвенции ЮНЕСКО по защите и продвижению разнообразия выражения культур, принятой в 2005 г., когда все страны – члены организации действовали исходя из общей позиции. К тому же политика продвижения культурного разнообразия лежит в русле «дипломатии влияния»², проводимой Францией с 2008 г.

В области демократии, свобод и прав человека Франкофония по существу является инструментом влияния на страны с нестабильными политиче-

¹ Члены Международной организации Франкофонии: Албания, Андорра, Армения, Бельгия, Бенин, Болгария, Буркина Фасо, Бурунди, Вануату, Вьетнам, Габон, Греция, Гвинея, Гвинея-Бисау, Гаити, Демократическая Республика Конго, Джибути, Доминика, Египет, Кабо-Верде, Камбоджа, Камерун, Канада, Канада/Новый Брунсвик, Канада/Квебек, Коморские острова, Конго, Кот-д'Ивуар, Македония, Лаос, Ливан, Люксембург, Мадагаскар, Мали, Марокко, Маврикий, Мавритания, Молдавия, Монако, Нигер, Румыния, Руанда, Сент-Люсия, Сан-Томе и Принсипи, Сенегал, Сейшельские острова, Тунис, Швейцария, Чад, Федерация Валлония-Брюссель, Франция, Центральноафриканская Республика, Экваториальная Гвинея. Ассоциированные члены: Гана, Катар, Кипр, Новая Каледония. Наблюдатели: Аргентина, Австрия, Босния и Герцеговина, Канада/Онтарио, Южная Корея, Коста-Рика, Хорватия, Доминиканская Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Эстония, Грузия, Венгрия, Косово, Латвия, Литва, Мексика, Черногория, Мозамбик, Польша, Сербия, Словакия, Словения, Чешская Республика, Таиланд, Украина, Уругвай.

² В 2004–2007 г. во Франции происходил переход от прежней внешней культурной политики сияния к новой политике влияния. Этот термин был закреплен в «Белой книге по внешней политике Франции на 2008–2020 гг.», положившей начало структурной реформе внешней политики страны.

скими режимами в целях защиты конституционного порядка [10, с. 35]. При этом организация не смогла уйти от двойных стандартов: в апреле 2009 г. было приостановлено членство Мадагаскара вследствие политического кризиса в стране, но фактически была оказана поддержка «арабской весне» в ряде стран на севере африканского континента в следующем году.

Влияние Франкофонии прослеживается также при назначении на руководящие должности в международных организациях. В частности, объединяя более 1/3 государств – членов ООН, Франкофония представляет собой группу, которая благодаря своей численности обладает потенциальным влиянием. Для таких государств, как Швейцария, не входящая в состав ЕС, подобная поддержка представляет собой огромное значение при продвижении своих инициатив или кандидатур [10, с. 36].

Деятельность организации регулируется Хартией Франкофонии, принятой в ноябре 1997 г. на саммите в Ханое с изменениями, внесенными на саммите в Антананариву в 2005 г. В этом документе подчеркивается, что французский язык и всеобщие ценности служат миру, сотрудничеству, солидарности и устойчивому развитию. При этом организация имеет целью оказание содействия в установлении правового государства и соблюдении прав человека, установлении диалога между культурами и цивилизациями, интенсификации диалога культур и цивилизаций, сближении народов через взаимопонимание, усиление их солидарности через многостороннее взаимодействие, помощь в образовании [25, с. 6].

Принятие Хартии представляло собой важный качественный скачок в институционализации Франкофонии. По сути, оно формализовало создание многосторонней международной организации франкофонов, направленной на сотрудничество во многих областях [25, с. 27].

Основными **органами Международной организации Франкофонии** (МОФ) являются:

– *саммит глав государств*. С начала основания МОФ было проведено 16 саммитов глав государств и правительств. По окончании каждого из них на консенсусной основе принимаются декларация, тематические резолюции, а также стратегические направления совместной деятельности по определенному вопросу. Очередной саммит состоялся в Армении 12 октября 2018 г. [17];

– *Министерская конференция Франкофонии*, которая призвана рассматривать исполнение решений, принятых на саммитах, определять основные направления совместных действий в рамках Франкофонии, утверждать бюджет, обсуждать специфические вопросы, например вопросы участия стран-франкофонов в операциях по поддержанию мира, продвижению культурного и языкового разнообразия и т.д.;

– *Постоянный комитет Франкофонии*. Обсуждает вопросы имплементации предыдущего саммита и подготовки нового, а также решений министерских конференций, бюджетные и финансовые вопросы, выработку про-

грамм деятельности и решает другие задачи в рамках Хартии организации. Одной из его задач является продвижение решений, принятых на саммитах [12, с. 3]. В Постоянном совете председательствует Генеральный секретарь, избираемый на четыре года. Его мандат может обновляться неограниченное количество раз;

– *Парламентская организация Франкофонии*, появившаяся в 1993 г. на базе созданной в мае 1967 г. Международной ассоциации парламентариев французского языка (Association internationale des parlementaires de langue française – AIPLF). В настоящее время в ее составе: 52 члена, 14 ассоциированных членов и 19 наблюдателей. Штаб-квартира находится в Париже, в помещениях Национальной ассамблеи Франции.

Один раз в год (обычно в июле) в течение пяти рабочих дней проводятся заседания Пленарной ассамблеи; 2 раза в год, перед ассамблеей и зимой, проходят заседания бюро МОФ. В течение года проводятся заседания четырех комиссий: по парламентским вопросам, сотрудничеству и развитию, образованию, коммуникациям и культурным вопросам и по политическим вопросам.

Хартия перечисляет также ряд **организаций, являющихся операторами МОФ** – ассоциации, учебные заведения, телевизионный канал, способствующие выполнению организацией своих целей. К их числу относятся:

– *Университетское агентство Франкофонии*. Объединяет более 800 учебных и исследовательских заведений в 106 странах мира [20], составляющих сеть, ведущую работу по восьми программам действий и помощи;

– *Университет Сенгора*, созданный в 1990 г. для обучения студентов из африканских стран на французском языке, формирует специалистов в сфере государственного управления, здравоохранения, защиты окружающей среды, образования и сохранения культурного наследия [20];

– *телеканал TV5*. Создан в 1984 г. в целях укрепления позиций французского языка среди франкофонов, франкофилов и вообще тех, кто изучает французский язык;

– *Форум деловой Франкофонии* был создан в 1987 г. как объединение экономических акторов – профессиональных организаций (сельхозпроизводителей, туристических, транспортных, юридических организаций и т.д.). Он имеет целью создание и развитие связей между профессионалами, работающими в сходных секторах экономики, сталкивающимися со сходными проблемами и общающимися на одном языке [21, с. 90];

– *Международная ассоциация мэров франкофонов*. Была создана в 1979 г. по инициативе мэров Парижа и Квебека Ж. Ширака и Ж. Пеллетье. Целью ее деятельности является облегчение реализации проектов через обмен знаниями и практиками в областях городского управления и развития, децентрализации, инновации, межкультурного диалога и т.д. [6].

В период с 2010 по 2013 г. годовой бюджет МОФ составлял 85 млн евро, которые распределялись на выполнение четырех миссий: «А» – расходы

на французский язык и лингвистическое и культурное разнообразие (38%), «В» – на образование, высшее образование и исследовательские работы (17%), «С» – на программы мира, демократии, прав человека (27%) и «D» – на программы устойчивого развития, экономику и солидарность (12%).

Более 30% всех расходов берет на себя Франция, внося: 14 млн евро – в качестве уставного члена; 8 млн евро – в качестве добровольного взноса; 5 млн евро в год – на оплату аренды помещений штаб-квартиры организации [22, с. 45]. В последние годы Франция снизила свой взнос на 25%, и в 2016 г. бюджет организации составил 72 млн евро [20]. В этих цифрах не учитывается прямое или косвенное финансирование Францией многочисленных двусторонних программ сотрудничества через министерства иностранных дел, культуры, экономики, образования и др. Конкретные цифры предоставить затруднительно, но, по оценке М.-Б. Лево, речь идет о сумме порядка 200 млн евро в год [25, с. 48].

В начальный период Правительство Франции предпочитало соблюдать некую дистанцию по отношению к организации, избегая обвинений в неокOLONIALИЗМЕ, в том случае если Франция и ее представители будут диктовать повестку дня [18, с. 28]. В настоящее время эта позиция пересматривается. В информационном докладе Сената, подготовленном в 2017 г., отмечается: «Другие страны франкофонии находятся в ожидании не доминирования Франции, а в ее примере и французском вовлечении в лингвистические темы... Как представляется, в глазах других более активных по лингвистическим сюжетам стран-франкофонов Франция достаточно мало озабочена французским языком» [18, с. 28].

По мнению французских авторов, Франкофония, как и ряд других международных организаций, «теряет скорость, связанная дипломатическими процессами, далекими от ожиданий франкофонного населения» [18, с. 96]. Высказывается тревога, что Франкофония постепенно отдаляется от французского языка [7, с. 8]. Процентное соотношение действительных франкофонов в общей численности населения стран Франкофонии неизбежно и головокружительно снижается [13, с. 126].

В качестве выхода из ситуации в докладе Л. Дювернуа и С. Лепажа предлагается создать в МОФ ядро из примерно 30 государств, в которых французский язык является государственным языком или в которых не менее 20% населения говорят по-французски. В остальных, которых назвали вторым кругом (second cercle), предлагается развивать преподавание французского в форме «лингвистического пакта» [18, с. 46].

С точки зрения французских экспертов, французский язык является одним из составляющих, непосредственно относящихся к национальным интересам. Французский язык и его вес являются неоценимыми козырями для укрепления позиций Франции в мировой экономике и торговле [7, с. 7]. Подчеркивается также, что в случае потери позиций французского языка в мире неизбежна потеря Францией своего влияния [20].

Существует и обратная сторона процесса сохранения французского языка: в странах Северной Африки и части стран южнее Сахары он является языком «социальной мобильности», то есть инструментом помощи в регулировании миграционных потоков в развитые страны Западной Европы [7, с. 16]. Таким образом, французский язык больше не является пропуском в высшее общество, как это было ранее. В той среде, где он сохраняет позиции, происходит конкуренция с процессом распространения среди местного населения арабского языка.

В связи с этим интересна точка зрения М.-Б. Лево, которая Франкофонию рассматривает как пространство культурного, научного, экономического сотрудничества, где допустимо использование разных языков для достижения общих политических целей. В лингвистическом плане французский язык перестает быть единственным средством общения, хотя приоритет его преподавания на всех уровнях во франкофонном пространстве остается [25, с. 20]. Он может и должен оставаться средством коммуникации, а также распространения ценностей экономического характера, в первую очередь в бизнесе, а также средством технической экспертизы, которая позволяет внедрять нормы и знания при распространении передовых технологий, достижений в разных областях, включая устойчивое развитие. То же относится и к области права, безопасности и иных сфер человеческой деятельности [25, с. 50].

В контексте «Брекзита» Франция нацелилась на укрепление позиций своего языка в Европейском Союзе. В объединении не остается стран с английским языком (в Ирландии в качестве государственного языка выступает гэльский), и Франция намерена изменить ситуацию в европейских институтах в свою пользу, пользуясь поддержкой европейских членов Франкофонии. В целом же во Франции не питают иллюзий о возможности проведения широкомасштабных координированных действий стран-франкофонов в рамках брюссельских институтов. Консультации в рамках Группы послов-франкофонов при ЕС показывают разобщение по основным пунктам повестки дня, особенно по миграции и социальным вопросам [25, с. 54].

В целом эксперты сходятся во мнении, что Франкофония является возможным ресурсом для гибкой дипломатии влияния, при этом практически невозможно использовать ее в качестве инструмента для манипулирования со стороны одной страны. Слишком различны интересы стран, составляющих МОФ, их географическое, историческое, культурное разнообразие; геополитическое и политическое влияние других мировых держав требуют создания баланса интересов и его поддержания. В то же время на правительственном уровне Франкофония является тем органом, где выслушиваются мнения, оказывается поддержка, оттачиваются идеи, а реализация стратегических проектов проводится методами, отличными от традиционной дипломатии [25, с. 34].

В системе государственного управления Франции вопросами франкофонии занимался соответствующий государственный секретариат (послед-

нее название – Государственный секретариат по делам развития и франкофонии), упраздненный в мае 2017 г. С тех пор вопросами Франкофонии занимается Генеральный директорат по делам мондиализации, культуры и образования Министерства иностранных дел, а также территориальные функциональные подразделения Министерства, отвечающие за двусторонние связи. По мнению экспертов, это является недостаточным, поскольку программы сотрудничества с пространством МОФ должны осуществляться совместно с министерствами экономики, бюджета, образования, культуры.

При этом не следует считать, что Франкофония является для властей Франции маргинальной темой. В своем выступлении перед дипломатическим корпусом в августе 2017 г. Президент страны Э. Макрон использовал термин «Франкофония» 11 раз, подчеркнув, что она «является великолепным шансом, данным нам для распространения влияния на все континенты» [16].

Тем не менее, даже в публикациях 2018 г., эксперты бьют тревогу в отношении будущего Франции во Франкофонии вследствие отсутствия единой политики в отношении этого объединения. Ей требуется централизованная структура, которая играла бы координирующую роль в политике Франции в данной области [20; 25; 18; 7].

Такая озабоченность судьбой Франкофонии объясняется прежде всего экономическими факторами. Тридцать стран-франкофонов Африки обладают: 6% резервов энергетических ресурсов мира, 7% мирового населения, 8% ВВП, 11% сельскохозяйственных земель, 12% мирового экспорта, 14% прямых иностранных инвестиций. В период с 2000 по 2011 г. их экономический рост в среднем составлял 5%, что немного ниже, чем в Азии, и существенно выше европейского [30, с. 2]. В то же время активность США, Китая, Индии, Бразилии, Турции и других акторов привела к снижению присутствия Франции на рынках стран южнее Сахары с 10,1% до 4,7% с 2000 по 2011 г. [30, с. 4].

В отличие от британского Содружества наций Франкофония достаточно поздно приступила к обсуждению вопросов экономики. Доклад Ж. Аттали [9] дал импульс выработке Экономической стратегии Франкофонии, которая была принята на саммите глав государств в Дакаре в 2014 г. В рамках ее реализации работают программы для молодежи и женщин-предпринимателей, проводятся экономические форумы Франкофонии (Дакар в 2014 г., Париж в 2015 г., Мадагаскар в 2017 г.), совещания министров финансов на полях ежегодных собраний Всемирного банка, организация Экономических и цифровых дней Франкофонии [20].

При этом географический приоритет отдается странам южного и восточного Средиземноморья, а также странам южнее Сахары. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, государства этого региона традиционно являются важными экономическими и торговыми партнерами Франции. Во-вторых, этот регион служит источником и в то же время перевалочным

пунктом, через который в Европу, в том числе и во Францию, попадает большинство легальных и нелегальных мигрантов, в то время как европейская экономика испытывает нехватку неквалифицированной рабочей силы. Цель политики Парижа в этом направлении – поставить заслон нелегальному въезду мигрантов. В связи с этим была поставлена задача роста экономики в странах региона, создания рабочих мест и, как следствие, повышение уровня жизни в этих странах [4, с. 233–235]. В-третьих, в вопросах обеспечения безопасности Париж стремится укрепить свое влияние в регионе, который он считает как воротами на Ближний Восток, так и плацдармом для продвижения на Африканский континент. Африка воспринимается Парижем как регион, где формируется будущее Франкофонии и – в более широком контексте – будущее французского языка и культурного влияния Франции [17]. Наконец, Париж надеется компенсировать рост роли Германии в ЕС своим усилением в странах Африки, где Франция позиционирует себя как Представителя Европейского Союза [4, с. 236].

Современные технологии заставляют задумываться о новых направлениях сотрудничества, среди которых цифровая Франкофония, предусматривающая не только доступ к Интернету, но и широкое применение цифровых продуктов, включая телевидение, на французском языке [20].

Благодаря грамотной политике Франции ей удалось не только объединить вокруг себя бывшие колонии, но и привлечь к объединению страны, не имеющие отношения к французскому языку. При помощи Франкофонии Франция совместно с Бельгией, Канадой и Швейцарией оказывает помощь развивающимся странам Африки. Укрепляются торговые, экономические и политические связи с рядом стран Европы. Франкофония активно координирует свои действия с ООН и Советом по правам человека, Африканским Союзом, ЮНЕСКО и множеством других международных организаций. Если вспомнить эпоху, когда Франция владела умами всего мира, можно с полной уверенностью говорить, что активное распространение французской культуры – действенный инструмент Франции в проведении своей современной международной политики [2, с. 94].

Используя инструменты и возможности Франкофонии, Франция решает ряд задач в зоне своих геополитических интересов прежде всего за счет культурно-цивилизационных факторов, через которые она стремится распространять максимум экономического и политического влияния. Несмотря на то что отношения Франции с бывшими колониями отягощены историческим прошлым, она активно использует рычаги культурной политики для распространения своего политического и экономического влияния на стратегически важные страны [2, с. 97].

Таким образом, Франкофония из чисто гуманитарного проекта превращается в гибкий многовекторный инструмент совмещения усилий разных стран при сильной, но не доминирующей роли Франции, что объясняется процессом глобализации, характеризующимся стремительным взаимным

проникновением и усилением взаимозависимости национальных государств [1, с. 38].

Сотрудничество в сфере культуры, науки, образования, социальных вопросов, здравоохранения в начальный период деятельности МОФ заложило основу для дальнейшего развития организации, что проявилось в принятии в 1997 г. Хартии в Ханое с изменениями, внесенными в 2005 г. в Антананариву. Этот документ послужил основой для перехода к следующему этапу Франкофонии – созданию полноценной международной организации.

Проблемы, обсуждаемые в экспертном сообществе, свидетельствуют о том, что это объединение было и остается в центре внимания французской внешней политики, что, однако, не обсуждается публично. Имевшая место в 1990-е гг. XX столетия презумпция вины Франции перед своими бывшими колониями сменилась осторожной и взвешенной политикой, направленной в первую очередь на решение экономических задач страны.

Как представляется, Франкофония не может служить прототипом организации типа СНГ, поскольку создавалась в первую очередь как политический и экономический союз. Формирующийся в настоящее время Евразийский союз также строится на основании экономического, а не культурно-исторического единства.

Опыт Франкофонии может быть применен для создания международной организации, основанной на общепризнанных ценностях и объединенной вокруг русского языка и русской культуры. В этом отношении такое объединение может и должно стать гораздо шире постсоветского пространства, учитывая мощь и исторические корни русской культуры, широкие слои русскоязычного населения, проживающего в так называемом дальнем зарубежье.

Список литературы

1. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Мир и война. М.: Восток-Запад, 2011.
2. Бокерия С.Н., Соколова Н.В. «Мягкая сила» как инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте культурно-лингвистической политики Франции // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2014. № 2. С. 93–100.
3. Выступление Президента России В.В. Путина на VI Всемирном конгрессе соотечественников. 31.10.2018. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/59003> (дата обращения: 24.12.2018).
4. Зверева Т.В. Внешняя политика современной Франции. М.: Канон-плюс, 2014.
5. Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апр. 2005 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 12.08.2018).
6. Сайт ассоциации мэров франкофонов. – Режим доступа: <http://www.aimf.asso.fr/> (дата обращения: 13.08.2018).
7. Amirshani P. La Francophonie: acton culturelle, éducative et éonomque. Rapport d'information. Assemblée natonale. 2014.
8. Assamlee Parlementaire de la Francophonie. – Access mode: <http://apf.francophonie.org/-Missions-d-observation-electorale-33-.html> (date of treatment: 12.08.2018).
9. Attali J. La francophonie et la francophilie, moteurs de la croissance durable. Rapport à François Hollande. Août 2014. – Access mode: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapportspublics/144000511.pdf> (date of treatment: 09.05.2018).

10. *Calmy-Rey M.* La Francophonie dans la gouvernance mondiale. *Géoéconomie*, n°54 – été 2009.
11. *Cerquiglini B.* La formation des élites francophones. *Géoéconomie*, n°54 – été 2009.
12. Charte de la Francophonie adoptée par CMF, Antananarivo, le 23 novembre 2005. – Access mode: https://www.francophonie.org/IMG/pdf/charte_francophonie_antananarivo_2005.pdf (date of treatment: 19.11.2017).
13. *Chaudenson R.* La place de la langue française dans la francophonie. *Hérodote*. 2007/3 n°126.
14. Convention relative à l'Agence de coopération culturelle et technique conclue à Niamey le 20 mars 1970. – Access mode: <http://www.lexfind.ch/dta/26261/3/0.440.7.fr.pdf> (date of treatment: 03.03.2018).
15. Déclaration de Moncton. 5 septembre 1999. – Access mode: <http://perspective.usherbrooke.ca/bilan/servlet/BMDictionnaire?iddictionnaire=2096> (date of treatment: 03.03.2018).
16. Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. 29 août 2017. – Access mode: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-ouverture-de-la-conference-des-ambassadeurs/> (date of treatment: 08.08.2018).
17. Discours du Président de la République à l'ouverture de la conférence des Ambassadeurs. 26 août 2018. – Access mode: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs/> (date of treatment: 28.08.2018).
18. *Duvernois L., Lepage C.* Rapport d'information fait au nom de la commission de la culture, de l'éducation et de la communication sur l'avenir de la francophonie. Sénat. 2017.
19. Encyclopedie de la Francophonie – Access mode: http://agora-2.org/francophonie.nsf/Dossiers/Esprit_rev (date of treatment: 12.08.2018).
20. *Gazeau-Secret A.* La francophonie politique dans tous ses états. – Access mode: <https://www.les-crisis.fr/la-francophonie-politique-dans-tous-ses-etats-par-anne-gazeau-secret/> (date of treatment: 09.05.2018).
21. *Gentili S.* La FFA associé au Sommet des chefs d'Etat et de gouvernement francophone. *Géoéconomie*, n°54 – été 2009.
22. *L'Estrac J.-Cl. de.* Francophonie – de Hanoi à Dakar. Collection document. 2016.
23. La langue française dans le Monde. Observatoire de la langue française. Nathan. 2014.
24. La langue française dans le monde 2014. Organisation international de la francophonie. – Access mode: <https://www.francophonie.org/Langue-Francaise-2014/projet/Rapport-OIF-2014.pdf> (date of treatment: 19.11.2018).
25. *Levaux M.-B.* Le rôle de la France dans une francophonie dynamique. Avis du Conseil économique, social et environnemental // Journal officiel de la République Française. Mandature 2015–2020. – Séance du 10 janvier 2018.
26. Nomination: Leila Slimani représentante de la francophonie. La Dépêche du Midi. 07.11.2017.
27. *Overmann M.* Organisation, charte et missions de la Francophonie. – Access mode: http://portaildufle.info/index.php?option=com_content&view=article&id=59&Itemid=141 (date of treatment: 08.08.2018).
28. *Reclus O.* France, Algérie et colonies // Michel Tétu, La Francophonie: histoire, problématique, perspectives. Montréal: Guérin Universitaire, 1992.
29. *Saragosse M.-Ch.* TV5MONDE, ce n'est pas seulement une chaîne de TV. *Géoéconomie*, n°54 – été 2009.
30. *Vedrine H.* and Co-authors. Un partenariat pour l'avenir: 15 propositions pour une nouvelle dynamique économique entre l'Afrique et la France. Rapport eu Ministre de l'économie et des finances. Décembre 2013.

Черникина Вероника Николаевна,

студентка 2-го курса уровня магистратуры,
Московский государственный лингвистический университет, Москва.
E-mail: veronika.chernikina@gmail.com

Veronika N. Chernikina,

the 2nd year student of the master's degree,
Moscow State Linguistic University, Moscow.
E-mail: veronika.chernikina@gmail.com

МОДЕЛИ НЕЙТРАЛИТЕТА ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН

EUROPEAN COUNTRIES NEUTRALITY MODELS

Аннотация: в статье рассматриваются особенности моделей нейтралитета ряда европейских стран. Дана оценка и проведен анализ основных тенденции во внешней и внутренней политике нейтральных государств. Значительное внимание уделяется историческим предпосылкам следования данному внешнеполитическому курсу в Австрии, Ирландии, Швейцарии, Швеции и Финляндии. Проводится сравнительный анализ моделей нейтралитета данных европейских государств по ряду критериев. Проведен анализ основополагающих доктринальных документов нейтральных стран и сделан ряд выводов, позволяющих установить определенные закономерности и составить прогноз относительно возможностей трансформации европейской нейтральной зоны.

Ключевые слова: международная безопасность, нейтралитет, политика военного неприятия, стратегия национальной безопасности, НАТО, Австрия, Ирландия, Финляндия, Швейцария, Швеция.

Abstract: this article examines the features of the models of neutrality several European states. The author assesses and analyzes the main trends in the foreign and domestic policy of the neutral states. Considerable attention is given to the historical background of following this foreign policy in Austria, Ireland, Switzerland, Sweden and Finland. A comparative analysis of the neutrality models of these European states is carried out according to some criteria. The article carried out the analysis of the fundamental doctrinal documents of the neutral countries, resulted in a number of conclusions, which allow to establish certain regularities and make a forecast regarding the possibilities of transformation of the European neutral zone.

Key words: international security, neutrality, a policy of military non-alignment, the National Security Strategy, NATO, Austria, Ireland, Finland, Switzerland, Sweden.

Введение

Международные отношения находятся в процессе постоянного развития. Динамика этого развития определяется разными тенденциями, событиями, рисками и угрозами, с которыми сталкивается каждое государство. Межгосударственное сотрудничество постоянно расширяется, что, в свою очередь, приводит к возникновению новых институтов, обладающих достаточной силой и властью для оказания влияния на процессы, происходящие как в отдельных государствах, так и во всем мире. В то же время возникает всё больше проблем, решить которые в одиночку государство не в силах.

Уровень взаимной зависимости и интеграции европейских государств в настоящее время исключительно высок. Вследствие этого многие возникающие проблемы и угрозы могут быть разрешены лишь коллективными усилиями. На смену элементам прежней системы европейской безопасности, опиравшейся на принцип баланса сил, пришли новые модели, однако зарекомендовать свою эффективность они пока не смогли. В связи с этим особое внимание уделяется разработке новых концепций, учитывающих наследие традиционной политической культуры Европы. Одной из них является политика нейтралитета – одна из старейших форм государственной политики, способствующая поддержанию мира и стабильности.

В настоящее время принято считать, что в Европе только пять государств придерживаются политики нейтралитета: Австрия, Ирландия, Финляндия, Швейцария и Швеция. Закономерно возникает вопрос целесообразности следования нейтральному курсу в эпоху глобализации, когда оставаться в стороне от международных конфликтов и проблем невозможно. Тем более примечателен тот факт, что каждая из перечисленных выше стран вкладывает в понятие «нейтралитет» свой смысл и свободно его трактует.

Споры о целесообразности следования нейтральному курсу не утихают и в настоящее время. Аргументы в пользу преимуществ данной внешнеполитической стратегии сталкиваются с резкой критикой глобалистов, полагающих, что у современного государства шансов оставаться в стороне от актуальных международных проблем и событий практически нет. Изучение особенностей моделей нейтралитета стран Европы позволяет понять суть внутривнутриполитических процессов, происходящих в них. Критериями для сравнения в данном случае выступают:

- 1) время и причина принятия нейтралитета;
- 2) тип нейтралитета;
- 3) трансформация политики нейтралитета или изменения в ее трактовке.

Самой «известной» моделью нейтралитета является *швейцарская*. Страна, ставшая синонимом понятия нейтральности, не участвует в войнах с XIX века. Швейцария не намерена пересматривать свою позицию в данном вопросе. Отказавшись вступить в ЕС, она четко обозначила свои национальные интересы, и каких-либо перемен в политическом курсе страны не ожидается.

Ситуация, сложившаяся вокруг других европейских стран, следующих политике нейтралитета, является менее определенной. Все четыре страны входят в состав ЕС и всё больше наращивают сотрудничество с военно-политическим блоком НАТО.

Трансформация нейтралитета в Австрии

Руководствуясь разными факторами, включая вопросы собственной безопасности, Австрия провозгласила новый политический статус в 1955 г., подписав Федеральный конституционный закон [12] и навсегда сделав эту дату

частью исторической памяти нации. 1954 г. стал отправной точкой, положившей начало разделению Европы на два противоборствующих лагеря, впоследствии ставших военными блоками. Перед страной встала реальная угроза быть «разорванной на части» соперничающими сторонами по аналогии случившегося с Германией и Кореей. Австрия не хотела становиться разменной монетой в спорах США и Советского Союза. Официальная Вена начала проводить более гибкий политический курс, стремясь к сотрудничеству как с СССР, так и с его соперниками из западного блока. В то время одной из главных целей советской дипломатии было расширение на территории Европы «нейтральной зоны», уже включавшей в себя северные Финляндию и Швецию, а также Швейцарию и Югославию. Австрия пересмотрела свою внешнеполитическую роль и уже 70 лет официально придерживается политики нейтралитета.

Говоря об особенностях нейтралитета Австрии, следует отметить его ключевую отличительную черту: австрийский нейтралитет является самым «молодым» в Европе. Это явление за достаточно короткий промежуток времени стало частью национальной самоидентичности австрийцев. Изначально нейтралитет задумывался как своеобразная разновидность швейцарского нейтралитета, но впоследствии пошел по своему собственному пути. Австрийский нейтралитет развивался стремительно и всё еще продолжает трансформироваться [16, с. 240].

После окончания «холодной войны» Австрия продолжает позиционировать себя страной-мостом между Западом и Востоком. Доказательством авторитета страны на международной арене, а также уважения к ее «посреднической» миссии является тот факт, что австрийская столица традиционно используется в качестве «диалоговой площадки» многими политическими организациями. Наравне с такими городами, как Нью-Йорк, Брюссель и Лондон, Вена превратилась в один из ключевых политических центров не только Европы, но и всего мира.

Специфические черты австрийской модели начали оформляться в период 1955–1965 гг., когда страна стала членом ООН и Совета Европы. Швейцарская модель уже не была идеалом для австрийцев, но оставалась ориентиром. После вступления страны в Европейский Союз в 1995 г. во внешнеполитической концепции Австрии наблюдается постепенный переход от постоянного нейтралитета к так называемому избирательному. Дифференцированный, то есть «свободный от альянса», нейтралитет позволил руководству страны уделять особое внимание политике солидарности с европейским и международным сообществами, что означало принятие Австрией «западной» точки зрения на происходящие в мире процессы, зачастую идентичной с позицией Вашингтона.

Доктрина безопасности и обороны Австрии от 2001 г. подчеркивает недопустимость принятия самостоятельных решений в политике безопасности страны: «...проблемы могут решаться только через международное сотрудничество в духе солидарности» [22, с. 1]. Подчеркивалась важность

сотрудничества между Россией, НАТО и ЕС для совместного укрепления и поддержания безопасности на континенте. Следует отметить, что документ акцентирует внимание на том, что пересмотр Правительством Австрии политики нейтралитета или принятие решения о присоединении к НАТО может решаться только путем проведения референдума, в ходе которого население страны выскажется за или против [22, с. 10]. Кроме этого, необходимо выделить раздел «От нейтралитета к солидарности», где прямым текстом указывается, что международно-политический статус Австрии соответствует статусу страны, проводящей политику военного неприсоединения, а не нейтральному государству [22, с. 8].

Согласно опросам общественного мнения, австрийские граждане рассматривают политику нейтралитета через призму своей культуры. Стратегия национальной безопасности, принятая в июле 2013 г. [20, с. 8], подтверждает приверженность страны политике нейтралитета, давая ему определение «вечного». В политических кругах дебаты по данному вопросу продолжаются и продолжаются. Правоцентристская Австрийская народная партия (АНП) настаивает на вступлении в Евроатлантический альянс. Однако отношения НАТО–Австрия и так активно развиваются. Австрия не только является участницей программы «Партнерство ради мира», но и имеет индивидуальную программу сотрудничества с Альянсом [21].

Очевидны изменения, которые претерпела австрийская модель нейтралитета. Пример Швейцарии так и не стал «эталонном» для австрийцев. Наиболее точно позицию Австрии раскрывает высказывание бывшего канцлера Юлиуса Рааба, утверждавшего, что быть нейтральным означает стремление по мере возможности жить в дружбе со всеми государствами и народами [18, с. 699–700].

Нейтралитет Ирландии как национальный миф

Концепцию ирландского нейтралитета впервые выдвинул Теобальд Вулф Тон еще в 1790 г. Ее полностью поддерживали те, кто принимал участие в восстании 1916 г. и в войне за независимость от Британской империи. Начиная с 1930-х гг. XX века Ирландия следует политике нейтралитета, а основной причиной ее принятия называет отделение от Великобритании.

В ирландском обществе популярно представление о том, что страна придерживалась последовательного нейтралитета во время Второй мировой войны, поэтому перспектива членства в НАТО вызывает неприятие у значительной части населения. Попытка скрыть от общественности существенную экономическую зависимость от соседней Великобритании и ее союзника, США, являлась основной целью на протяжении многих лет. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль последовательно критиковал ирландский нейтралитет, а также позицию Правительства Имона де Валера, утверждая, что всё это создает угрозу безопасности Британии [14, с. 43].

В 1940-е гг. Правительство Ирландии отказывалось воевать на стороне англичан и даже закрыло свои воздушные и морские порты для авиации и флота союзников. В глазах населения нацистская Германия не являлась злом, соизмеримым с ближайшим соседом, Британией, «терроризировавшей» остров с XII века. Таким образом, единственной страной Британского Содружества, не выступившей против Третьего Рейха, была Ирландия. Вместе с тем было бы несправедливо умолчать о значительном числе ирландских добровольцев, вступавших в ряды британской армии, об организованной помощи ирландцев английской оборонной промышленности [6, с. 112] и о том, что нейтральная Ирландия прикрывала Британию с фланга на протяжении всего военного времени и в послевоенный период.

После войны Ирландия отказалась от вступления в НАТО. Переговоры сорвались по причине того, что страна не хотела оставлять нерешенным вопрос о принадлежности Северной Ирландии. Подобным образом Ирландия обезопасила себя на время «холодной войны», так как было очевидно, что нападение на остров невозможно по причине защиты всей его территории Альянсом: часть острова занимала и до сих пор занимает Великобритания.

С 2001 г. Ирландия разрешила использовать порт Шеннон для американской авиации по пути в Афганистан и Ирак: более 100 тыс. американских военных ежегодно проходили через Шеннон. Дублин же продолжил вкладывать значительные финансовые ресурсы в развитие североатлантической безопасности. Всё это не могло остаться незамеченным ирландскими сторонниками нейтралитета, и уже в ноябре 2018 г. в Дублине прошла очередная международная конференция «Против баз НАТО и США». Представитель ирландского «Альянса за мир и нейтралитет» (PANA) Роджер Коул отметил, что принцип военного нейтралитета является основополагающим положением ирландской государственности. «Со времен Вулфа Тона борьба за независимость была для Ирландии борьбой за нейтралитет... однако на смену британскому империализму к нам на остров готовится прийти европейский империализм. Многие годы США используют аэропорт Шеннон как военную транзитную базу. Нейтралитет Ирландии давно стал виртуальным» [8].

Следует указать, что согласно секретному Меморандуму об ирландском нейтралитете, составленному 25 августа 1939 г. Джозефом П. Уолшем, «он не может иметь всех характеристик тех нейтральных государств, которые долгое время существовали как отдельные государства» [19]. Кроме того, подчеркивается, что экономическая жизнь Ирландии, в частности вопросы, касающиеся финансов, валюты и судоходства, еще не полностью отделена от Великобритании [19].

Анализ литературы, посвященной тематике нейтралитета Ирландии, позволяет сделать вывод, что для страны политика нейтралитета являлась искусным вымыслом, основанным на политике двойных стандартов [6, с. 132]. Официально занимаемая ирландским Правительством нейтральная позиция, невероятно популярная как внутри страны, так и за ее пределами,

не помешала ирландцам оказывать помощь соседям и их союзникам. В основе ирландского нейтралитета заложено стремление отстоять свою независимость. Следовательно, ирландский нейтралитет можно рассматривать как проявление антианглийского политического курса.

Трансформация политики нейтралитета в Ирландии в ближайшее время невозможна, так же как и вступление страны в НАТО: нерешенный территориальный вопрос с Великобританией не дает Ирландии возможности для маневра.

Финский путь

Решение о следовании страной нейтральному курсу было принято финским руководством еще до Второй мировой войны. Изначально это постановление было принято в рамках сотрудничества северных стран. Предполагалось, что документ вступит в силу в случае возникновения вооруженного конфликта непосредственно возле границ Финляндии. Однако в период между Первой и Второй мировыми войнами решение так и не было реализовано.

Таким образом, реализовать свой нейтральный политический статус Финляндия смогла лишь в 1955 г., после вступления в ООН. Объявляя о своем нейтралитете, Финляндия в первую очередь стремилась не осложнять отношения с Советским Союзом. Как и у любого другого небольшого европейского государства, позиция Финляндии между двумя военными и экономическими блоками, в том числе в рамках сотрудничества ООН, была непростой. Финляндия вынуждена была постоянно следить за реакцией Советского Союза на свои действия и воздерживаться от эмоциональной реакции в отношении решений ООН, особенно если они касались непосредственного доминирования великих держав. Впоследствии это «лавирование» стало восприниматься как официальная позиция руководства Финляндии. В течение первого десятилетия своего членства в Организации Объединенных Наций Финляндия воздержалась от голосования более чем на половине заседаний Генеральной Ассамблеи. Более того, страна не принимала участия в заявлениях, осуждающих политику Соединенных Штатов (позиция в отношении действий Советского Союза была противоположной) [23].

Политика Финляндии в ООН заключалась в стремлении к снижению напряженности между великими державами и понижению угрозы вероятности новой мировой войны. Базовым принципом финской дипломатии в ООН стала беспристрастность в целях укрепления позиций на международной арене и нейтрализации международного статуса Финляндии.

Политика Финляндии была нацелена на тесное сотрудничество в составе группы северных стран. Необходимо отметить стремление Финляндии рассматриваться в качестве северной страны в составе ООН, а не государства, симпатизирующего Советскому Союзу. В то время в рамках рабо-

ты в Организации Объединенных Наций скандинавские страны были очень сплочены. Пацифистские инициативы стран Северной Европы получили всеобщее признание в ООН, а сама Финляндия сыграла значительную роль в деятельности этой престижной группы. Во время «холодной войны» модель Северной Европы представляла собой нейтралитет, третий вариант в расколотой реальности.

Политика нейтралитета стала финским козырем, который поддерживал активное участие Финляндии в миростроительстве и дипломатическом посредничестве. Однако политика нейтралитета Финляндии, несмотря на многочисленные одобрения, должна была заслужить доверие Генеральной Ассамблеи. Во время встречи членов ООН, срочно созванных для обсуждения Суэцкого кризиса и Венгерского восстания 1956 г., Финляндия не подписала резолюцию, осуждающую Советский Союз. В том же году в качестве уважения к нейтральной позиции Финляндии страна была приглашена в состав Первых чрезвычайных вооруженных сил Организации Объединенных Наций I для участия в урегулировании Суэцкого кризиса.

В настоящее время в Хельсинки считают, что справляться с новыми угрозами, соблюдая нейтралитет, фактически невозможно. Как и Швеция, Финляндия является активным партнером НАТО. Уже после распада СССР финское руководство начало подчеркивать свою приверженность практике военного неприсоединения. Страна посылает четкие сигналы, говорящие о нежелании оставаться в стороне от возможных будущих конфликтов.

В связи с этим следует привести заявление премьер-министра Финляндии Юрки Катайнена, последовавшее в качестве реакции на статью бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера, опубликованную в газете «Washington Post» [15]. Статья была посвящена рассмотрению сценария «финляндизации» для Украины, при котором та решит строить свои отношения с Москвой по примеру Финляндии, то есть станет неким «мостом», «площадкой для переговоров». В интервью немецкой газете «Der Tagesspiegel» Катайнен подчеркнул, что его страна больше не является нейтральной. «Мы больше не занимаем нейтральную позицию, хоть и не входим ни в какой военный союз», – отметил финский чиновник [17].

Нельзя сделать однозначный прогноз, пересмотрит ли Финляндия свои позиции во внешней политике. Многие в Финляндии считают, что только нейтралитет может быть основой политики мира и дружбы. После Второй мировой войны нейтралитет стал в Финляндии неким «национальным благом». Нарастившая экономическое и политическое сотрудничество с Советским Союзом и продолжая развивать отношения с остальными партнерами, страна добилась процветания. В качестве ответа на скептические замечания других стран об обоснованности политики нейтралитета финны подчеркивали, что следование нейтралитету подразумевает разные действия в различных ситуациях, кроме того, вопрос не может быть заключен в жесткие юридические рамки [11, с. 21]. Опубликованная в 2012 г. «Белая книга»

подчеркивает, что в сфере безопасности Финляндия проводит политику неприсоединения и самостоятельной обороны. «Финляндия не является членом военного союза, но сотрудничает с Организацией Североатлантического договора и допускает возможность подачи заявки на вступление в НАТО. Но Финляндия не готовится подавать эту заявку во время срока полномочий нынешнего правительства. Финляндия проведет оценку своего возможного членства в НАТО на основе собственной политики национальной безопасности и оборонных интересов» [13, с. 78].

Таким образом, Финляндия пока не входит в ряды стран – участниц НАТО, однако страна имеет серьезные предпосылки для вступления в блок. «Белая книга» красноречиво говорит об этом, так как вопрос о вступлении в НАТО всё еще остается актуальным, а само сотрудничество с Альянсом имеет разнообразный и многосторонний характер. Очевидно, только противодействие общественности, видящей свою безопасность исключительно в балансе отношений между Востоком и Западом, и «российский» фактор мешают Правительству Финляндии получить официальный членский билет в Североатлантическом альянсе.

Парадоксы политики нейтралитета в Швеции

Нейтралитет традиционно составляет основу внешнеполитического курса Швеции, направленного на продвижение «универсальных» западных ценностей, разрешение ряда глобальных проблем и трансформацию современной мирополитической системы в сторону либеральной демократии. Тем не менее претворение указанной стратегии в жизнь на современном этапе вызывает всё больше вопросов.

Особые споры возникают вокруг сотрудничества Швеции в сфере обороны и безопасности с такими институтами, как ЕС и НАТО. Кроме того, период, последовавший за развалом Советского Союза и завершением «холодной войны», ознаменовался окончательным переосмыслением трактовки концепции «нейтральности», что в конечном счете привело к ее замене в 2003 г. на политику «неприсоединения к военным альянсам». В настоящее время «нейтральная» Швеция является одним из крупнейших в мире экспортеров оружия, а сама политика нейтралитета не мешает стране последовательно наращивать свой оборонный потенциал.

По мнению зарубежных исследователей, провозглашение страной приверженности политике нейтралитета, а также ее последующая ориентация на реализацию данной стратегии берут начало в XIX в., после окончания войны с Норвегией [10, с. 61]. Уже тогда зарождавшийся нейтральный политический курс содержал ряд прагматических целей: во-первых, он способствовал защите государственного суверенитета и поддержанию сложившегося в регионе геополитического баланса, во-вторых, создавал возможность вести экономическое и торговое сотрудничество с враждующими друг с другом государствами. Нейтральный курс, таким образом, по-

могал стране избегать участия в вооруженных конфликтах, предотвращать их возникновение или регулировать уже возникшие. В итоге стране удалось миновать участия в обеих мировых войнах. Однако, как в первом, так и во втором случае, внешнеполитический курс страны подвергся жесткой критике за чрезмерную «нейтральность» в пользу Германии [3, с. 104–112].

Процесс окончательного оформления шведской модели нейтралитета произошел в послевоенный период. Изначально предполагалось, что нейтральный принцип позволил бы стране наладить сотрудничество с обоими блоками сложившейся биполярной системы. Швеции при этом отводилась бы роль миротворца, посредника, налаживающего сотрудничество между военными блоками, возглавляемыми СССР и США. Страна дистанцировалась от военно-политической конфронтации, а в качестве модели обеспечения безопасности и благополучия в 1950-е гг. избрала своего рода идеологический компромисс между коммунизмом и капитализмом [2, с. 111].

В рамках ООН руководство Швеции стремилось разрешить ряд таких вопросов, как помощь экономически неразвитым странам, содействие скорейшей экономической интеграции бывшим колониальным владениям европейских метрополий после процесса деколонизации 1960-х гг., урегулирование ряда конфликтов и т.д. Между тем в стране всё яростнее проявлялся раскол между правящими кругами: «политическими» и «военными». Последние выступали за углубление сотрудничества с Североатлантическим альянсом. Швеция всегда играла особую роль в сложном механизме взаимодействия стран – членов НАТО. Не являясь членом Альянса, она всегда отличалась активным участием в его деятельности. Руководство страны регулярно проводило встречи со странами – членами НАТО, что служило укреплению взаимного сотрудничества в сфере безопасности. Советский Союз уже в 1960-х гг. начал рассматриваться в качестве одной из главных угроз национальной безопасности Швеции – ее потенциальным противником.

После окончания «холодной войны» руководство Швеции перестало отрицать тот факт, что, согласно их мнению, страна не может справиться с возрастающим числом угроз безопасности, сохраняя при этом позицию нейтралитета. Правление социал-демократической партии сменилось коалиционным правительством, нацеленным на интеграцию с Европейским Союзом и дальнейшее сотрудничество с Североатлантическим военным альянсом. Новое руководство страны всё активнее начало продвигать идею постепенного отказа от нейтралитета.

В 1994 г. Швеция присоединилась к программе НАТО «Партнерство ради мира», а тремя годами позже вступила в Совет Евро-Атлантического сотрудничества. Как и Финляндия, Швеция фактически не скрывает того, что в своем «нейтралитете» она придерживается лишь принципа военного неприсоединения. Участие страны в гуманитарных операциях в Афганистане и на Балканах еще раз подтвердило: государство уже не соблюдает нейтралитет в возникающих конфликтах. Само за себя говорит и членство Шве-

ции в созданном еще в 2009 г. Северном оборонном сотрудничестве (Nordic Defence Cooperation – NORDEFECO), куда входят также Финляндия и три члена НАТО: Дания, Исландия, Норвегия. Особенно интересна роль Швеции в качестве военного «куратора» стран Балтии. Не являясь членом Альянса, страна не только обеспечивает значительную долю поставок вооружения трем его членам, но и занимается реформированием их вооруженных сил для соответствия стандартам НАТО.

В настоящее время наблюдается дальнейшее сближение Швеции с НАТО. Одним из примеров этого стали подписание 4 сентября 2014 г. и ратификация 25 мая 2016 г. Меморандума о взаимопонимании о присоединении государства к программе Североатлантического альянса «Поддержка принимающей стороны». Кроме того, в первой половине 2017 г. в СМИ появилась информация о том, что нейтральная Швеция рассматривает возможность возвращения обязательной воинской повинности, связывая это с якобы всё более возрастающей угрозой со стороны Российской Федерации [7]. Заявление либеральной Партии Центра только подтверждает тенденцию раскручивания антироссийской риторики: «Мы не в состоянии защитить себя в случае нападения русской армии. НАТО же ясно дала понять, что Швеция не может рассчитывать на военную помощь, если не будет являться членом организации. Мы не можем больше закрывать глаза на эту ситуацию» [9].

В заключение следует отметить, что, несмотря на то что 200-летняя «политика неприсоединения и нейтралитета» рассматривается своего рода «сакральной ценностью» страны, она никогда не была закреплена конституционным законом, а, следовательно, отказ от нее не вызовет каких-либо юридических сложностей. Активная милитаризация страны, высокоразвитый ВПК, участие в учениях НАТО еще раз подтверждают возможность скорого вступления Швеции в Альянс.

Заключение

Подводя итог обзору политики нейтралитета в государствах современной Европы, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев она определяется самими странами не как «нейтральная позиция», обособленность от мировых процессов, а как «неприсоединение к военным блокам». Данная трактовка позволяет государствам эффективно проводить собственную политику, не связывая себя при этом какими-либо соглашениями, а выборочно интегрироваться в определенные институты и налаживать сотрудничество с военными альянсами и иными подобными организациями.

Следует отметить, что в настоящее время наблюдается милитаризация стран «нейтральной» европейской зоны. Швеция увеличивает численность своих военнослужащих и вводит всеобщую воинскую повинность. Финляндия повышает численность своих войск и не допускает к службе лиц с двойным гражданством. Примечательно, что вольное толкование некоторыми нейтральными странами своего статуса, по их словам, обуславливается

«растущей угрозой со стороны России». Очевидно, что поддержка ими США и НАТО де-факто является отступлением от нейтралитета.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Австрия и Ирландия стараются следовать примеру Швейцарии и продолжают бережно относиться к нейтралитету, рассматривая его частью своей политической традиции. Этим государствам характерно также нежелание пересматривать нейтралитет или отказываться от него. Швеция и Финляндия, напротив, демонстрируют «гибкую» трактовку нейтральности, продолжают отступать от основных принципов политики нейтралитета и наращивают сотрудничество с военными блоками. Однако на современном этапе вступление в НАТО не является первоочередной задачей для Финляндии и Швеции. Эта позиция обуславливается негативным отношением общественного мнения к даже формальному членству в Альянсе, а также тем фактом, что само присоединение к военному блоку требует от пронатовских правительств больших дополнительных усилий. Присоединение к НАТО возможно лишь в случае резкого обострения международной ситуации, способного актуализировать натовскую повестку в ходе следующих парламентских выборов [4, с. 74].

России же свою внешнюю политику и политику безопасности и обороны, как отмечают специалисты [1], следует выстраивать с учетом трансформирующейся геополитической конфигурации, на которую нейтральные страны оказывают значимое влияние.

Список литературы

1. Белозёров В.К. Геополитические смыслы Военной доктрины Российской Федерации // Геополитика и безопасность. 2015. № 1 (29). С. 9–14.
2. Воронов К. Швеция–НАТО: Конспиративная уния под лейблом нейтралитета // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 5. С. 110–120.
3. Кан А.С. Швеция и нацистская Германия: мораль и политика. Обзор новейшей шведской литературы // Новая и новейшая история. 2010. № 4. С. 104–112.
4. Килин Ю.М. Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции // Современная Европа. 2017. № 2. С. 65–76.
5. Призрак нейтралитета / Росбалт. – Режим доступа: <http://www.rosbalt.ru/blogs/2014/04/04/1252891.html> (дата обращения: 11.08.2017).
6. Россия–Ирландия: коллективная память: матер. конф. (Москва, 11–12 нояб. 2005 г.) // РОССПЭН. 2007. – 207 с.
7. Укрепление нейтралитета: Швеция возвращает воинскую обязанность // EurAsia Daily. – Режим доступа: <https://easaily.com/ru/news/2017/03/04/ukreplenie-neytraliteta-shveciya-vozvrashchaet-vseobshchuyu-voennuyu-obyazannost> (дата обращения: 04.03.2017).
8. Участники международной пацифистской конференции в Дублине осудили планы создания армии ЕС // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-raporama/5803453> (дата обращения: 11.12.2018).
9. Швеция, Финляндия и НАТО: скандинавский феномен // Сурма. – Режим доступа: <https://surmasite.wordpress.com/2016/07/19> (дата обращения: 06.11.2017).
10. Agius C. The Social Construction of Swedish Neutrality. Manchester: Manchester University Press, 2006. – 247 p.
11. Brodin K., Goldmann K., Lange Ch. The Policy of Neutrality: Official Doctrines of Finland and Sweden // Cooperation and Conflict. 1986. Vol. 3, nr. 1. P. 18–51.
12. Bundesverfassungsgesetz vom 26. Oktober 1955 über die Neutralität Österreichs.

13. Finnish Security and Defence Policy 2012. Prime Minister's Office Publications. – 121 p.
14. *Gilbert M.* *Finest Hour: Winston S. Churchill. Vol. VI. 1939–1941.* L.: Heinemann, 1983. – 1029 p.
15. Henry Kissinger: To Settle the Ukraine Crisis, Start at the End // *Washington Post*. – Access mode: https://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html?noredirect=on&utm_term=.e59b16f90615 (date of treatment: 11.10.2017).
16. *Katzenstein P.J.* *Corporatism and Change: Austria, Switzerland and the Politics of Industry* // Cornell University Press. 1987. – 331 p.
17. Katainen saksalaisille: Suomi ei ole puolueeton // *Yle*. – Access mode: <https://yle.fi/uutiset/3-7139343> (date of treatment: 12.10.2017).
18. *Khol A.* *Neutralität – ein überholtes Instrument österreichischer Sicherheitspolitik?* *Österreichisches Jahrbuch für Politik.* 1990. S. 677–709.
19. Memorandum by Joseph P. Walshe on Irish Neutrality for Eamon de Valera (Secret). Dublin, 25 August 1939.
20. *Österreichische Sicherheitsstrategie. Sicherheit in einer neuen Dekade – Sicherheit gestalten.* Wien, 2013. – 24 s.
21. *Relations with Austria / North Atlantic Treaty Organization.* – Access mode: https://www.nato.int/cps/su/natohq/topics_48901.htm (date of treatment: 12.10.2017).
22. *Sicherheits- und Verteidigungsdoktrin.* Wien, 2001. – 15 s.
23. 50-luvulla // *Yhdistyneet kansakunnat.* – Access mode: <http://www.yk.fi/node/456> (date of treatment: 12.10.2017).

Дорошенко Игорь Сергеевич,

аспирант,
Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия.
E-mail: is.doroshenko@gmail.com

Igor S. Doroshenko,

postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: is.doroshenko@gmail.com

КООПЕРАЦИЯ СТРАН СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ В РАМКАХ НАТО И ЕС

COOPERATION OF THE NORDIC COUNTRIES ON ENSURING MILITARY SECURITY IN THE ARCTIC REGION WITHIN THE FRAMEWORK OF NATO AND THE EU

Аннотация: в последние годы страны Северной Европы усилили взаимодействие в вопросах безопасности. Выработка общих подходов к обеспечению безопасности отражает изменения, которые происходят в стратегии НАТО. К этому страны Северной Европы подталкивает ухудшение отношений России с западными государствами, что усилило их заинтересованность в создании общей политики безопасности. Среди основных инструментов, которые способствуют расширению взаимодействия: проведение совместных учений в Приполярье, выполнение новых требований по увеличению военных расходов странами-участницами, партнерские соглашения с государствами, не входящими в блок (Швеция и Финляндия). В то же время новая политика администрации Трампа в отношении ЕС и НАТО заставляет правительства Северных стран Европы пересматривать приоритеты в обеспечении военной безопасности и выработать меры по уменьшению зависимости от Альянса, в котором большое влияние по-прежнему оказывают США.

Повышенное внимание к вопросам военной безопасности в странах Северной Европы в целом отвечает интересам европейской политики. Рост интереса Европейского Союза к Арктике, работа в субрегиональных организациях и двусторонние соглашения по сотрудничеству в военных вопросах рассматриваются в качестве возможности общей политики безопасности для стран Северной Европы, тем более что страны Северной Европы помимо членства в таких региональных организациях, как НАТО и ЕС, обладают дополнительными возможностями, которые им дает участие в Северном оборонном сотрудничестве и в Скандинавско-Балтийском сотрудничестве.

Ключевые слова: Военная безопасность стран Северной Европы, Крайний Север, Арктика, НАТО, ЕС, региональная безопасность.

Abstract: the deterioration of Russia's relations with Western countries after the Ukrainian crisis creates prerequisites for the creation of a common security policy for the Nordic countries. Climate change make the Arctic more interesting region in terms of developing its natural resources and further using of northern sea routes. Only Russia has a fleet in the High North, that's why any potential conflict in the region with the participation of the Russian side will be short-term because of its considerable military superiority. The recently adopted measures to develop infrastructure in the Arctic zone of the Russian Federation, including the military items, add concerns to European neighbors.

Traditionally, the defense of the Nordic countries is a strategic task of the NATO. Conducting joint exercises in the Polar region, achieved new requirements to increase military spending by member countries, partner agreements with non-member states (Sweden and Finland), these facts confirm the high importance of the alliance in the region. However, the new policy of the Trump administration forces the governments of the northern countries to reconsider their priorities in ensuring military security and develop measures to reduce dependence on this organization. The growing interest of the European Union in the Arctic, working in subregional organizations and bilateral agreements on cooperation in military matters make it possible to create a common security policy for the Nordic countries. The article analyzes the advantages and disadvantages of the two main regional organizations NATO and the EU, which can serve as a platform for such cooperation, and provides an analysis of the work of subregional instruments, such as the Northern Defense Cooperation and the Scandinavian-Baltic cooperation.

Key words: Military security of Nordic countries, High North, the Arctic, NATO, EU, regional security.

Распад Советского Союза ознаменовал победу атлантического блока, главной целью которого являлось противостояние социалистическому лагерью. Выполнив свое первоначальное предназначение, Североатлантический альянс на время потерял необходимость в дальнейшем укреплении своих позиций в Северной Европе и перевел внимание на другие регионы, взяв курс на борьбу с международным терроризмом. За это время были расформированы базы в Исландии и Гренландии [18, с. 107], континентальные страны Северной Европы были «предоставлены сами себе», что заставило их пересмотреть свою политику безопасности.

Однако заданная западными СМИ алармистская повестка дня в связи с воссоединением Крыма с Россией и «милитаризацией» Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) позволяет обосновать возобновление активности НАТО в арктическом регионе [2, с. 26]. Это проявляется в росте числа участников учений «Холодный ответ» (Cold Response) на севере Норвегии, проведении учений ВВС «Арктический вызов» (Arctic Challenge) в Финляндии и совместных учений НАТО со Швецией и Финляндией «Стрелка» (Arrow 17). Стоит также отметить, что последние военные учения «Единый трезубец» (Trident Juncture 2018) стали самыми масштабными учениями после окончания «холодной войны». Европейский Союз также проявляет инициативу в освоении Арктики согласно Декларации ООН по устойчивому развитию [7], принятой в 2015 г. Незаконная миграция, террористические угрозы, участие в миротворческих операциях делают актуальным вопрос формирования военизированных подразделений и возможных форм сотрудничества по вопросам безопасности в Европе и за ее пределами.

Изменение климата, которое способствует созданию новых морских путей, возможности добычи нефти и газа на новых месторождениях добавляют Арктике геополитический вес. Эскалация напряженности между Россией и Западом вынуждает правительства стран Северной Европы искать стабильные способы обеспечения военной безопасности в этом регионе. Выработка общей политики и кооперация в рамках существующих организаций – основной способ достижения этой цели.

Действия НАТО

Решительный ответ России на действия Грузии в 2008 г., активная роль в борьбе с террористическими подразделениями на территории Сирии и Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г., в котором говорилось о новом вооружении, стали показательными примерами готовности России выполнять масштабные военные операции и защищать свои национальные интересы. Возвращение России статуса глобального игрока на международной арене для Запада является прямым сигналом того, что его интересы могут быть оспорены и с этим нужно работать.

Опора на статью 5¹ Пакта НАТО и учения в Арктическом регионе сами по себе не гарантируют защиту стран Северной Европы от военного конфликта. Западные исследователи полагают, что принцип применения статьи 5 в регионе, где 2 из 5 стран не являются членами Альянса, более того, находятся в непосредственной близости от границ «потенциального агрессора», малоэффективен. Именно поэтому представители НАТО считают необходимым увеличение стран-участниц для региональной политики сдерживания, чтобы эффективно минимизировать возможность военного конфликта. Принцип нейтралитета, учитывая нынешнее положение вооруженных сил Финляндии и Швеции, также является изжитым, с точки зрения сторонников присоединения скандинавских стран к блоку [28, с. 7]. Руководство блока применяет множество подходов к склонению нейтральных государств на свою сторону: от запугивания секретными учениями России по запуску ядерных ракет по Швеции [12, с. 3] до активного сотрудничества в смежных отраслях, например создание центра по борьбе с «гибридными угрозами» в Финляндии [11, с. 150].

Российские военные учения «Запад 2013» и «Запад 2017» показали возможности российской армии в Балтийском регионе, что усилило обеспокоенность не только стран Прибалтики, но и североευропейцев. Арктика и Балтийский регион тесно связаны в плане построения безопасности стран Запада. Любые военные проявления в Балтийском море могут повлечь за собой разворачивание военных действий в арктических широтах.

Россия укрепила военное присутствие, повысив боеготовность своих войск на Крайнем Севере [3]. Были вновь открыты давно недействующие советские базы и построены новые объекты. Стоит также отметить, что Северный флот РФ принимал участие в учениях «Запад». В своем заявлении на заседании коллегии Министерства обороны в Калининграде глава военного ведомства России С.К. Шойгу обратил внимание на наращивание при-

¹ Статья 5 договора предусматривает создание системы коллективной защиты: стороны договора соглашаются, что вооруженное нападение на одну или несколько стран-участниц будет рассматриваться как нападение на них всех и если такое произойдет, каждая страна в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную оборону поможет жертве агрессии, в том числе с применением вооруженной силы.

сутствия Североатлантического альянса в странах Балтии, а также на совершенствование инфраструктуры морских портов и других военных объектов. Согласно заявлению Министра обороны, учения «Запад», проводятся один раз в два года по совместному решению России и Беларуси и имеют исключительно оборонительный характер [1].

На фоне напряженных отношений России и Запада любая демонстрация силы с российской стороны дает повод военным чиновникам стран Северной Европы для консолидации в рамках НАТО. Так, например, были проведены масштабные учения «Баптос-2017» и «Удар сабли-2017», в которых приняли участие 10 тыс. военнослужащих, 70 кораблей, около 70 самолетов, в том числе американские бомбардировщики B-52.

Стратегическая концепция НАТО, принятая в 2010 г., на данный момент устарела, и многие участники блока высказываются за ее обновление, так как реалии обеспечения безопасности существенно изменились. Например, в период «холодной войны» структура блока насчитывала 33 командования; после проведения нескольких реформ в 2011 г. их осталось только 7. Персонал структурных ведомств доходил до 22 тыс. человек; в начале 2010-х гг. этот штат был сокращен до 7 тыс. [8].

Необходимость пересмотра стратегии высказывалась в последующих декларациях саммита НАТО (особенно в Уэльсе (2014 г.) [33] и в Варшаве (2016 г.) [34]. В них даны новые оценки, касающиеся безопасности, и обозначены необходимые политические рамки для союзников НАТО и организации в целом.

Северным «форпостом» Альянса традиционно считается Норвегия. Свою приверженность к блоку Осло в очередной раз доказал закупкой 52 самолетов F-35 и 5 самолетов P-8 Maritime Patrol Aircraft, которые позволят расширить сотрудничество в области разведки и улучшить мониторинг деятельности российских подводных лодок в Арктическом регионе. Согласно договоренностям, достигнутым в октябре 2016 г. [16], в рамках программы Marine Rotational Force-Europe были размещены 330 морских пехотинцев США на авиабазе Вернер в центральной Норвегии. Повысив обороноспособность, Осло при этом увеличил на 25% расходы на военное оборудование (это выше целевого показателя инвестиций в НАТО на 20%). Планируется также увеличение расходов в размере 1 млрд долл. США в период между 2016 и 2020 г.

Министерство обороны Дании планирует увеличить расходы на оборону на 20% к 2023 г. Инвестиционное предложение [14] включает в себя создание бригады быстрого развертывания, которая будет полностью введена в строй в 2024 г. По словам премьер-министра Ларса Расмуссена, новое подразделение послужит для НАТО эффективным инструментом сдерживания России в Балтийском регионе [31]. Дания предложила также направить 200 человек в расширенное представительство НАТО (EFP) в Эстонии. В ноябре 2017 г. Королевство приняло решение о закупке 27 самолетов-истребителей F-35 из Соединенных Штатов [13].

Исландия важна для НАТО с географической точки зрения, поскольку она обеспечивает возможность патрулирования района между Гренландией, Исландией и Соединенным Королевством. Это пространство имеет стратегическое значение как для Соединенных Штатов, так и для России, и его защита является важной задачей для стран НАТО. В знак признания стратегической важности Исландии Соединенные Штаты выделили 36 млн долл. США для ремонта объектов на военно-морской станции Кефлавик [22], чтобы в дальнейшем разместить несколько подводных лодок P-8A Poseidon.

Финляндия и Швеция остаются вне блока НАТО. Обе страны подписали двусторонние соглашения о сотрудничестве с Соединенными Штатами в 2016 г. [26; 31]. Документы придали новый импульс для участия скандинавских стран в международных миссиях Альянса.

Стоит отметить, что страны Северной Европы акцентировали внимание на выработке двусторонних отношений с администрацией Д. Трампа. Нежелание Белого дома вести переговоры в рамках международных институтов приостановило решение задач, поставленных на саммите Северных стран [5, с. 43]. В то же время неопределенность ведения глобальной политики Президентом Америки ставит под сомнение устойчивость двусторонних договоренностей. Желание заручиться поддержкой США в военных вопросах провоцирует конкуренцию североευропейских стран и вносит разлад в построение общей политики безопасности. Угроза выхода США из НАТО может привести к распаду организации. В этом случае правительства пяти государств Северной Европы могут прибегнуть к интенсификации работ по вопросам безопасности на местном уровне. Основной субрегиональной организацией является Северное оборонное сотрудничество (Nordic Defence Cooperation – NORDEFCO), которое было создано в 2009 г. Согласно оценке представителей научных центров НАТО [6, с. 4], NORDEFCO – это гибкий инструмент по оптимизации военных расходов с расширенной системой взаимодействия Северных стран, которая представляет собой «умную безопасность» (Smart defence). Одним из главных преимуществ данного сотрудничества является, с одной стороны, ответственность каждого участника за реализацию проектов, с другой – возможность выбора участия в том или ином проекте. Такой подход позволяет минимизировать расходы на участие. Несмотря на то что попытки выйти на более высокий уровень сотрудничества в военных вопросах, например создание единой униформы для военнослужащих стран-участниц, не увенчались успехом [25] – именно NORDEFCO имеет предпосылки стать наиболее эффективным альтернативным НАТО инструментом для обеспечения безопасности в регионе.

Европейский Союз

Несмотря на то что только три члена ЕС из 27 стран примыкают к Арктике, учреждение Арктического совета, межправительственного «форума высо-

кого уровня» для развития сотрудничества арктических государств, можно объяснить мультиинституциональным подходом к безопасности в северных широтах [17, с. 7]. ЕС признает главенство Арктического совета в вопросах, связанных с деятельностью на Крайнем Севере. В то же время он уделяет особое внимание странам Северной Европы и способствует разработке североευропейской политики, оперируя проблемой климатических изменений как глобальным вызовом, затрагивающим все страны-участницы. Несколько членов ЕС, не имеющих отношения к северным территориям, такие как Франция, Великобритания, Нидерланды [21, с. 126], заинтересованы в освоении северных морских путей. По этой причине Евросоюз поддерживает государства-члены, которые стремятся получить статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете.

В основных документах по стратегии европейской безопасности отсутствуют упоминания об Арктике. Отмечается только необходимость улучшения надзора за морским пространством, говорится об опасностях, связанных с изменением климата, и о необходимости многостороннего и комплексного решения этих задач. Новый подход к вопросу безопасности появился с подписанием Лиссабонского договора в 2007 г. [32], который определил Европейскую политику безопасности и обороны (CSDP).

Три основные политические цели Евросоюза на Крайнем Севере были впервые сформулированы в коммюнике Европейской комиссии [20] в ноябре 2008 г.: сохранение природы Арктики, улучшение качества жизни коренного населения и устойчивое использование природных ресурсов. Из перечисленного ничто не указывает на стремление ЕС заниматься обеспечением военной безопасности в регионе.

Однако помимо сохранения природы Крайнего Севера в коммюнике Комиссии было также заявлено, что «изменение климата и истощение ресурсов в других регионах мира приведет к росту напряженности в Арктике» [20, с. 10], что подразумевает необходимость обеспечения совместными усилиями безопасности Севера.

Европейский Союз в лице Финляндии, Швеции и Дании имеет серьезное представительство на Крайнем Севере. Однако отсутствие прямого доступа к Северному Ледовитому океану вносит свои ограничения в процесс его освоения. Совместное коммюнике Европейской комиссии 2012 г. [19] не имеет особых отличий от предыдущего, за исключением утверждения о желании войти в состав наблюдателей Арктического Совета. Отказ в заявке ЕС на получение статуса наблюдателя в 2013 г. негативно повлиял на интерес Брюсселя к данному региону.

В 2016 г. Комиссия опубликовала третью редакцию Арктической политики ЕС [10]. Следуя двум предыдущим вариантам, был разработан умеренный подход, учитывающий существующие региональные проблемы и сложности в кооперации. Прямое участие Евросоюза в освоении и обеспечении безопасности в Арктике остается ограниченным. Европейский Союз может

оказывать содействие диалогу через форумы, такие как Северный Форум или «круглый стол» вооруженных сил Арктики, что может помочь в обмене разведывательной информацией. Самостоятельная работа ЕС по этому вопросу в ближайшей перспективе не просматривается.

Стоит отметить, что, как и НАТО, Евросоюз претерпевает трансформацию. Обе структуры признают возникновение интереса к Арктике в геополитическом плане. Военная кооперация в регионе в рамках ЕС заметно слабее, чем в НАТО, в силу того, что безопасность Северных стран остается стратегической задачей для Альянса. Военные амбиции Союза, сформулированные в Общей политике безопасности и обороны (CSDP), сравнительно скромные [30, с. 37]. Если североευропейцы почувствуют реальную угрозу, ЕС может стать активным участником в построении безопасности Арктического региона. Тот факт, что Швеция и Финляндия находятся в составе ЕС, позволяет выстраивать общую стратегию, основанную на совместных военных учениях и модернизации вооруженных сил. Так, сотрудничество в области обороны оказывает положительное влияние на возможности национальной безопасности Финляндии. Европейская оборонная технологическая и промышленная база (EDTIB) является важным фактором долгосрочного развития возможностей Хельсинки [27]. Большая часть военной техники, стоящая на вооружении Финляндии – это импорт, поэтому сотрудничество в области развития и покупки военной техники имеет важное значение для страны. Финляндия сочла целесообразным, чтобы Совет ЕС принял решение о разработке «дорожной карты» для безопасности режима поставок в Евросоюз [15, с. 36]. На практике это улучшит доступ к средствам обороны других государств-членов как в долгосрочной перспективе, так и в кризисных условиях. Благодаря усилиям Европейского оборонного агентства в 2016 г. состоялись германо-финские вертолетные учения «Холодное лезвие», проходившие в северных районах Финляндии с участием 8 вертолетов и 160 военнослужащих [9]. Они стали примером удачного сотрудничества в рамках ЕС.

Для Швеции «европейская» военная деятельность всегда была связана только с операциями по урегулированию кризисов за пределами ЕС. В связи с этим Швеция стала инициатором подготовки новой глобальной стратегии ЕС, представленной в июне 2016 г. [29]. «Европейская стратегическая автономия» с точки зрения Швеции – это возможность для Европы делать что-то сообща на внешних подступах независимо от американского участия. Власти Швеции считают, что необходимость развития такого потенциала увеличилась после начала украинского кризиса.

В июне 2017 г. министр иностранных дел Марго Уолстрем и министр обороны Питер Хултквист заявили о стремлении Стокгольма взять на себя главную роль и внести свой вклад в укрепление CSDP, в которую войдут гражданские силы быстрого реагирования и гражданский сектор безопасности учебной миссии в Ираке. Примечательно, что в этом проекте не упоминает-

ся оборонная промышленность, несмотря на то что Швеция занимает значительную долю экспорта военной техники [4] и что основные члены ЕС видят оборонное промышленное измерение как основу в развитии военного потенциала CSDP. Отсутствие индустриальных аспектов шведской политики отражает преобладающую двусмысленность в отношении европейского оборонного сообщества. Несмотря на это Швеция активно участвует в росте Европейского фонда обороны (EDF) и в Европейской программе развития промышленности (EDIDP).

Находясь в неофициальном статусе партнеров НАТО, Швеция и Финляндия рискуют делать «двойную работу», дублируя военную деятельность: совместно с блоком и с ЕС. В таком случае, страны просто не смогут позволить себе выполнять задачи на национальном и международном уровнях.

Возможность четкого разграничения сфер ответственности и взаимодействия ЕС и НАТО появилась с созданием Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO). О создании данного института стало известно 11 декабря 2017 г. [23]. PESCO можно рассматривать как политический проект, направленный на повышение актуальности ЕС во времена роста евроскептицизма и ухудшения условий безопасности.

PESCO фокусирует внимание на укреплении потенциала, объединении инициатив в области развития или распределении расходов, а не на построении военных структур. Данный институт может стать связующим звеном между НАТО и ЕС. Однако после заявления Президента Франции Э. Макрона о создании независимой европейской армии и поддержки этой идеи со стороны немецкого канцлера А. Меркель произошел ряд событий, из-за которых эта идея потеряла актуальность. Д. Трамп воспринял подобную риторику как угрозу американскому авторитету, что свело на нет всю работу по углублению сотрудничества НАТО и ЕС. Выступления «желтых жилетов» во Франции подорвали позиции Э. Макрона, а А. Меркель объявила о своей отставке. Таким образом, инициатива потеряла свою высокую значимость.

После выхода Великобритании из ЕС североевропейские страны будут вынуждены заново выстраивать свои экономические отношения с Лондоном. В то же время выход ключевого партнера из Союза окажет влияние на отношения ЕС – Северная Европа. Желая сохранить плодотворное сотрудничество с северными соседями, Соединенное Королевство приняло за основу сотрудничество в рамках UK+NB8. Скандинавско-балтийское сотрудничество, или Nordic-Baltic Eight (NB8), – это формат регионального сотрудничества, который с 1992 г. объединил пять стран Северной Европы и три страны Балтии (Финляндия, Швеция, Норвегия, Исландия, Дания, Эстония, Латвия и Литва) для обсуждения региональных и международных проблем в неформальной обстановке. В 2000 г. по инициативе министра иностранных дел Эстонии Тоомаса Хендрика Ильвес

было принято решение о том, что формат сотрудничества Северных стран и Балтийского региона будет называться Nordic-Baltic Eight (NB8). По инициативе Швеции в 2011 г. была проведена совместная встреча глав внешнеполитических ведомств «восьмерки» в Лондоне. Изначально данная встреча могла перерасти в создание «мини-НАТО», но неформальный тон мероприятия задал иной курс, поэтому уже на втором совещании в Стокгольме было представлено название «Форум северного будущего» (Northern Future Forum). Примечательно, что ежегодные встречи были прерваны в 2016 г. из-за Брексита, однако в 2017 г. министры иностранных дел стран-участниц снова встретились в Лондоне для обсуждения вопросов региональной безопасности. На встрече Борис Джонсон, в тот период глава МИД Великобритании, заявил, что Великобритания остается важным игроком в этой области, а вопросы построения общей политики безопасности будут рассматриваться независимо от Брексита. Это заявление можно расценивать как возобновление милитаристской риторики, что делает проект «мини-НАТО» вновь актуальным.

Заключение

Активность Североатлантического блока демонстрирует его заинтересованность в северных территориях Европы: сотрудничество ведется как со странами-участницами, так и с партнерами – Швецией и Финляндией. Курс на увеличение военных расходов последовательно реализуется в Норвегии и Дании. Правительства этих стран обращают внимание на то, что именно удовлетворение новых требований НАТО стало причиной увеличения военного бюджета. Современная ситуация в отношениях России и Запада стала напоминать времена «холодной войны», поэтому страны Северной Европы желают заручиться стабильной поддержкой блока, очередно привлекая к себе внимание и заявляя об амбициозных проектах по созданию вооруженных формирований для сдерживания России. Это подтверждается масштабной закупкой истребителей для патрулирования водных пространств и выявления российских подлодок, размещением на своей территории морских пехотинцев США и проведением с ними совместных учений в суровых климатических условиях.

Анализируя подход ЕС к обеспечению безопасности в Европе, можно сделать вывод, что лидирующая роль в военном сотрудничестве остается за НАТО. Организация имеет устоявшиеся механизмы по оперативному обеспечению военного присутствия, а также слаженный в ходе учений контингент. «Сдерживать агрессию» со стороны России [24] НАТО намерено через укрепление позиций, в первую очередь в Балтийском регионе; задачи по обеспечению безопасности на других направлениях являются второстепенными. Как было отмечено ранее, возможная эскалация напряженности в Балтийском море может затронуть и Арктический регион.

Для интенсификации сотрудничества североевропейцам необходимо сблизить позиции и уточнить взаимные интересы в регионе, так как роль небольших стран приобретает большую значимость в работе международных организаций. Выступая единым фронтом, у таких государств появляется возможность компенсировать слабые стороны друг друга. Данный подход целесообразно развивать через двусторонние отношения с соседними странами и участие в субрегиональном сотрудничестве. В случае дальнейшего обострения отношений России и Запада, например при вступлении Швеции и Финляндии в состав НАТО, у скандинавских стран не будет выбора, кроме как полностью доверить защиту своей территории военному блоку. Однако если принцип нейтралитета будет сохранен путем проведения собственной политики безопасности, то вероятность возникновения вооруженного конфликта в регионе останется на низком уровне. В долгосрочной перспективе оптимальной независимой площадкой для обеспечения безопасности в европейской Арктике может стать организация NORDEFECO либо британская инициатива «мини-НАТО».

Список литературы

- Глава военного ведомства России генерал армии Сергей Шойгу провел в Калининграде выездное заседание Коллегии Министерства обороны / [Опубликовано Департаментом информации и массовых коммуникации Министерства обороны Российской Федерации]. – Режим доступа: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12129809@egNews (дата обращения: 15.06.2018).
- Жильцов С.С. Основные этапы политики России в Арктике: сб. трудов конф. «Современные проблемы использования потенциала морских акваторий и прибрежных зон». М.: Изд-во Моск. Ун-та им. С.Ю. Витте, 2015. С. 22–37.
- Жильцов С.С., Зонн И.С. Политика России в Арктике: современный этап // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2015. № 2. С. 7–22.
- Кулябина Л.Н. Стратегические установки внешней политики и политики в области безопасности Швеции в 2000-е гг. // Научные записки молодых политологов и экономистов: сб. М., 2016. С. 162–185.
- Allen Th.W., Whitman Ch.T., Brimmer E., Schmemmann A. Arctic Imperatives: Reinforcing U.S. Strategy on America's Fourth Coast. Council on Foreign Relations Press, 2017.
- Alyson B. Options for Closer Cooperation in the High North – What Is Needed // Sven Holtmark and Brooke Smith-Windsor, Security Prospects in the High North: geostrategic thaw or freeze? NATO Defence College Forum, 2009.
- A/RES/70/1 – Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. 2015. – Access mode: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/RES/70/1&Lang=E (date of treatment: 13.04.2018).
- Banks M. NATO command change to address «deficiencies» // Defencenews.com. – Access mode: <https://www.defensenews.com/global/europe/2018/02/20/nato-command-change-to-address-deficiencies/> (date of treatment: 15.06.2018).
- Cold Blade 2016 (CB16) European Defence Agency. – Access mode: https://www.eda.europa.eu/docs/default-source/eda-factsheets/2016-02-18-factsheet_cb16 (date of treatment: 10.06.2018).
- Communication from The Commission to The European Parliament and the Council the European Union and the Arctic Region. – Access mode: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/com_08_763_en.pdf (date of treatment: 12.06.2018).
- Cusumano E., Corbe M. A Civil-Military Response to Hybrid Threats. Berlin: Springer, 2017.
- Dahl A. NORDEFECO and NATO: «Smart Defence» in the North? // NATO Defence College. 2014. No. 101.
- Danish Audit Agency Questions Data for F-35 Purchase // Defencenews.com. 2017. – Access mode: <https://www.defensenews.com/air/2017/11/13/danish-audit-agency-questions-data-for-f-35-purchase> (date of treatment: 03.04.2018).
- Danish Defence Agreement 2018–2023. – Access mode: <http://www.fmn.dk/temaer/forsvarsforlig/Documents/danish-defence-agreement-2018-2023-pdf.pdf> (date of treatment: 12.06.2018).
- Eline J., Valberg L. The European Union and Norway in the Arctic: Conflict Or Cooperation? // A study of the European Union and Norway's Arctic relationship Master's thesis in European Studies Trondheim, 2012.
- Emmott R. NATO agrees new military commands to protect Europe // Reuters. – Access mode: <https://ca.reuters.com/article/topNews/idCAKBN1D82RK-OCATP> (date of treatment: 12.06.2018).
- Hicks K.H. Undersea Warfare in Northern Europe. Maryland (USA): Rowman & Littlefield Lanham, 2016.
- Jacobsen M. The Power of Collective Identity Narration: Greenland's Way to a More Autonomous Foreign Policy // Arctic Yearbook 2015: Arctic Governance and Governing. Akureyri, Iceland: Northern Research Forum, 2015. P. 102–118.
- Joint Communication to the European Parliament and the Council an Integrated European Union Policy for the Arctic. – Access mode: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/160427_joint-communication-an-integrated-european-union-policy-for-the-arctic_en.pdf (date of treatment: 12.06.2018).
- Joint Communication to the European Parliament and the Council Developing a European Union Policy Towards the Arctic Region: Progress Since 2008 and Next Steps. – Access mode: http://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/join_2012_19.pdf (date of treatment: 12.06.2018).
- Keupp M. The Northern Sea Route: A Comprehensive Analysis. Berlin: Springer, 2015.
- Montgomery N. No Permanent Basing for Navy Sub Hunters in Iceland Despite Construction Projects // Stars and Stripes. 2018. – Access mode: <https://www.stripes.com/news/no-permanent-basing-for-navy-sub-hunters-in-iceland-despite-construction-projects-1.505835> (date of treatment: 07.03.2018).
- Permanent Structured Cooperation (PESCO) – Factsheet. – Access mode: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquartersHomepage/34226/permanent-structured-cooperation-pesco-factsheet_en (date of treatment: 10.06.2018).
- Poulin A. 5 Ways Russia is Positioning to Dominate the Arctic // International Policy Digest. 2016. – Access mode: <https://intpolicydigest.org/author/andrew-poulin/> (date of treatment: 10.06.2018).
- Progressing: The Idea of a Nordic Combat Uniform // NORDEFECO. – Access mode: <http://www.nordefco.org/Progressing-The-idea-of-a-Nordic-Combat-uniform> (date of treatment: 12.06.2018).
- Rettman A. Finland Rushes to Finalise US Defence Pact // Euobserver. – Access mode: <https://euobserver.com/nordic/134716> (date of treatment: 12.06.2018).
- Review on Finland's Security Cooperation. – Access mode: <http://www.tpk.fi/public/default.aspx?contentid=321234&nodeid=44809&contentlan=2&culture=en-US> (date of treatment: 12.06.2018).
- Rudd D. Northern Europe's Arctic Defence Agenda // Journal of Military and strategic studies. 2010. Vol. 12. P. 46–71.
- Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe // A Global Strategy for the European Union's Foreign Security Policy, EEAS 2016. – Access mode: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (date of treatment: 10.06.2018).
- Sperling J. EU Security Strategies: Extending the EU System of Security Governance. London: Spyros Economides, Routledge, 2017.
- Statement of Intent Signed by U.S., Sweden To Promote Military Cooperation. – Access mode: <https://news.usni.org/2016/06/08/20072> (date of treatment: 10.04.2018).
- Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community, signed at Lisbon, 13 December 2007. – Access mode: <http://eur->

lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12007L%2FTXT (date of treatment: 12.06.2018).

33. Wales Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales 2014. – Access mode: https://www.nato.int/cps/ic/natohq/official_texts_112964.htm (date of treatment: 10.06.2018).
34. Warsaw Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 2016. – Access mode: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (date of treatment: 10.06.2018).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Карпова Вера Вячеславовна,

магистр международных отношений,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: mirrow06@list.ru

Vera V. Karpova,

master of international relations,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: mirrow06@list.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЧЕХОСЛОВАКИИ

POLITICAL PRECONDITIONS FOR THE SOCIAL TRANSFORMATION OF CZECHOSLOVAKIA

Аннотация: статья посвящена рассмотрению политических и социально-экономических процессов в Чехословакии во второй половине XX столетия, тому периоду в жизни страны, который стал сложнейшим переходным этапом от административно-командной системы к рыночной системе хозяйствования. Чехия является единственным государством в регионе Центральной и Восточной Европы, в котором политические трансформации не сопровождались социальными потрясениями, при том что у власти сохранялись те же реформаторы, которые начинали в 1989 г. реформы социально-экономической и политической системы. В статье проанализирована деятельность чешских политиков, которые не допустили одномоментного обвала в социальной и экономической сферах в стране в переходный период. Отдельное внимание уделено деятельности Гражданского форума, общественно-политической организации, оппозиционной к правящей Коммунистической партии.

Ключевые слова: геополитика, общественно-политический строй, Коммунистическая партия, демократия, реформы, «Пражская весна», политическая трансформация, правовое государство, экономическое развитие, международные отношения, Чехословакия, Чехия.

Abstract: the article is devoted to the political and socio-economic processes in Czechoslovakia in the second half of the XX century, the period in the life of the country, which became the most difficult transition stage from the administrative command to the market system of management. The Czech Republic is the only state in the region of Central and Eastern Europe, in which political transformations were not accompanied by social upheavals, despite the fact that the authorities retained the same reformers who began in 1989 reforms of the socio-economic and political system. The article analyzes the activities of Czech politicians who did not allow a one-time collapse in the social and economic spheres in the country during the transition period. Special attention is paid to the activities of the Civil forum, social and political organization of the opposition to the ruling Communist party.

Key words: geopolitika, socio-political system, Communist party, democracy, reforms, «Prague Spring», political transformation, rule of law, economic development, international relations, Czechoslovakia, Czech Republic.

Ноябрь 1989 г. ознаменовал начало процесса трансформации общественно-политической структуры Чехословакии. В проведении отдельных реформ смысла уже не было, поскольку они приводили лишь к ухудшению ситуации в стране. Требовались значительные изменения в политике, экономике, праве, которые заложили бы основы новой власти взамен существовавшей. «Бархатная революция» в Чехословакии, как и подобные ей события в других европейских странах, положила конец руководящей роли Коммунистической партии в обществе, государственному социализму и геополитической гегемонии СССР.

Коммунистическая партия пришла к власти в Чехии при поддержке Советского Союза, который сыграл решающую роль в борьбе с фашизмом. За основу построения общества в стране Компартией был взят советский социализм. Чехословакия отказалась от присоединения к плану Маршалла. Это решение было принято под давлением Сталина. Важно отметить, что решение об отказе от плана Маршалла было принято правительством страны, о чем парламенту просто была предоставлена информация. Заметное давление оказывалось на сектор частного предпринимательства [2, с. 130].

Линия, проводимая Коммунистической партией, привела к середине 1960-х гг. к попытке осуществить процессы ее обновления и совершенствования. Эти события вошли в историю под названием «Пражской весны» [5, с. 94]. Цель названного общественного процесса состояла во внедрении в политику, проводимую Коммунистической партией, принципов демократии, гражданских свобод. Общество требовало осуществления изменений.

В общественном движении «Пражская весна» приняли участие чехи и словаки, как члены Коммунистической партии, так и не являющиеся ими [6, с. 47]. Причины возникновения этого движения кроются в наличии тяжелейших проблем общественно-политического строя ЧССР, ставшего статичным, который так и не смог преодолеть последствия сталинизма. Инициаторами движения «Пражская весна» выступили деятели из группы номенклатурной элиты Коммунистической партии, а также представители интеллигенции, которым были свойственны либеральные настроения. Дальновидность, которая подразумевается как одно из основных качеств политика, позволила многим членам Коммунистической партии понять, что общественно-политический строй находится в кризисе и необходимо искать пути его преодоления, которые они видели в достижениях послевоенной общественной мысли.

1960-е гг. XX столетия можно охарактеризовать как период ожиданий и надежд стран социалистического блока. Политика, проводимая Н.С. Хрущевым и А.Н. Косыгиным, оценивалась неоднозначно и вызвала много споров. Страны Восточной Европы стремились найти свой путь и склонялись к опыту левой социал-демократии.

Дальнейший путь развития Чехословакии был основной темой для дискуссий членов Коммунистической партии, представителей творческой интеллигенции и студенческих организаций [8, с. 52]. Поднимались такие

вопросы, как пути развития страны, политика компартии, либерализация общественной жизни, отмена цензуры и т.д. Необходимо отметить, что до Второй мировой войны Чехословакия была приверженицей традиций демократии, обладала развитой промышленностью. Однако после войны наблюдалось явное ее отставание от капиталистических стран.

Во второй половине 1960-х гг. на основе идей профессора О. Шика была предпринята попытка осуществить реформы в экономике в сфере расширения прав трудящихся, снижения централизации управления [9, с. 130].

Идея реформ одобрялась обществом. Большая часть коммунистов-реформаторов верили в то, что социализм можно подвергнуть постепенно проводимым реформам, чтобы избежать общественных потрясений и, тем более, гражданской войны.

Целью руководителей Чехословакии не являлось лишение власти Коммунистической партии – предполагался поэтапный переход к плюралистической демократии. Другие же силы, в основном вне Коммунистической партии, ставили целями немедленную свободу действий других политических партий, оттеснение Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), свободные выборы на многопартийной основе.

Политики-прагматики в Праге понимали, что реформы необходимо осуществлять только при наличии общественной поддержки и благосклонности Москвы. А. Дубчек¹ был полон уверенности в том, что поддержка будет оказана.

Идеология Коммунистической партии следовала логике «холодной войны» и не подразумевала отказа от идеи противостояния «двух лагерей». Советская модель государства не могла быть отвергнута. Попытки сделать это воспринимались как действия в пользу «противоположного» лагеря. Настроения, царящие в обществе, не брались в расчет. Реформа, которую планировалось провести в 1968 г., не была осуществлена, чему способствовали действия Советского Союза и других стран Варшавского договора.

В 1970-х гг. население Чехословакии высказывало стремление к гражданскому обществу и правовому государству, желание участвовать в европейском политическом процессе и налаживать международные связи, что рассматривалось партийным руководством как угроза социализму. Руководство КПЧ игнорировало также выступления в рядах партии, начавшиеся после визита М.С. Горбачева в ЧССР в 1987 г. [11, с. 177].

Перестройка, начатая во второй половине 80-х гг. XX века М.С. Горбачевым, конечно, не стала причиной революций, осуществленных в восточноевропейских странах, но всё-таки открыла дорогу для демонтажа существовавших структур.

¹ Александр Дубчек (27 ноября 1921 г. – 7 ноября 1992 г.) – чехословацкий государственный, политический и общественный деятель словацкого происхождения. Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии в январе 1968 г. – апреле 1969 г. – главный инициатор курса реформ, известных как «Пражская весна».

К концу 1980-х гг. изменилась внешняя политика Советского Союза в отношении государств Восточной Европы. Произошел отказ от «доктрины Брежнева», что подразумевало признание суверенитета государств в области внешней и внутренней политики, усиление ответственности руководства страны перед своим народом. Блок, основой которого являлся СССР, распался стремительно, что стало детонатором для событий в Чехословакии, произошедших в конце 1980-х гг., когда все сферы общественной жизни были подвержены кризису.

Причины этого кризиса состояли в отсутствии возможности для технологического и экономического развития производства и снижении роста производительности и эффективности экономики. «Эффективность экономического развития страны постепенно снижалась и всё в большей степени отставала от промышленно развитых стран Запада. Первостепенные потребности людей не удовлетворялись в должной мере» [13, с. 37].

В начале 1980-х гг. XX века Чехословакия проигрывала по уровню экономического развития странам, ранее считавшимся отсталыми, таким как Южная Корея, Тайвань, Сингапур, которые показали быстрый темп экономического роста. Постиндустриальный этап развития не коснулся Чехословакии и других членов социалистического лагеря.

Такие страны, как Австрия и Венгрия, также демонстрировали успехи в экономическом развитии, что не могли не заметить в Чехословакии. Показатели экономического развития страны были низкими, что дискредитировало правящий режим.

В стране остро ощущалась необходимость проведения реформ для преодоления экономического отставания от других стран. Однако в социалистической системе проведение реформ было невозможно. Руководство КПЧ не предпринимало никаких действий в этом направлении, усугубляя кризис и вызывая рост недовольства населения. Партия до последнего надеялась на то, что СССР окажет помощь. Конструкция чехословацкой политической системы, как и других социалистических стран, была не способна к созданию более прогрессивных отношений на собственной основе. Поэтому любые реформы уже были бессмысленны. Требовался общественный порядок, основанный на демократических принципах. В основу предстоящих изменений необходимо было положить эволюционные методы революционных преобразований. Процесс получил название «трансформация».

После Второй мировой войны политическая монополия принадлежала КПЧ. Несмотря на то что в стране в рамках Национального фронта функционировали пять политических партий, реальная власть принадлежала коммунистической. В статьях 4 и 6 Конституции Чехословакии, принятой 9 мая 1948 г., закреплялась политическая монополия Коммунистической партии [4, с. 9]. Государство не обладало реальной властью – ею обладала Коммунистическая партия.

Политическая монополия КПЧ состояла в том, что в ее руках были сосредоточены властные политические функции. В демократическом обществе власть находится у государства, которое реализует ее через три ветви власти: законодательную, исполнительную и судебную. Система же «партия – государство» предполагает отсутствие оппозиции, общественного контроля над властью, сосредоточение властных функций у партийного руководства и его аппарата. «Кроме самой бюрократической деятельности партийного аппарата, бросалось в глаза то, какими привилегиями обладают функционеры и высокопоставленные сотрудники аппарата, как публично они выступают в качестве поучающих моралистов, а в жизни совершают поступки, противоречащие их расхожим проповедям. И то, как они сплоченно действуют, чтобы защитить свои привилегии. Эти сознательно создаваемые привилегии, естественно, не имели ничего общего с вознаграждением за труд. Они явно восходили к методам взяточничества и коррупции, благодаря которым высокопоставленные партийные чиновники обеспечивали надежность и зависимость подчиненных и корпоративную сплоченность всего аппарата» [13, с. 43].

Идеологией социализма в Чехословацкой Республике выступал марксизм-ленинизм, который также лежал в основе обучения молодежи, что было закреплено в Конституции страны (ст. 16) [14, с. 70]. Монополия на власть поддерживалась, в том числе, такими мерами, как преследование политических оппонентов, учинение расправы над ними.

Для укрепления тоталитаризма использовались такие методы, как запрет фракционности в правящей партии, свертывание внутрипартийной демократии. В результате власть сконцентрировалась в руках руководства КПЧ, которая установила не только монополию на власть, но и на мысль. Люди были лишены свободы убеждений.

Представителям творческой интеллигенции, которые были лишены возможности публично дискутировать, оставалось либо смириться с существующим строем, либо эмигрировать. Некоторые из них уходили в подполье, где высказывались взгляды, противоположные официальным идеям и выходящие за рамки цензуры, с помощью которой эти идеи охранялись [10].

Тоталитарный период развития страны, наступивший после 1968 г., породил эмиграционные волны. Эмигрировавшие из Чехословакии граждане не проводили активную деятельность с помощью средств массовой информации.

Целью Коммунистической партии ЧССР, которую возглавлял Густав Гусак¹, в 1970–1980-е гг. стало избавление от ревизионизма. Практически это выразилось в отсутствии возможности для огромного количества специалистов работать по профессии, поскольку монопольным работодателем в Чехословакии выступало государство, которое давало разрешение на работу. В результате люди были вынуждены выполнять низкоквалифицированную

¹ Густав Гусак (10 января 1913 г. – 18 ноября 1991 г., Братислава) – последний Президент социалистической Чехословакии, предпоследний лидер КПЧ.

работу. Подобная политика государства была направлена на наложение ограничения для определенной категории граждан на общение с другими людьми. Дети наказывались за убеждения родителей, не имея возможности даже получить высшее образование.

Проведение «чисток» в КПЧ привело к тому, что ее ряды были пополнены мечтавшими о карьере людьми, что породило среди населения страны апатию, депрессивные настроения, которые не могли быть преодолены только с помощью активности оппозиции.

В январе 1977 г. на свет появился документ «Хартия-77», в котором деятели науки, культуры, священники критиковали правительство страны за нарушение и, собственно, Конституции, и подписанных в Хельсинки в 1975 г. соглашений по правам человека, и документов Организации Объединенных Наций, касавшихся прав человека. Самым известным среди подписавших «Хартию-77» был Вацлав Гавел¹. Авторы этого документа подверглись репрессиям со стороны властей, причем не только они, но и их родственники. Помимо тюремных заключений люди выдворялись из страны, студенты исключались из университетов. Истории «Хартии» сопутствовала правительственная реакция под названием «Антихартия».

«Хартия-77», безусловно, стала проявлением гражданской смелости в эпоху, которая для чехословацкой истории была достаточно сложной с точки зрения гражданских позиций. После 1968 г. общество очень быстро согласилось с условиями, навязанными руководством Советского Союза, и быстро приспособилось к тем условиям, которые были внешне насильственно созданы. Это были условия, не являвшиеся террором, действовавшим со второй половиной 1930-х гг. в СССР, которые, безусловно, создавали достаточно комфортные возможности обывательского материального существования при очень жестких условиях, касавшихся нарушения именно тех обстоятельств, которые были важны лояльному к советскому начальству руководству КПЧ и правительства. Таким образом, отсутствовали свобода слова, возможность публиковать книги, преподавать в университетах для специалистов и людей, которые во второй половине 1960-х гг. естественным образом стали лидерами в своих областях, а после 1968 г. были уволены из университетов.

Представители «Хартии-77» не рассчитывали на быстрый успех, не питали надежд стать правящей элитой, поэтому больше внимания уделяли критике существующей политической системы. У «Хартии-77» не было однозначной политической платформы, поскольку туда входили и католики, и протестанты, и коммунисты, и антикоммунисты, что вызывало много критики и обвинений в недостаточной сформированности.

Начало революционного процесса многие связывали с надеждами на реформирование существующего строя. Проведенный в начале 1990 г.

¹ Вацлав Гавел (5 октября 1936 г. – 18 декабря 2011 г.) – чешский писатель, драматург, диссидент, правозащитник и государственный деятель, последний Президент Чехословакии (1989–1992) и первый Президент Чехии (1993–2003).

опрос общественного мнения показал, что около половины респондентов выступали за преобразование социализма, за «социализм с человеческим лицом», как выразился Н.Д. Постников в своей работе [12, с. 21]. Еще около половины респондентов предлагали соединить все достоинства капитализма и социализма. И лишь небольшая часть опрошенных (примерно 3%) отдавали предпочтение капитализму [12, с. 22].

Коммунистическая партия Чехословакии предпочитала провести реформы существующего строя, дополнив его разными формами собственности и политическим плюрализмом.

Возникновению в Чехословакии Гражданского форума предшествовал ряд событий. Всё началось со студенческих протестов: созданную студентами 17 ноября 1989 г. демонстрацию, в которой приняли участие 40 тыс. человек, жестоко разогнала полиция, что вызвало бурю негодования у многих граждан. Через два дня после случившегося в Праге собрались уже 200 тыс. человек. Каждый день поддержка студентов увеличивалась, и именно они на протяжении первых двух недель «Бархатной революции» были ее лидерами. В это время около диссидентов – Вацлава Гавела и остальных – формировался Гражданский форум, а студенты были его частью. Представители Гражданского форума были ориентированы на построение демократии по западному образцу, в основе которого лежит принцип разделения властей, политический плюрализм, приоритет прав личности.

Первоначально в Гражданском форуме не существовало иерархии. Гражданские форумы могли возникать в трудовых коллективах, на заводах, в разных ведомствах. И каждое из этих объединений могло внести предложения в список требований, призванных помочь обществу стать демократическим. Программы как таковой изначально тоже не было: речь шла о введении демократических принципов и либерализации жизни. Через полтора месяца из гражданской инициативы возникло де-факто политическое движение. Была составлена предвыборная программа. За основу были взяты требования, сформулированные после основания Гражданского форума. В этом тексте появился тезис о том, что отныне необходимо придерживаться принципов демократии, создавать плюралистическую политическую систему, что в конституции должны появиться положения Всеобщей декларации прав человека, должны быть предоставлены права свободно объединяться и выражать свою точку зрения и т.д. Тем не менее уже в это время велась конкретная дискуссия об экономической политике. С этого момента в Гражданском форуме начали оформляться правые, левые, центристские течения.

В своей политической деятельности Т.Г. Масарик¹ руководствовался принципом гуманизма, всеобщей свободы, открытости, не пренебрегал

¹ Томаш Гарриг Масарик (7 марта 1850 г. – 14 сентября 1937 г.) – чешский социолог и философ, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, а после создания государства – первый Президент Чехословацкой Республики (1918–1935).

интересами как всего общества, так и отдельного человека. Вопросы социальной сферы решались, не прибегая к радикализму. Действовали политические партии с различными программами. Для Т.Г. Масарика демократия была не только формой правления, но и частью жизни, которая возможна без насилия и с правом открыто высказывать свое мнение, критиковать.

Одним из требований Гражданского форума стало проведение демократических выборов. Выборы состоялись в июне 1990 г.: полугодовой переходный период был предоставлен, чтобы могли сформироваться политические партии. В итоге около 40 из них участвовали в выборах. Это был взрыв политического плюрализма. Речь шла о возобновлении деятельности организаций, возникших в 1968 г. Их развитие было прекращено в связи с вводом советских войск, и только в начале 1990-х гг. они получили возможность возродиться. Коммунистическая партия тоже участвовала в выборах: Гражданский форум предоставил ей такую возможность и не требовал ввести запрет на ее деятельность. Не все члены Гражданского форума разделяли эту точку зрения, что было доказательством широкой дискуссии, которая велась в рамках форума. Единственное требование, которое было тогда высказано – чтобы Коммунистическая партия передала государству принадлежащее ей имущество. В итоге Коммунистическая партия получила довольно большой процент голосов на выборах – 14% [3, с. 14].

Такие движения, как Гражданский форум, однако, не имели традиций в Европе, развитие демократии в которой было для реформаторов образцом, и не являлись, по их мнению, частью европейской политической культуры. В самой Чехословакии количество сторонников Гражданского форума стремительно падало. В январе 1991 г. 80% его членов приняли решение о превращении Гражданского форума в правую политическую партию. Гражданский форум прекратил свое существование, и на его месте образовались две партии – Гражданская демократическая партия (ГДП) и Гражданское движение (ГД), самостоятельным политическим субъектом стал существовавший в рамках Гражданского форума Гражданский демократический альянс. Гражданская демократическая партия представляла собой праволиберальную политическую силу, и возглавил ее Вацлав Клаус, а Гражданское движение во главе с Иржи Динстбиром разместилось в левом секторе политического ландшафта.

Эволюция посттоталитарной политической системы Чехословакии от первого этапа, на котором произошло объединение общественно-политических сил, позволившее положить конец господству коммунистического режима, перешла к следующему этапу, характеризовавшемуся развитием прямо противоположных процессов, связанных с «раздроблением» политической жизни и возникновением множества мелких союзов и группировок.

Не прошла испытание на прочность в условиях демократии и политического плюрализма идея единого чехословацкого государства. В ходе «Бархатной революции» 1989 г. чехи и словаки проявили единодушие и синхрон-

ность действий в борьбе против коммунистического режима. Можно было предположить, что они и далее объединят свои усилия в создании общего демократического государства. Однако этого не произошло. Углубление кризиса чехословацкой государственности явилось прямым следствием результатов выборов в Федеральное собрание ЧСФР в июне 1992 г.

Никогда уже не будет получен ответ на вопрос: можно ли было при переходе от тоталитаризма к демократии в 1989–1992 гг. сохранить государство в прежнем виде как Чешскую и Словацкую Федеративную Республику? Об остроте борьбы по вопросу о будущем государства можно судить по тому факту, что Федеральный закон о разделе страны был принят при повторном голосовании и с перевесом всего лишь в три голоса. Однако несомненно: чехи и словаки разошлись цивилизованно, в рамках существовавшего законодательства, являя пример другим странам, решившим идти по пути «разделения территорий».

Список литературы

1. Гавел В. Заочный допрос. М.: Новости, 1991. – 258 с.
2. Дегтярь Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы // Общество и экономика. 2000. № 8. С. 130–157.
3. Задорожнюк Е.Г. Вацлав Гавел: драматургия президентства // Кентавр. 1995. № 5. С. 10–22.
4. Конституция Чехословакии 1948 г. Прага: Орбис, 1993. – 87 с.
5. Коровицына Н.В. Агония соцмодернизации. Судьба двух европейских наций. М.: Наука, 1993. – 312 с.
6. Коровицына Н.В. Два решения национального вопроса: Чехия – Словакия до и после 1989 года // Славяноведение. 1995. № 6. С. 47–52.
7. Кривый В. Разграничительные линии в словацком обществе: множество режимов, коммунизм и индустриальная модернизация // Опыт демократических преобразований Словакии. М.: АСТ, 2007. – 311 с.
8. Мармазова О.И., Мармазова Т.Р. Формирование словацкой политической традиции в конце XX в. // Российский гуманитарный журнал. 2015. № 1. С. 52–57.
9. Мусатов В.Л. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М.: Научная книга, 1996. – 350 с.
10. Павел Тигрид и его «Свидетельство» был связующим звеном между духом французским и чехословацким. – Режим доступа: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/vdali/vaclav-gavel-pavel-tigrid-i-ego-svidetelstvo-byl-svyazuyushchim-zvenom-mezhdu-duhom-francuzskim-i-chexoslovackim> (дата обращения: 25.08.2018).
11. Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Л. М. Шаншиева. М.: РАН. ИНИОН, 2003. – 221 с.
12. Постников Н.Д. Бархатные революции в Польше, ГДР, Чехословакии. Хроника событий // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2010. № 3. С. 18–25.
13. Шик О. Весеннее возрождение: иллюзии и действительность. М.: Прогресс, 1991. – 198 с.
14. Щербакова Ю.А. Место Чехии в современной Европе и проблемы национальной безопасности // Посткоммунистическая Восточная Европа: новые межгосударственные отношения и внешнеэкономические ориентиры: сб. ст., обзоров и рефератов. М.: Норма, 1996. – 430 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Тимакова Ольга Александровна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: olga.timakova12@gmail.com

Olga A. Timakova,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: olga.timakova12@gmail.com

Мурашко Марина Михайловна,

аспирант,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: marina_murashko@hotmail.com

Marina M. Murashko,

postgraduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: marina_murashko@hotmail.com

Маркова Елена Андреевна,

кандидат филологических наук,
Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва.
E-mail: markova_ea@pfur.ru

Elena A. Markova,

Candidate of Philological Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow.
E-mail: markova_ea@pfur.ru

БУДУЩЕЕ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ

FUTURE OF THE GREATER EUROPE

28 ноября 2018 года в Институте Европы РАН состоялась Вторая Международная конференция молодых ученых «Будущее интеграционных проектов на пространстве Большой Европы». В научном мероприятии приняли участие эксперты из ведущих российских аналитических центров: Института Европы РАН, Национального исследовательского института мировой

экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова, МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО МИД России, РУДН, Института славяноведения РАН, НИУ «Высшая школа экономики», Института США и Канады РАН, Дипломатической академии МИД России, РГГУ, Финансового университета при Правительстве РФ, интернет-портала «Евразия. Эксперт», аналитического агентства «Внешняя политика». На конференции выступили иностранные ученые из Университета Санкт-Галлена (Швейцария), Европейского Университета-Института (Флоренция), Кёльнского университета (Германия), Белорусского государственного университета, Республиканского института высшей школы (Беларусь).

Центральной темой конференции стало развитие интеграционных процессов региона Большой Европы. На обсуждение были вынесены вопросы, касающиеся перспектив сближения Европейского Союза (ЕС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и возможные сценарии развития двух интеграционных проектов.

С приветственным словом к участникам конференции обратился председатель Совета молодых ученых Института Европы (ЕИ) РАН, ведущий научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований ИЕ РАН, кандидат философских наук **Р.Н. Лункин**. С вступительным словом выступил главный редактор журнала «Современная Европа», руководитель Центра украинских исследований ИЕ РАН, кандидат исторических наук **В.И. Мироненко**. Ученый изложил свой взгляд на роль и место российско-украинских связей в европейском контексте. Характеризуя двусторонние отношения, исследователь отметил, что украинский конфликт – это «колоссальная политическая ошибка» и от его разрешения зависит дальнейшее взаимодействие России и Европейского Союза, а данная проблематика останется в фокусе внимания отечественной европеистики на ближайшие годы.

Первая секция конференции была посвящена проблемам и перспективам сближения ЕС и ЕАЭС. Докладчиками были затронуты вопросы о том: в каких формах возможно дальнейшее сосуществование двух соседствующих интеграционных идей; какой сценарий развития их отношений наиболее вероятен; какая модель взаимодействия могла бы способствовать наиболее интенсивному развитию макрорегиона Евразии?

Модератор секции, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН, кандидат исторических наук **А.В. Цвык** в своем выступлении обратился к проблематике терминологии концепций Большой Европы и Большой Евразии, а также осветил основные вехи формирования Евросоюза и Евразийского экономического союза.

Научную дискуссию продолжил участник конференции **А. Греф**. Отвечая на вопрос о позиции Германии в отношении взаимодействия ЕС и ЕАЭС, исследователь высказал мнение, что смена руководства в правящей партии ФРГ в ноябре 2018 г. не повлечет за собой изменений в германском подходе к сближению двух интеграционных объединений. А. Греф отметил, что

политическое руководство ФРГ по-прежнему ставит под вопрос идею «интеграции интеграций» ввиду разных экономических потенциалов ЕС и ЕАЭС. Сближению препятствует также стагнация в разрешении конфликта на Украине. По мнению ученого, необходима выработка совершенно нового пути для дальнейшего развития диалога.

Участница конференции **А.С. Айвазян**, комментируя роль и место Армении в переговорном процессе между ЕС и ЕАЭС, отметила, что на данном этапе основная проблема заключается в том, что в результате смены власти в апреле 2018 г. новое политическое руководство до сих пор не сформировало представление о степени интегрированности Армении в данные экономические объединения. Вместе с тем существенных изменений во внешнеполитическом курсе, по мнению докладчика, ожидать не стоит. Несмотря на попытки балансировать в треугольнике ЕАЭС – ЕС – Россия, Армения по-прежнему находится в зависимости от России во многих сферах. А.С. Айвазян высказала сомнение, что новое политическое руководство возьмет курс на более тесное взаимодействие с ЕС.

По мнению кандидата политических наук **А.А. Кинякина**, государствам – членам ЕАЭС для развития связей с Евросоюзом необходимо отказаться от прежних практик интеграции. Постсоветский интеграционный «Эффект колеи» приводит к потере динамики и общей дисфункции Евразийского экономического союза. Ученый обозначил пять условий, создание и соблюдение которых окажут влияние как на динамику внутреннего развития ЕАЭС, так и на темпы его сближения с Евросоюзом. Во-первых, востребована модель развития, которая принимала бы во внимание амбиции ЕАЭС сбалансированно развивать инфраструктурные проекты как с ЕС, так и в рамках ШОС и китайской инициативы «Один пояс – один путь». Во-вторых, необходимо отказаться от политических мотивов при принятии решений в ущерб экономическим интересам субъектов ЕАЭС. В-третьих, в сфере управления целесообразно делегирование больших полномочий национальным органам. Четвертая особенность заключается в ликвидации конфликтов интересов между государствами – членами ЕАЭС, поскольку «торговые войны» усиливают протекционизм и негативно сказываются на развитии всего объединения. В-пятых, необходимы наличие единой евразийской идентичности и ценностного базиса для повышения привлекательности ЕАЭС как стабильного и надежного партнера для диалога.

Вторая секция конференции была посвящена проблеме фрагментации ЕС и усилению евроскептических настроений. Ключевыми вопросами, вынесенными на обсуждение, стали: тенденции и перспективы дальнейшего развития интеграционной модели ЕС; возможность ослабления или роста доверия к идее наднациональных структур ЕС; эффект от фрагментационных процессов внутри стран – членов ЕС (как на политическом, так и на социальном уровнях), Брекзит, вспышки сепаратизма в разных регионах Европы. Особое внимание было уделено вопросу о росте критики в адрес Россий-

ской Федерации по поводу использования евроскептических настроений как ресурса своей внешней политики.

С импульсным докладом выступил преподаватель кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России, младший научный сотрудник Центра документации ЕС РАН **А.О. Доманов**. Исследователь обратил внимание участников конференции на статистику результатов выборов в странах Европы, которая демонстрирует, что электоральная база правых и левых популистских партий расширяется. Ученый выделил слои населения, наиболее восприимчивые к популистской идеологии. Евроскептические партии артикулируют фобии данных электоральных групп, доказывая, что созданная интеграционная экономическая структура и открытость глобализации ведут к негативным результатам для отдельных национальных государств. Они призывают вернуть полномочия на национальный уровень или ограничить их дальнейшее делегирование на наднациональный уровень. Таким образом, руководство стран Европы в стремлении не потерять избирателей вынуждено претворять часть евроскептических идей в жизнь. Отвечая на вопрос о будущем интеграционных проектов на пространстве Большой Европы, докладчик выразил мнение, что недоверие граждан ЕС к действиям чиновников в Брюсселе способно как повысить привлекательность евразийской интеграции, так и привести к отторжению данной идеи.

Открывая дискуссию об особенностях евроскептических идей в странах Европы, кандидат политических наук **К.А. Годованюк** отметила, что именно Великобритания стала триггером роста евроскептических настроений. То, что Великобритания стала первой страной, которая покидает «европейскую семью», по мнению ученого, было предопределено ходом истории. В своем докладе исследователь проследила эволюцию развития евроскептических идей в Соединенном Королевстве, отметив, что первой антиевропейской партией стала Партия независимости Соединенного Королевства. К.А. Годованюк подчеркнула, что последствия Брекзита для ЕС и Великобритании остаются неясными, как и условия сделки: окажется ли Великобритания действительно свободной от Евросоюза или она лишь потеряет право голоса, оставаясь интегрированной в европейские структуры?

Последствиям выхода Великобритании из Евросоюза было посвящено выступление кандидата исторических наук **О.В. Охошина**. Ученый обратил внимание участников на проблему Северной Ирландии, указав, что данный вопрос является самым сложным для решения из всех условий Брекзита. Исследователь подчеркнул, что восстановление сухопутной границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландия на данный момент представляется наименее приемлемым вариантом, в связи с чем на саммите ЕС в ноябре 2018 г. было решено заморозить согласование данного вопроса до 2020 г. В докладе также отмечалось, что Правительство Республики Ирландия опасается возобновления конфликта на островах.

Доклад младшего научного сотрудника Центра партийно-политических исследований Института Европы РАН **В.С. Грибовского** был посвящен антисистемным партиям в Европе. Ученый отметил, что общим началом данных партий является национализм, который антисистемные политические силы рассматривают в качестве магистрального направления, как в общеевропейской, так и во внутренней политике. В первом случае речь идет о сохранении национального государства, суверенитет которого не должен делегироваться в наднациональные институты. Во втором случае это связано с требованием закрепить национальную культуру коренного народа в качестве ведущей культуры внутри общества той или иной европейской страны.

Продолжая тему популизма и роста представительства антисистемных партий в правительствах стран Европы, кандидат политических наук **С.А. Шеин** в своем выступлении акцентировал внимание на позитивных итогах данной тенденции. По мнению ученого, положительный эффект от роста поддержки популистских и этнорегиональных сил заключается в том, что это способствует сокращению демократического дефицита в модели представительной демократии в Европе. Исследователь считает, что попытка сократить демократический дефицит сегодняшними политическими элитами достигается, как правило, с помощью реализации некоторых программных установок своих оппонентов, пользующихся наибольшей поддержкой «забытых» социальных групп и использованием референдума в качестве инструмента повышения легитимности принимаемых решений.

Выступление кандидата политических наук **Е.А. Масловой** было посвящено развитию идей евроскептицизма в Италии – одной из стран – основательниц проекта Единой Европы. Исследователь рассмотрела историю развития партии министра внутренних дел Италии Маттео Сальвини «Лига Севера», которая с момента своего создания центральным пунктом программы указывала создание единого независимого государства Падания, т.е. выступала за отделение северных, наиболее экономически развитых областей страны. Докладчица указала, что после «ребрендинга» и смены названия на «Лига» партия отошла от любых проявлений сепаратизма и выступает за жесткую политику в отношении нелегальных иммигрантов. Исследователь аргументировала, что действия М. Сальвини характеризуют его как сторонника Единой Европы. В его риторике появляется постулат о том, что все страны сообщества вместе должны противостоять общим вызовам и угрозам и одним из таких вызовов является миграция. Тем самым подчеркивается и то, что Италия не хочет и не собирается в одиночку нести миграционное бремя.

По мнению младшего научного сотрудника Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института Славяноведения РАН **В.В. Никитина**, фундамент евроскептицизма в Словакии был заложен самим Брюсселем при участии Вашингтона в виде рекомендаций и требований к стране в момент вступления в Евросоюз и НАТО, без выполнения

которых она не смогла бы стать членом данных структур. Докладчик обозначил, что в настоящее время поддержка ЕС со стороны населения Словакии сокращается. В законодательный орган прорываются новые, или «нетрадиционные», партии (Словацкая национальная партия (СНП), Народная партия «Наша Словакия» (НП-НС)). При этом даже некоторые либеральные силы (например, либеральная партия «Свобода и солидарность» Рихарда Сулика) выдвигают концепцию по реформированию ЕС. Исследователь аргументировала, что сегодня в Словакии искажена структура экономики в пользу установления и развития внешнеэкономических связей с банковским и промышленным секторами, а не улучшения внутриэкономической ситуации. Таким образом, создаются предпосылки как для дальнейшего ухудшения социально-экономической сферы, так и для падения доверия к ЕС.

Темой **третьей секции** конференции стали актуальные проблемы безопасности, в рамках которой были освещены такие вопросы, как: влияние современных интеграционных моделей ЕС и ЕАЭС и существующих контактов в пределах пространства Большой Европы на способности стран обеспечивать свою безопасность и безопасность своих соседей; задачи, которые стоят перед интеграционными проектами в связи с миграционным кризисом, военными действиями в Африке и на Ближнем Востоке, и т.д.

Научный сотрудник Департамента международных отношений НИУ «Высшая школа экономики», кандидат политических наук **Г.И. Кутырев** осветил этапы создания общей европейской политики безопасности и обороны в постбиполярный период. Выделяя особенности новой инициативы Президента Франции Э. Макрона и канцлера Германии А. Меркель – программы постоянного структурированного сотрудничества в сфере обороны (PESCO), – ученый указал на основные спорные моменты: будут ли разграничены функции НАТО и европейской армии или произойдет конфликт полномочий; как будет строиться бюджетирование обеих структур; хватит ли политической воли лидеров европейских стран для создания жизнеспособной структуры, независимой от НАТО и США?

Подробнее разные проекты европейских армий затронул в своем выступлении кандидат исторических наук **А.П. Соколов**. Он указал, что на данный момент существуют два больших направления в рамках военно-политической интеграции в Европе. Первое – уже упоминаемая инициатива PESCO. По мнению исследователя, несмотря на постоянное расширение проектов, которые осуществляются в рамках этой инициативы, главной проблемой ее реализуемости остается устойчивость франко-германского тандема в условиях расходования целей его участников. Второе направление – двустороннее сотрудничество на уровне вооруженных сил между Германией и ее ближайшими соседями (Нидерландами, Чехией, Румынией и др.), которое предполагает передачу руководства над определенными частями их армий ФРГ.

Продолжил дискуссию кандидат политических наук **П.П. Тимофеев**, рассмотрев роль Франции в проекте PESCO. Ученый обратил внима-

ние, что большинство подразделений в рамках данной структуры создано либо по инициативе, либо при поддержке Франции. Объясняется это тем, что экономически Франция никак не может претендовать на статус лидера в Европе, но, имея серьезный военно-политический потенциал, страна в данном случае использует его как фактор продвижения своих интересов. Касательно перспектив развития PESCO и потенциального сотрудничества с Россией, докладчик отметил, что при использовании PESCO для решения глобальных проблем, таких как борьба с международным терроризмом, например в Средиземном море, она может быть перспективным партнером для России.

Кандидат исторических наук **В.В. Трухачев** посвятил свое выступление влиянию миграционного кризиса на страны Вишеградской группы. Ученый выделил причины нежелания принимать мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки со стороны населения вишеградских стран. Главная причина – экономическая, так как данные государства не могут в полной мере обеспечить работой и должным уровнем социальной защиты собственных граждан. Другая причина кроется в особенностях политических процессов, происходящих в данных государствах, отвергающих идею мультикультурализма. Подводя итог, докладчик указал, что страны Вишеградской группы фактически нарушили принцип европейской солидарности, поставив под сомнение способность следовать принятым на себя обязательствам.

Европейский взгляд на проблемы интеграционных процессов и стабильности в Европе высказал **Й. Драйджер**. Ученый выдвинул гипотезу, что в Европе сейчас существует несколько «небольших кризисов» и один «большой кризис». Исследователь пояснил, что «большой кризис» – это противоречия Запада и Евразии, а «небольшие кризисы» касаются трансатлантической солидарности и Брекзита. Й. Драйджер суммировал, что именно наличие «большого кризиса» привело к большей восприимчивости европейскими странами «небольших кризисов».

В своем выступлении кандидат политических наук **О.А. Тимакова** затронула стратегическую ситуацию, существующую в Европе с момента распада биполярной системы международных отношений. Докладчица аргументировала, что фактическое выведение России из системы европейской безопасности привело к появлению серии кризисов и установило практику поддержания «замороженных конфликтов». Исследователь отметила, что отсутствие сформированной новой повестки дня тормозит возобновление диалога.

Участник конференции **Ф. Рифер** указал, что после прихода к власти В.В. Путина наблюдается всё большая артикуляция неприятия и взятия под сомнение роли России в постбиполярном мире. Докладчик показал, что страны Европы находятся в противоречии между необходимостью «совместной конфронтации» или «конфронтационного сотрудничества» в отношении ревизионистских настроений России. По его мнению, выход

из сложившейся ситуации заключается в возобновлении действия международных договоров и активизации сотрудничества на площадках международных организаций.

Проблеме урегулирования «затяжных» конфликтов посвятил свое выступление младший научный сотрудник Центра международной безопасности Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН **С.В. Растольцев**. По его мнению, подобные конфликты на постсоветском пространстве стали одной из характерных черт системы безопасности в Европе после окончания «холодной войны». Несмотря на то что было предпринято много попыток решить их и к переговорному процессу были подключены крупнейшие акторы в области европейской безопасности, многие из этих конфликтов остаются неурегулированными. Докладчик указал, что, с одной стороны, проблема решения такого рода конфликтов часто становилась «камнем преткновения» в достижении новых договоренностей по архитектуре безопасности в Европе. С другой стороны, отсутствие прогресса в диалоге по общеевропейской безопасности создавало такой негативный фон, который препятствовал урегулированию этих конфликтов. В выступлении подчеркивалось, что создание благоприятной среды для решения «затяжных» конфликтов способно нормализовать общую систему безопасности Европы.

* * *

Широкий диапазон освещенных на конференции вопросов и проблем, связанных с будущим пространства Большой Европы, показывает, насколько важными являются подобные научные мероприятия. По итогам конференции планируется издать коллективную монографию, в которой будет отражен взгляд молодых ученых на будущее интеграционных проектов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«Статья принята к публикации в “Вестнике Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языке, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не опубликован в других печатных или электронных изданиях.

Для каждой статьи **обязательна рецензия**, подписанная специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Для статей **аспирантов и соискателей** необходима рецензия научного руководителя.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем (примечания – 10-м кеглем), шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. Объем статьи не должен быть меньше 20 тыс. знаков и статья не должна превышать одного авт. листа (40 тыс. знаков с пробелами) без учета аннотации. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

В конце каждая статья сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Список литературы»), расположенных в алфавитном порядке:

– для книжных изданий: Автор. Название: Пер. с англ. (нем., фр. и т.д.) Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 С.

– для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. С. 00-00.

– для интернет-источников:

1) Автор. Название / Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц.). – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала / Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы вышеперечисленного см. в уже вышедших номерах или на сайте журнала.

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Список литературы») и страница (-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки – примечания должны иметь сквозную нумерацию по статье.

Материалы следует присылать по электронной почте: vestnikdipacademy@yandex.ru

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- список литературы.

Научный периодический журнал

Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир

2019. № 1 (19)

Редактор — *Н.В. Багрова*
Корректор — *Н.В. Мартыненко*
Верстка — *Т.А. Пробылова*
Художественный редактор — *В.Р. Димухамедова*

Подписано в печать 04.03.2019. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 13,1.
Тираж 100 экз. Заказ №

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30